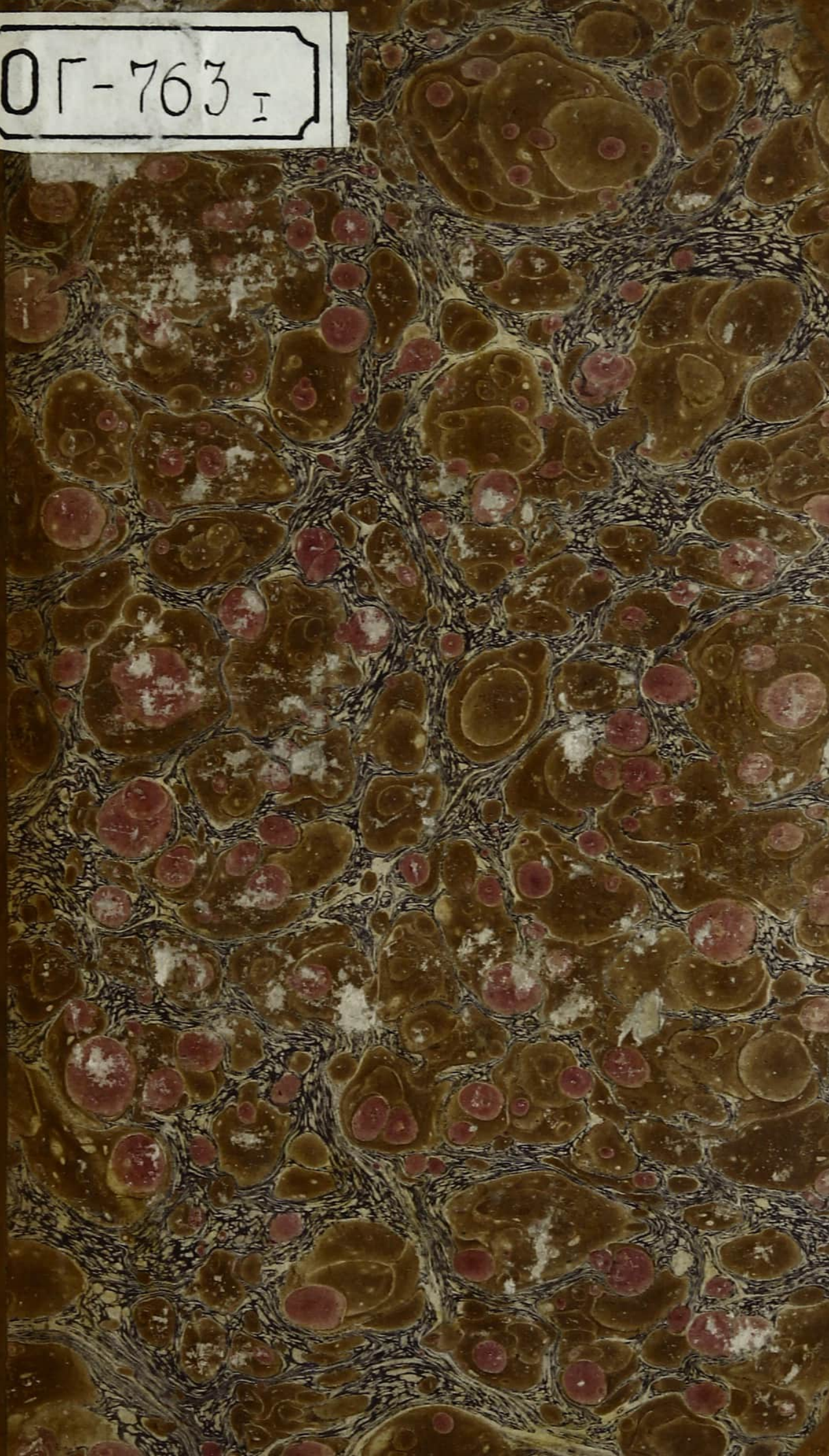

0Г-763 I

664

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

--	--

Колич. предыд. выдач _____

Т. „Ком. труда“ з. 880

Иванов
Иванов

71

Иванов
Иванов

9

4/1

664

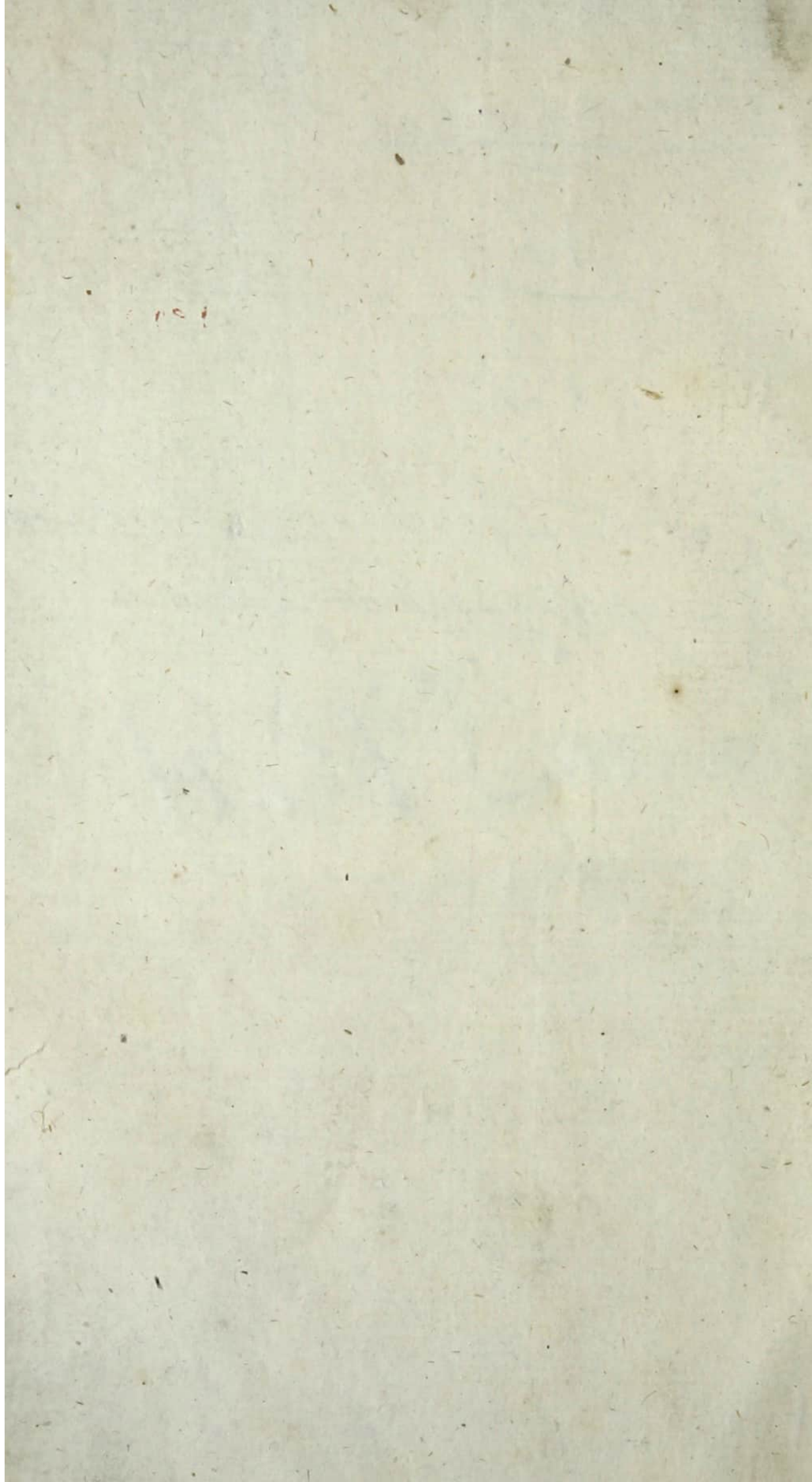
14
VI

№ 11

Листъ свидѣио мое кн. Князю
своему Якобу Ивановичу.

Съему 1761.

4/1

51/62

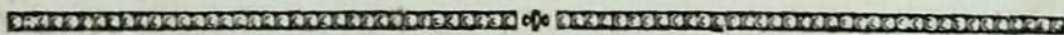
СТИХОТВОРЕНІЯ

Г.703
ред. экз.

НИКОЛАЯ ГРАММАТИНА.

118

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Императорской
Россійской Академіи,

1829 года.

1941

1948

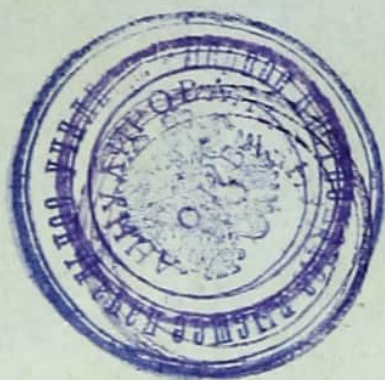
2.0.11

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи предспавлено было въ Главный Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги на основаніи узаконеній. С. П. Б. Февраля 21 дня, 1828 года.

Цензоръ Продионъ Вятринскій.

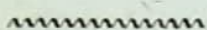

СОЧИНЕНІЯ.

COLLEGE

Д Ъ Т С К А Я М О Л И Т В А .

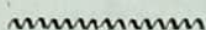
Невидимый Творецъ безчисленныхъ свѣшилъ !
Сокрытый въ прахъ червь мгновенный ,
Но червь, въ кошоромъ Ты Себя изобразилъ ,
Подъемлешь взоры дерзновенны
Къ прешолу Твоему.

О непоспижное величїе уму !
Огромныхъ солнцевъ шмы мелькающъ ,
Какъ шѣни предъ Тобой ;
Велишь, ихъ нѣпшъ; велишь, пылающъ ,
Могущій ! Трисвятой !

Пущь Ангеловъ полки со шрешпомъ Священнымъ,
Звуча спрунами дивныхъ лиръ,
Поющъ Твою хвалу по сферамъ изумленнымъ ;
Пускай сей велелѣпный мїръ ,
Твоимъ созданный словомъ ,
Всегда украшенный, всегда во цвѣшѣ новомъ ,
О силѣ Творческой вѣкамъ благовѣспиншъ ,
О Милоспш Прешвятая !
Мой восхищенный духъ хвалу Тебѣ гласиншъ ,
Любовію пылая.

Подъ опческой рукой Твоей,
Опасной дней моихъ спезей,
Иду съ душою безмятежной;
Тобой хранимый съ высопы,
Доспигну приспани надежной.
Бѣды жишейскія — мечпы,
Одной минушы испыщанье;
Найду награду за спраданье.

О Ты, Опець любви! внемли моей мольбѣ:
Спаси неопышность мою опъ прешкповеній,
Да буду невредимъ среди мѣрскихъ волненій,
Да научусь шворишь угодное Тебѣ,
Всѣмъ сердцемъ возлюблю законъ Твой благодатный,
Въ сей жизни поживу для жизни я другой,
Безъ сожалѣнія оспавлю мѣръ превратный,
И съ чистою душой на судъ предспану Твой.

В Р Е М Я.

Паришь Сашурнь немилосердый
Полешомъ быспрымъ, роковымъ ;
Падунъ сполъшни дубы, шверды,
Какъ просшь, какъ быліе, предъ нимъ.
Десницей сильною коснешся,
Дрожашь-сердца кремнистыхъ горъ ;
Все цѣпеѣшь, все прясешся,
На что ни бросишь спрашный взоръ.

Гдѣ прежде грады возвышали
Твердыни грозны къ небесамъ,
Законы міру подавали,
Теперь звѣрей жилище шамъ ;
Гдѣ въ яросши кипѣли воды,
Тамъ воешъ одичавшій лѣсъ ;
Преходяшь царства и народы,
Померкнешъ блескъ самихъ небесъ.

Вездѣ зїяешь разрушенье ,
Весь міръ ешь пища смерти злой ,
Единый смертный въ заблужденьи
Не видишь бездны предъ собой ;
Забона, спросишь его спѣдаешь ,
Спремленьямъ сердца нѣшь преградъ ,
Онъ въ гордыхъ мысляхъ воспаряешь ,
Какъ будто вѣкъ не умираешь .

О вы, ужасными спезями
Грядущіе за славой въ слѣдъ !
Размыслише, герои, сами :
Что значить звучный громъ побѣдъ ?
Взгляните на спихій премѣны ,
Взгляните на развалинъ рядъ ; —
Кровавы лавры ваши плѣнны ,
Ихъ поздни вѣки помрачатъ .

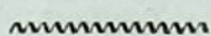
Великолѣпны чада свѣща ,
Богащесва, чесни, суешы ,
Желаній ненасыщныхъ мѣща !
Надежны ль ваши красоты ?
Сапуръ свирѣны кинешь взоры ,
Забавы, радости прошли ;
Вчера счастливецъ двигалъ горы ,
Сегодня плѣешь внутрь земли .

Не лучше ль умереть навѣки,
Башыевъ имя чѣмъ носишь?
Пускай не будущь человекъ
О насъ по смерти говоришь,
Пускай могилы шой не знаютъ,
Въ кошорой скрытъ нашъ хладный прахъ;
На гробъ нашемъ не чинаютъ:
„Онъ былъ народовъ бичъ и страхъ.“

Все въ мѣръ плѣнно и не вѣчно,
И все со временемъ пройдетъ,
Какъ соць прѣлшней, скоропечной;
Блаженства пвердаго здѣсь нѣтъ.
Падутъ Египетски громады,
Безумной власши гордый знакъ,
Угаснутъ солнцеви мириады,
И все покроетъ вѣчный мракъ.

Одна Святая добродѣтель
Ошь смерти къ небесамъ паритъ;
Лишь съ ней вселенныя Содѣтель
Свое безмерье раздѣлитъ.
Сатурнъ! она не усрашился
Косы губительной швоей;
Вселенна въ хаосъ погрузишя,
Но слава вѣчно будетъ съ ней.

С Л А В А.

Доколь, смершныя, слѣныя,
Друзей и брашій вамъ губишь,
И дни Аспрен, дни злашыя,
Войны пожарами мрачишь?
Доколь одишь спези кровавы
Веспи къ величю будишь васъ?
Доколь плѣняишь блескомъ славы,
И заглушаешь природы гласъ?

О ты, кому приносишь дани
Родъ смершныхъ, въ заблужденъи злой,
О слава, машь раздора, брани!
Коликихъ бѣдспвѣй ты виной?
Твои поклонники, герои
Въ пустыни превращающъ свѣшъ;
И мы геройспвомъ чшимъ разбой,
Нашъ слухъ плѣняешъ звукъ побѣдъ.

Кому дивимся мы слѣпые?
Кого вѣнчаемъ мы хвалою?
Попранны къмъ права свяшья,
Нарушенъ свѣша къмъ покой,
Кшо спрашь своихъ опустошишель,
Природы бичь, гроза и спрахъ,
Народовъ цѣлыхъ истребишель,
Кшо рода смершныхъ злѣйшій врагъ.

Сколь малы вы, владыки свѣша,
Сколь малы вы въ моихъ очахъ,
Когда единстввенная мѣша
Была у васъ народовъ спрахъ,
Когда вы славою гремѣли
И свѣша рушили покой,
Когда иначе не умѣли
Народъ содѣлать славнымъ свой!

Что вашу славу соспавляешъ?
Что васъ великими пворишь?
Народъ подъ игомъ золь спенаешъ,
Пресполь вашъ кровію облишь,
Ощцовъ лишенные рыдающъ,
Въ ихъ смерти обвиняющъ васъ;
Отвсюду кляшвы заглушающъ
Торжеспвенный побѣды гласъ.

Однѣ убійства предсавляющъ
Быпописанья вашихъ дней
Монарховъ славу сосавляющъ
Уже ли бѣдствія людей?
Міровъ Творца изображенья,
Должны ли влась свою являшъ
Въ однихъ громахъ и разрушенъ,
И слабыхъ смертныхъ поражашъ?

Не лучше ль вѣчно бышь забвеннымъ,
Или добромъ единымъ жишь,
Чѣмъ славой, власью оплеченнымъ,
И всей земли грозою слышь?
Завидна часъ Наполеона
Тираннамъ можешъ бышь однимъ,
Поправшимъ свяпосъ всю закона,
Безчеловѣчнымъ, гордымъ, злымъ.

Владыка крошкѣй полусѣша,
Ушѣха славныхъ Русскихъ спрашъ,
Кого блаженство наше мѣша,
Кшо намъ для щасья небомъ дашъ!
Ты брани велъ, но не для славы;
Ты свой народъ обороняшъ,
Разширишъ не хошѣлъ державы,
Ты бранью миръ намъ даровалъ. (1)

У васъ однихъ, владыки міра,
Народовъ счастье въ рукахъ!
Сіяешь ваша пусь порфира
Единой благосшью въ вѣкахъ;
Пожары браней пошушите,
Зажгите доблесшей зари,
Въ судахъ судъ правый водворите,
И ваши гробы — Олшари!

У М Ъ Р Е Н Н О С Т Ь .

Блаженъ спокрашно, кшо умьенъ.
Цьишь , умьренность , себя !
Кшо бѣдной хижиной владьешъ ,
И Крезомъ чшишь впорымъ себя ;
Кшо хвалишь перемъ позлащенный
И въ немъ не хочешъ обипашъ ;
Кумиръ, звѣздами украшенный ,
Чей взоръ не можешъ ослѣпляшъ.

Онъ знаешъ, чшо богатство, слава
Есть бремя шяжко для людей ,
Ушѣхи роскоши—оправа
И лица гибельныхъ спраспей ;
Онъ знаешъ, и судьбой доволенъ,
Чего желашъ ему ? онъ воленъ.

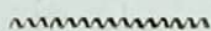
Блаженъ, кто въ самыхъ наслажденьяхъ
Тебя, умеренность, хранишь!
Разборчивъ кто въ увеселеньяхъ,
Здоровье дорого цѣнишь.
Здоровье, другъ упѣхъ безцѣнный,
Душа и жизнь всѣхъ благъ земныхъ,
Сколь все дары невождебны
Фортуны безъ даровъ швоихъ!

Блаженъ, кто призракомъ блестящимъ,
Что славою народъ зовешь,
Не ослѣпленъ, и сердцу льстящимъ
Желаньямъ воли не даешь;
Онъ знаешь, счастья прямаго
Подъ солнцемъ не было и нѣтъ,
И жизни времени злаго
Не прашишь для пусныхъ суешъ.

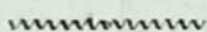
Блаженъ спокрашь, блаженъ, кто знаешь
Душевный дорогъ сколь покой,
Безъ зависпи на все зриаешь,
Не хочешь удивляшь собой,
Благодаришь Творца вселенной,
Что промышляя обо всемъ
По благоспи неизреченной,
Печешся также и объ немъ.

Блаженъ, кто друга здѣсь имѣешь ,
Кто въ мѣрѣ семь не одинокъ ;
Кто симъ сокровищемъ владѣешь ,
Тому не страшень злобный рокъ ;
Бѣда ли, горели случится ,
Ему надежный дружба щипъ ;
Не лзя опъ спрѣль ихъ защишишь ,
Она ихъ жало припунишь .

Блаженъ и пошъ, кто даръ чудесный
Бряцашь на лирѣ получилъ ,
Кого числѣйшій лучъ небесный
Спихошворенья озарилъ ;
Въ безвѣспности, въ уединеньи ,
Онъ славишь счастье мирныхъ дней ,
И въ шихомъ сердца восхищеньи
Поешъ умѣренность, друзей .

Б Е З С М Е Р Т І Е .

Х О Р Ъ .

*Блдный странникъ! ободрился ,
Взоръ прости свой къ небесамъ ;
Все прошло, возвеселился ,
Зри: Отецъ нлжнтейшій тамъ.*

Міръ жилице нпышаній ,
Суешы, скорбей удѣль ;
Тамъ жилице воздаяній ,
Мукамъ, горесшямъ предѣль ;
Тамъ верховное блаженство
Духъ вкушаешь наконецъ ,
Зришь повсюду совершенство ,
И гласишь: „великъ Творецъ!“

Х О Р Ъ.

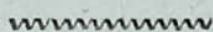
*Прочь, безумица, есть творенье !
И Творецъ, и правда есть ;
Торжествуетъ Провиденье ,
Воспріяла Вѣра честь.*

Благо рукъ Твоихъ созданье,
О вѣсильный Царь міровъ!
Не на скорбь, не на спраданье
Создалъ Ты Своихъ сыновъ;
Здѣсь печали всѣ мгновенны ,
Есть другой и лучшій свѣтъ ,
И въ гармоніи вселенны
Несогласныхъ звуковъ нѣтъ.

Х О Р Ъ.

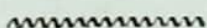
*Перестанемъ сомнѣваться
Въ правосудіи Творца ;
Будемъ твердо полагаться
На вѣжнѣйшаго Отца.*

Наша жизнь—одно мечпанье ,
Смертный въ міръ семъ пришлецъ ;
Щипъ ошъ бѣдспвій упованье ;
Сопъ прошелъ, всему конецъ.
Тамъ найдемъ успокоенье ,
Гдѣ печали, скорби нѣтъ ;
Смерть ошъ сна есть пробужденье ,
Насъ за гробомъ вѣчнось ждешъ.

У С Л А Д Ъ и В С Е М И Л А .

(Старинная Русская баллада.)

„Радость дней моихъ, Всемила !
Не груши, не плачь о мнѣ ;
Безъ себя мнѣ жизнь послыла
Будешь въ дальной споронѣ.
Не груши, за Русь Свящую ,
За Царя, за край родной ,
На Липву иду кляшую ,
Скоро свидишься со мной.
Предъ Свящими Образами,
Предъ всевидящимъ Творцемъ
Лучше слезы лей ручьями
О возвращѣ ши моемъ.“

Часть I.

2

Такъ , прощаясь со Всемилой ,
Говорилъ Уладъ молодой .
„Ахъ ! могу ль распашься , милой ,
Безъ поски , безъ слезъ съ побой ?“
Золопо кольцо снимала
Съ бѣлой ручешки своей ,
Другу на руку вздѣвала ,
Чтобы помнилъ онъ объ ней .
„Можешъ бышь , давно могила
Ждешъ себя въ спранѣ чужой ;
Знай , не будешъ живъ Всемила ,
Свѣшь ей милъ однимъ побой .“

Время мчися , пролеташеть ,
Объ Уладѣ слуха нѣшь ;
Дни Всемилы скорбь свѣдаешъ ,
Ей прошивенъ бѣлый свѣшь .
Друга ждешъ назадъ всечасно ,
День и ночь объ немъ труснишь ;
Ожиданіе напрасно !
Ахъ , надежда щещино льспишь !
Не спѣшишь Уладъ , къ Всемиль ,
Вѣспи къ дѣвицѣ не шлешъ ;
Не уже ли онъ въ могилѣ ?
Не уже ль покинулъ свѣшь ?

Чѣмъ разгнашь печаль и скуку?
Сердцу гдѣ найши покой?
Получишь Всемилы руку,
Вошь прѣхалъ Князь молодой.
Злашо, - шкани дорогія
И алмазы ей даришь;
„Будь моею! дни злашыя
Пошекушь для насъ“ швердишь.
Долго слушаешь не хощьла
Словъ, гдѣ лещи ядъ былъ скрышь;
Бышь измѣнницей робьла,
Наконецъ. Усладъ забышь.

Гдѣ, Всемила, обещаешь?
Гдѣ хранишь, Ангель швой?
Часъ разлуки, часъ свиданья,
Позабыно все шобой.
Ахъ! но что съ Усладомъ будешь;
Онъ любви не измѣнишь;
Долгу, кляшвы не забудешь;
Вѣрность къ милой сохранишь.
Спрашно въ гнѣвъ Богъ караетъ,
Имъ возженъ въ насъ огнь любви;
Богъ измѣнницъ не прощаетъ,
Гнѣвъ свой шунишь въ ихъ крови.

Ужъ доспигла въспъ Услава
(Вѣрный другъ ее принесъ),
Смерпъ одна ему ошрада,
Смерпи молипъ опъ небесъ.
Небеса моленью вяли
(Знапъ оно доспигло ихъ),
Смерпи Ангела послали
Разрѣшипъ опъ узъ земныхъ.
Въ цвѣпъ дней Усладъ средъ боя
Жизнъ опчизнъ въ даръ принесъ;
Въ землю скрыли прахъ Героя,
И никшо не пролилъ слезъ.

Вошъ Всемила съ новымъ другомъ
Брачный празднуешъ союзъ;
Всѣ желаюпъ ей съ супругомъ
Легкихъ и пріятныхъ узъ.
Алый сокъ драгій спруишя
Въ кубкахъ серебряныхъ, злапыхъ;
На ланипахъ радоснъ зришя,
Пьюпъ здоровье молодыхъ.
Вдругъ во храмину всшупаешъ
Вишязъ; взоръ сокрыпъ его.
Какъ ни просяпъ, не снимаешъ
Вишязъ шлема своего.

Онъ кольцо вручилъ Всемиль ,
Сспрасни пламенной залогъ :
„Торжествуй! Усладь въ могилъ ;
Но измѣну видишь Богъ ;
Спяшь въ его десницѣ грома ,
Но Онъ злыхъ гошовъ карашъ!“
Рѣчь и поступъ ей знакомы ,
Просишь шлемъ пернашый сняшь .
Долго вишьязъ не рѣшался
Скинушь шлемъ съ главы своей ,
Наконецъ повиновался ;
Чшо жъ предшавилось предъ ней ?

Зришь Услава; изъ могилы
Онъ восшалъ (о спрашнбый видъ!).
Сшынешъ въ жилахъ кровь Всемилы ,
Громъ ужасный въ слухъ разишь ;
„Ты моя! ничшо на свѣшъ
Насъ не можешъ разлучишь.“
Такъ Всемилы дней во цвѣшъ
Прервалася жизни нишь .
Ахъ, красавицы, учишесь
Кляшвы данныя хранишь ,
Измѣняшь любви спрашишесь ;
Есть Творецъ, гошовый мшишь !

ХОРЪ НА СЛУЧАЙ ПАДЕНІЯ НАПОЛЕОНА И
ВШЕСТВІЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА СЪ
СОЮЗНЫМИ ВОЙСКАМИ ВЪ ПАРИЖЪ.

Торжесшуй, Славяновъ племя!
Славься, славься, Русской Царь!
Сокрушишь безсильно время
Воздвигаемый олшарь
Похвалы, благодаренья
Ошъ сыновъ швоихъ Тебѣ.

Вышней съ помощью десницы,
Власшъ являющей въ громахъ,
Свергъ шріумфовъ съ колесницы,
Свергъ ширанна Ты во прахъ;
Славой дѣлъ своихъ наполниль,
Славой громкой всѣ страшы.

Но пираннали паденьемъ
Ты великъ, Россійскій Тигръ?
Ты великъ благошвореньемъ;
Сколько міръ вѣковъ споишь
Не бывало вѣчносца,
Споль подобна Божеспу.

Предъ снопы Твои священны
Галль съ покорносью лишь палъ,
Мечъ карашъ его взнесенный
Надъ главой Ты удержалъ,
И врага возспавишь падша
Руку милоспи просперъ.

О Царей и царствъ спасишель!
О ушьха Рускихъ спраи!
О Герой благошворишель,
Чшо всецедрымъ небомъ данъ
Для блаженсва полусвѣна,
Для блаженсва шмы племень!

Гласъ внемли благодаренья
Вѣрныхъ, радоспныхъ сыновъ,
Гласъ усердя, восхищенья;
Онъ промчися въ родъ родовъ;
Чада чадъ его услышашъ,
И сынамъ передадушъ.

Звученъ праведной хвалою ,
Дѣль вѣщаніемъ Твоихъ ,
Звученъ будешь онъ Тобою ,
Презришь злоспъ время съдыхъ ,
Прогремишь по всей вселенной ,
Какъ по мрачной шверди громъ.

Слава, чеспъ шебъ, Россія ,
Машь безчисленныхъ племень !
Да часы и дни злшые
До скончанія время ,
Да шекущъ шебъ вовѣки
Съ висошы Свяшыхъ небесъ.

В Е С Н А.

Что за прелесть въ цѣломъ твореньи?
Все оживаетъ къ радости вновь,
Жизни пьешь чашу все въ восхищеньи,
Дышешь блаженствомъ, славишь любовь.

Всюду Зефиры крошкіе вѣютъ,
Хоры пернатыхъ слышны въ лѣсахъ;
Холмы, долины вновь зеленѣютъ;
Весело спядо бродишь въ лугахъ.

Ясно и чисто небо надъ нами,
Рѣки спокойно, мирно текутъ;
Яркими солнце грѣешь лучами;
Травки, цвѣточки въ полѣ роснутъ.

Зришь ли? въ природѣ все оживилось
Царство исчезло хладной зимы;
Паки съ весною все обновилось;
Такъ обновимся некогда мы.

Вмѣстѣ проснемся къ радости вѣчной,
Наша прямая родина тамъ;
Въ бѣдспвенной жизни сей скоропечной
Льспннхся не должно щаспемъ намъ.

Здѣсь не надолго все разцвѣтаетъ,
Вянетъ прелесный юности цвѣтъ;
Все здѣсь красою плѣнной сіяетъ,
Тамъ перемѣны, плѣнности нѣтъ.

Делій! упѣхся; нѣкогда будемъ
Въ эпой блаженной, мирной спратъ;
Горесъ, мученье все позабудемъ;
Здѣсь мы проводимъ время во снѣ.

КЪ СЪТУЮЩЕЙ НИНѢ.

Вѣчно ли, Нина, другъ мой крушишься?
Вѣчно ли слезы горькія липь?
Розъ ль весною вянушь, помишься?
Льзя ли слезами грусь уполишь?

Льзя ли, о Нина, плачемъ, рыданьемъ
Милыхъ усопшихъ прахъ оживишь?
Небо гнѣвимъ лишь дерзкимъ ропшаньемъ;
Волю не должно ль Промысла чинишь?

Смершнаго доля въ міръ—шерпѣнье;
Вѣчный успавъ сей чпо премѣнишь?
Лучшій въ сей жизни вождь—Провидѣнье;
Вѣра опъ бѣдсвѣй швердый намъ щипь.

Зришь ли? въ природѣ все унываетъ,
Все въ ней согласно съ грусью швоей;
Нѣжная машерь грусь раздѣляетъ
Нины, любимой дщери швоей.

Свѣтлаго солнца шускло сѣянье,
Грозный ревъ Норда слышенъ въ поляхъ,
Въ бѣломъ природа вся одѣяньи,
Быспрыя воды хлада въ цѣпяхъ.

Тлѣнно и крашко все подь луною,
Мигъ наслажденій, Нина, лови!
Пользуйся жизни красной весною;
Мигъ намъ единый данъ для любви.

Разъ лишь весною розы албюшъ;
Въ мѣрѣ подлунномъ дологъ чей вѣкъ?
Разъ и лавины юносшью рдбюшъ;
Тѣни подобешъ здѣсь челоуѣкъ.

Тѣни подобна наша здѣсь младосшъ;
Жизни блаженство, Нина, любовь!
Мигомъ приспѣшъ скучная спаросшъ,
Въ жилахъ заспынешъ хладная кровь.

Все невозвратно, Нина, промчшся
Въ вѣчношъ на быспрыхъ Крона крылахъ!
Поздно жалѣнье въ сердце родшся,
Поздно о красныхъ юношши дняхъ.

ОТЪ ТИБУЛЛА КЪ ДЕЛІИ.

Тогда лишь, Делія, Тибулль шебя забудешь ,
Когда подь гробовой доской лежашь онъ будешь ,
Когда швой будешь гласъ не слышенъ для него ,
И спрашнѣй, вѣчный сонъ сомкнешь глаза его!
Но ешьли въ насъ не все, а часнѣ лишь умираешь ,
Когда насъ лучшей мѣрѣ за гробомъ ожидаешь ,
То въ силахъ ли и смертъ союзъ нашъ разорвашь ?
И въ вѣчности шебя я буду обожашь.

НАДПИСИ КЪ ПОРТРЕТАМЪ РУСКИХЪ
ПИСАТЕЛЕЙ.

I.

Бояна.

Озлясь, что мыслию онъ соколомъ парилъ,
Сапурнъ одно его лишь имя пощадилъ;
Но славы шѣмъ его усугубилъ сіянье,
И гусель впорнися Бояна рокошанье.

II.

Неизвѣстнаго сочинителя Слова о полку Игоревомъ.

Какъ въ дикоспи своей плѣнишельна природа,
Подобно пѣснь швоя, Россійскій Оссіанъ!
Въ ней генія видна орлиная свобода;
Орломъ ширяпсья даръ шебъ природой данъ.

III.

Артемона Сергѣевича Матвѣева.

Се, жершва яроспи несповыхъ спрѣльцовъ,
И закоснѣлаго невѣжеспва враговъ;
Быль саномъ знаменишъ, почшенъ и въ започеньи,
Равно великъ душой предъ шпрономъ, и въ гоненьи.

IV.

Семена . . . Климовскаго.

Его преславный Днѣпръ (2) вспоилъ своей волною,
Онъ пѣшь вдыхаемъ былъ природою одною;
Онъ шакже вашъ собрашъ, о Фебовы сыны,
Хошя въ безвѣспности шекли его всѣ дни!

V.

Феофана Прокоповича.

Петра Великаго сошрудникъ въ просвѣщеньи,
И въ Рипорскомъ орелъ подоблачный пареньи.

VI.

Степана . . . Крашенинникова.

Наукамъ цѣлый вѣкъ онъ ревностно служилъ,
Камчашку въ ужасахъ ея изобразилъ.

VII.

Михаила Васильевича Ломоносова.

Среди полярныхъ льдовъ взмелѣянный природой
И пламенной влекомъ къ изящному охшой,
Онъ самъ себѣ пропу на Пиндѣ проложилъ;
Франклиномъ, (3) Пиндаромъ спраны Россійской былъ.

VII.

Императрицы Екатерины II.

Великая жена, примѣра коей нѣсть,
Премудрости ея дивишся цѣлый свѣшь;
Безчисленныхъ племень для щасія писала,
И шюуже рукой на дерзкихъ громъ бросала.

IX.

Якова Борисовича Княжнина.

„Родись опять Мольеръ!“ изрекъ Лапоны сынъ,
И Хваспуна шворецъ родился въ свѣтъ Княжнинъ.

X.

Михаила Матвѣевича Хераскова.

Пусть спрѣлы кришки въ Хераскова лепяшъ ;
Его егидомъ осѣняшъ
Монархи Рускихъ спрашъ,
Владиміръ, Іоаннъ.

XI.

Гавриила Романовича Державина.

Прочь, прочь, не спихошворецъ шы ,
Не чувспвуешь коль вдохновенья
Ты зришь Державина черпы ,
Царя шы видишь пѣснопѣнья.

XII.

Владислава Александровича Озерова.

Расина Рускаго здѣсь ликъ изображень ;
Онъ Музамъ ошъ пелень служенью обречень
Философъ и Пиншъ въ глубь сердца проникаешъ,
И слезы изъ очей невольню извлекаешъ.

XIII.

Ивана Ивановича Дмитриева.

Душа его видна въ швореніяхъ прекрасныхъ ,
Онъ въ нихъ изображень , какъ въ зеркалѣ водъ ясныхъ ;
Онъ вкуса образцомъ на Пиндѣ Рускомъ сшалъ ,
Въ немъ скромный Лафонтенъ соперника вѣнчалъ .

XIV.

Александра Христофоровича Востокова.

Хотя вѣщанья даръ и ошнѣшь у него ;
Но языкомъ боговъ Фебъ наградилъ его .

XV.

Константина Николаевича Батюшкова.

Талантъ , пріятносшь , вкусъ перомъ его водили ,
И признаки шруда малѣйшіе сокрыли .

XVI.

*Василья Михайловича Головнина и Петра Ивановича
Рикорда.*

Се жершвы ярыхъ волнъ жишейскихъ и морскихъ ;
Безсмертія вѣнцомъ вѣнчаешъ дружба ихъ ;
На волны , на мечи другъ за друга дерзали ,
И для спасенья жизнь охотно опдавали .

МОЛИТВА.

О Ты, шворящій милосшь
Во тысящахъ родовъ ! (4)
О Благосшь безпредѣльна !
О Благосшь безъ конца !
Тобой лишь поспигаю
Я шансшво сіе ;
Ты кровію Своею
Омылъ мои грѣхи, (5)
Причасшникомъ содѣлалъ
Безсмершья Своего. (6)
Ты подалъ намъ Собою
Божешшвенный примѣръ
Любви къ неблагошдарнымъ ,
Любви къ самимъ врагамъ ;

Ты умерь, ихъ прощая (7)
Ты смерть вкусилъ за нихъ. (8)
Души моеѣ желанье
Да будешь Ты единъ !
Да здѣсь и шамъ пылаю
Огнемъ любви свяшой
Къ Тебѣ, Родительъ вѣры !
Къ Тебѣ, Ощецъ любви !
Ни въ шомъ, ни въ эпомъ мѣрѣ
Другихъ не жажду благъ ;
Зане верховно благо
Ты, Боже, еси единъ !
Лишь Ты палящу жажду
Блаженства упоишь ,
Копорой здѣсь шомлюся
Я, шруженикъ земный.

И такъ коль время грозно
Полещь свой совершишь ;
Когда часы вселенной
Пробьютъ послѣдній часъ ;
Когда въ гробахъ почившихъ
Трубы пробудишь гласъ ; (9)
И Ты на шронъ славы
Возсядешь, Царь, судишь
Все племя земнородныхъ , (10)
Всѣ вѣры на земли !
Лучъ крошкѣй милосердя

Прости въ послѣдній разъ ,
Да въ вѣчности грядущей
Я озарюся имъ ,
Твою прославлю благость ,
Твою реку хвалу !
Земля и небо прейдуть ,
Ты ихъ свѣшь въ десной ; (11)
Но въ вѣкъ не преидешь Слово ,
Которое Ты рекъ. (12)

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

(Подражаніе Галлеру).

О другъ! Свяшая добродѣтель
Не звань пусмый и не мечпа ;
Сосудъ всѣхъ благъ естъ наше сердце,
И Тощь, кпо грозныхъ Альпъ верьхи
Зубчашой молніей вѣнчаешъ ,
Добра въ насъ сѣмя насадилъ.

Пускай кичливый вольнодумецъ ,
Сспрасшей, пороковъ подмый рабъ ,
Дщерь неба чшишь земли изчадемъ
И слабыхъ прелесью умовъ ;
Заснула совѣсть въ сласнолюбцѣ
Давно Эпименида (13) сномъ.

Не самолюбіе, не гордоспъ ,
Не заблужденіе, не спраспъ
Еспъ къ добродѣтели спремленье ;
Но голосъ, вопіющій въ насъ ,
Врожденно небомъ побужденье ,
Дѣль, мыслей нашихъ судія.

Не онъ ли нудишь насъ бороспся
Съ разврапной волею своєю ,
Сспремленье гнѣва укромщаспъ ,
Умолкнушь мщению велишь ,
Любви палящій пламень пушишь ,
И швердоспи вселяешъ духъ ?

Не онъ ли въ душу льешъ опраду
Въ шюрмѣ позорной и въ цѣпяхъ ,
Въ изгнапьи, съ милыми въ разлукѣ ,
Въ болѣзни, смерши на одрѣ ?
Уже ль пришворно шо боренье ,
Иль ушѣшенье ложно шо ?

Уже ль шо глупоспъ, безразсудспво ,
Чшо любимъ мы себя въ другихъ ,
Чшо мы обиду забываемъ ,
Приносимъ въ жершву жизнь врагу ?
Уже ль вошце за Ляпунова
Геройску пролилъ Ржевскій кровь ? (14)

Уже ль вопще, свящипель Божій,
Неуспрашимый Гермогенъ, (15)
Твердыня, сполпъ престола, вѣры,
Ты люпу, гладну смершь вкусилъ,
Москвы, опечества не предалъ
Сармашу, злобному врагу?

Уже ль вопще, Сцевола Русской, (16)
Себѣ шы шуйцу опрубилъ,
Привель въ спрахъ, ужась, изумленье,
Тиранна гнуснаго рабовъ?
Уже ль палъ жершвой заблужденья
Великодушный Енгельгардъ? (17)

Уже ли робосшь удержала
Десницу грознаго Царя,
Когда онъ грудь пронзишь безспрашну
Кашона Рускаго (18) хошѣлъ?
Уже ль раскаянье шерзало
Убийцу Клишова (19) вопще?

Уже ль изъ подлоспи на плахѣ
Капешъ (20) просшилъ своихъ убійць,
Съ послѣднимъ вздохомъ Провидѣнье
О падшей Галлиі молилъ?
Уже ль ешь жершва безразсудшва
Другъ челоувѣчесшва Говардъ? (21)

Уже ли хладность подкрѣпляла
Камилла новаго, Моро, (22)
Когда онъ Галліи любезной
Родимый берегъ покидалъ,
Когда чрезъ волны Океана
Къ ней взоръ слезящій проспиралъ?

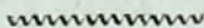
Уже ль одушевляли Рейша (23)
Упрямство, злоба, слѣпоша,
Когда пираны испоргали
Въ мученьяхъ душу изъ него?
Уже ль безчувственность живила
Въ часъ казни Ангіена (24) духъ?

Уже ли слабости внялъ гласу
И малодушья Руской Типшъ, (25)
Когда, какъ Богъ, единымъ словомъ
Любеціи спасенье рекъ,
Когда карающую десницу
Враговъ засшавилъ лобызашъ?

Нѣшъ, прочъ, мудрецъ, съ шакимъ ученьемъ
Не человекъ, а камень ты;
Въ часы раскаянья сердечна
Цареубійца Равальякъ (26)
Призналъ бы надъ своей душою
Власть добродѣтели свяшой.

Какъ сельный цвѣтъ, всѣ блага міра ;
Богашство, сладострасше, честь
Въ душѣ раждають пресыщенье ;
Но добродѣтель никогда.
Своимъ сіяетъ вѣчно свѣтомъ ;
Запмѣнья солнцу нѣтъ сему.

Хоть Добродѣтельный невласень
Въ избраньи жребія себѣ ;
Но твердымъ бышь, великодушнымъ
Въ его по власи завсегда.
Обрушишься, пасшь можешь небо ;
Его не въ силахъ успрашишь. (27)

ПОХВАЛА ЗЕМЛѢДѢЛЬЧЕСКОМУ СОСТОЯНІЮ.

Въ потъ лица твоего съси хлѣбъ твой.

Бытія, гл. III. ст. 19.

Блаженъ, по слову кпо Господню
Блещущимъ, свѣщлымъ сошникомъ
Земныя раздираешъ нѣдра,
И попомъ своего лица,
Ланишь опъ жара загорѣвшихъ,
Кропишь засохшія бразды.

Творца онъ волю исполняешъ,
Онъ заповѣдь Его хранишь,
И сей Опець чадолюбивый,
Послушна сына зря пруды,
Его съ небесъ благословляешъ,
Насущный хлѣбъ ему даешъ.

Росамъ, шуманамъ благопшворнымъ
Велишь луга его кропишь,
На нивы, зноемъ опаленны,
Дождямъ прохладнымъ нисходишь;
Грозою воздухъ очищаешь,
Гремишь не къ препену земли.

Во всѣхъ дѣлахъ ему помощникъ,
Во всемъ обилье шлешь ему,
Жену разумну, благоправну
И чадъ починишельныхъ даешь;
Прямья блага вождельны!
Прямы успѣхи въ жизни сей!

Не пакъ ли, въ дни злыя мѣра,
Въ патриархальны времена,
Опцы семействъ, вожди народовъ
Въ смиренныхъ жили шалашахъ?
Ихъ жизнь Творцу была угодна,
Ихъ вѣкъ былъ дологъ и блаженъ.

Такой и нынѣ мужъ любезенъ
Благимъ и щедрымъ небесамъ;
Его дни мирны, безмяшежны,
Онъ долготѣшенъ на земли;
Его цвѣшущъ сѣдины здоровьемъ,
Его примѣрна шрезва жизнь.

Онъ всѣхъ сиротъ благошворитель ,
Онъ всѣхъ несчастныхъ нѣжный другъ ,
Кому совѣтомъ помогаешь ,
Кому снѣжаніемъ своимъ ,
Кого миришь, съ кѣмъ вмѣстѣ слезы
О пращѣ незабвенныхъ льешь.

Когда же грозный часъ кончины
Надъ нимъ полешь свой распроспирешь ,
Спокойно, тихо засышаешь
Онъ смерти сномъ въ надеждѣ пойдѣ ,
Въ надеждѣ сладкой, несомнѣнной ,
Что онъ опять проснется шамъ ,

Въ странѣ родной, давно желанной ,
По коей часно здѣсь вздыхалъ ,
Что въ ней онъ живши, не узнаешь
Разлуки съ милыми воевѣкъ ;
Къ какимъ же благамъ намъ стремишься ?
Чего желаешь и здѣсь, и шамъ ?

О жительство сель прудолюбивый !
О крошкѣй, мирный домохъ !
О жоспкихъ нивъ орашаи сильный !
О пахарь ! о Герой шы мой !
О сколь швоя блаженна доля !
Почтенно званье сколь швое !

Не ты ль градовъ зиждишель крѣпкихъ ?
Не ты ль сприсишель кораблей ?
Не ты ль пишашель смертныхъ рода ?
Не ты ль оборонишель царствъ ?
Такъ, ты одинъ все сохраняешь,
Все держишься однимъ шобой.

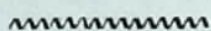
О смертный ! что швоя вся мудросшь ?
Что швой парящій, дерзкій умъ ?
Творишь ли онъ себя щаспливымъ,
Иль швой продлишь онъ можешъ вѣкъ ?
Твой разумъ блага лишь прямыя
На блага мнимы промѣнялъ.

Твоя вся знашносшь, власшь, величье,
Чѣмъ сполько здѣсь гордишься ты,
Печаль прямая,
Наружносшь пышная одна ;
И часшо учасшью своею
Царя довольный бѣдный рабъ.

~~~~~

ПАМЯТНИКЪ ВЕЛЬМОЖЪ.

Чеспей не жаждуца , ни злаша ,
Богамъ не льстящая земнымъ ,
На сердцевдвигающей лирѣ
Бряцашь вдыхавшая Мурзу ,
Правдолюбива , спрога Муза !
Приди , бесѣдовашь со мной.

Приди со мной вельможу славишь ,
Сіяюща не блескомъ звѣздъ ,
Не древнимъ родомъ , знаменимымъ ,
Но духомъ швердымъ и прямымъ ,
Кошорый слабыхъ чловѣковъ
Богоподобными шворишь ,

Который гнусной чуждъ корысти ,
Презрѣнну гонить подлу лещь ,
Не дорожишь пріязнью сильныхъ ,
Идущихъ не прямой спезей ,
Разишь перуномъ правды злобу ,
Коваршво, ненасытну мзду.

О доблій мужъ, Царемъ избранный
На подвигъ славный и свящый ,
Изгнанну изъ судилищъ правду
Въ ея чершого возврашишь ,
Закона власнь воспавишь падшу ,
Невинность спраждуцу спаси !

Въ нашъ вѣкъ, когда корысть презрѣнна
Всѣхъ спала идоломъ сердцеъ ,
Когда досшонешву смиренну
Ползши во прахъ суждено ;
Явилъ ты чесность Ариспида ,
И дивомъ праведно почпешъ.

Уже рѣзецъ правдивой Кліо
На мраморной, нещлѣнной дскѣ
Твой подвигъ предаешъ безсмерпью ;
Сердца попомковъ возжигашъ
Съ беспрашнымъ будешъ Долгорукимъ ,
Сіяшь съ нимъ доблестью въ вѣкахъ.

Карай злодѣйство ухищренно ,
Карай безчеловѣчну мзду ,
Испоргни древо ядовишо ,
Пустивше корни въ глубину ,
Не внемли спону крокодила ,
И кровь пьющихъ не щади.

Сиротъ и вдовъ опрещь ты слезы ,
Опцовъ семействамъ возвратишь ,
Спасешь опъ казни осужденныхъ ,
Ихъ съ Провидѣнемъ примиришь ;
О, сколько вздоховъ благодарныхъ
Къ Творцу возплещя за себя !

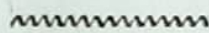
О, сколько въ судный день проспится
Проспуковъ, слабоспей шебъ !
Сколь милосердъ къ шебъ явился
Земныхъ племень всѣхъ Судя !
Зане ты былъ Его подобье ,
Безспрашенъ, правосуденъ, благъ . . . .

Но ты мечпашельница, Муза !
Гдѣ пошь мужъ правды и добра ,
Кому ты памятникъ воздвигла ?
Въ воображеніи онъ швоемъ ;
Кашоновъ спрогихъ, Долгорукихъ
Твой любомудрый взоръ не зришь.

Разбей же лиру златорунну,
Разбей всещедра Феба даръ;
Чье сердце двигнешь пѣснопѣнемъ?
Въ комъ огонь къ добру воспламенишь?
Въ душахъ ли златомъ лишь прельщенныхъ,
Въ холодноспи подобныхъ льду?

Бышь можешь, спрѣлы злобной мести
Тебя жь поспигнушь, поразишь
За то, что Сильнымъ ты дерзнула
Безспрашно испину вѣщашь;
Но пусть перуны злобы грянутъ,
Есть грозный, праведный судья.

Есть мститель правошы несчастной,
Кошорый судъ произнесешь
При гробной дскѣ, надъ хладнымъ прахомъ;
Помомшво! ты сей судія;
Ты славой праведныхъ вѣнчаешь,
Злодѣевъ кляшвой бременишь.

НА НОВЫЙ 1819 ГОДЪ.

Кого, сынъ вѣчности младя ,
Посоль Всевышняго судьбъ ,
Кого съ круговъ эира звѣздныхъ
Низводишь ты на землю къ намъ :
Войну ль неспову, кроваву ,
Иль кропкѣй, благодатный миръ ?

Увы ! лилось довольно крови ,
Довольно месши пало жерствъ ,
Полей и нивъ довольно значныхъ
Колочимъ шерномъ заросло ;
Адъ мрачный полонъ блѣдныхъ тѣней ,
Насыщена несыща смерть .

Сведи съ собою судъ и правду,
О коихъ шеплы льешь мольбы
Къ Отцу всеобщему, благому,
Къ Владыкѣ всѣхъ земныхъ владыкѣ,
Раба Его Россія вѣрна,
Закопъ хранящая Его.

Сведи премудрость, присѣдящу
Прешоламъ Вышняго Царя,
Кошора вѣдаешь една,
Угодно, право что предъ Нимъ;
Сведи съ небесъ Аспрею нову,
И вѣкъ Сашурна возвраши.

Да на прешоль полусвѣша
Возсядешь дщерь Царя Царей,
И да речешь намъ Александра
Успы благими правый судъ!
Да будешь Норда Соломономъ
Полночный, доблій Александръ!

„А Ты, въ чьей длани вседержащей
Движенъе вѣчное міровъ,
Чьимъ словомъ запылало ушро,
И шемна загорѣлась ночь,
Чья благость всѣхъ лишаетъ шварей,
Чей Духъ живишь, объемлешь все.

„Всезирае міра Провидѣнье!
Народовъ Кормчій! Вождь царей!
Ты царствъ судьбою управляешь,
На вѣчныхъ вѣсишь Ты вѣсахъ
Ихъ правду, злобу, ихъ дѣянья,
Ихъ добродѣтель, ихъ пороки.

„Ты грозны брани воздвигаешь,
И Ты жь даруешь крошкѣй миръ,
Мянешь языки всѣ земные,
Волнуешь ихъ, какъ Океанъ;
Ты славишь ихъ и укрѣпляешь,
И Ты жь паденье имъ речеши.

„Мрачишь Царей, вождей ихъ разумъ,
Казнишь душевной слѣпошюй,
Бичей на троны посылаешь,
Орудья гнѣва Твоего,
Рабовъ спрашней, тиранновъ злобныхъ,
Завоевашелей земли.

„Въ Твоей рукѣ Царево сердце,
И бѣгъ волею Твоей!
Ко благу нашему, ко щасью
Продли, продли его Ты дни
Непобѣдимъ да будешь въ брани,
И въ мирѣ, какъ опецъ, любимъ.

„Да Твой народъ Хрисполюбивый
Во вѣкъ пребудешъ вѣры полнъ,
Къ прешолу всей душой привержень,
Во браняхъ силенъ, знаменишь!
Да имя Рускихъ будешъ спрашно
Царямъ, народамъ всѣмъ земнымъ!“

З Л О В И Д Ъ.

(Русская быль).

„О! долго ли будешь являясь
Очамъ моимъ грозная шѣнь?
О! долго ли взглядъ швой прошивной
Ядъ будешь мнѣ въ сердце вливать?

„Лишь только сонъ сладкій коснешся
Успалымъ рѣсницамъ моимъ,
Лишь только покой и забвенье
На вѣжды сомкнушы сойдущь;

„Ты въ сонныхъ мнѣ зришься мечшаньяхъ,
Не сводишь очей шы съ меня;
Прочь, призракъ ужасный, исчезни!
Спрашилице гнусное прочь!

„Сверкающи мщеніемъ взгляды,
Ахъ, прочь опвраши ошь меня!
Они неспернимы; ихъ пламень
Всю внутренность жжешь и палишь.

„Съ оправой сосудъ прочь! засохшимъ
Успамъ не касайся моимъ,
Но пы опь меня не опходишь,
У ложа споншь моего.“

Такъ подмьй и шайный убійца
Средь мрака ночнаго взываль,
Зловидь, прекрашившій оправой
Сшенара несчастнаго дни.

Вдругъ слышншь у двери онъ шорохъ,
И спукнулся кпо-шо въ нее;
Онъ громко не разъ окликаешъ,
Въ опвьшь ни полслова ему.

Мракъ шопже полночи глухія,
И шаже кругомъ шишина;
„Мнѣ чудилось видно напрасно,“
Смушяся Зловидь прошеншалъ.

Но спукъ начался чрезъ минушу;
Онъ кличешъ; онъ громко зовешъ;
Молчанье; пошъ выпунилъ хладный
На блѣдномъ Зловида челъ.

Онъ съ ложа не смѣешъ пронушся,
Едва переводишь свой духъ;
Спукъ слабый послышался паки;
Не спрахъ ощущаешъ Зловидь.

Онъ чувствуетъ нѣкую силу,
Влекущую съ ложа его;
Вспаетъ, ободрится; и свѣчку
Зашепливъ, онъ дверь отворилъ.

Кого же онъ зрѣтъ предъ собою?
Спенара съ сосудомъ въ рукѣ.
„За чѣмъ ты встаетъ изъ могилы?
Что хочешь?“ воскликнулъ Зловидь.

Ни слова въ отвѣтъ привидѣнье,
Взоръ мрачный, пошупя пошло;
Зловидь провожаетъ глазами,
За призракомъ слѣдомъ Зловидь.

Но призракъ сокрылся, во мракъ
Другаго покоя исчезъ.
О совѣсть! о грозный свидѣтель
Всѣхъ нашихъ пошупковъ и дѣлъ!

Ты образъ пріяла Спенара,
Ты призракъ сей мрачный была;
Какъ злодѣяннѣ можешь
На вѣки себя усыпить?

НА СМЕРТЬ ЛИЛЫ.

*Легкокрылый вѣтерокъ! лети
На гробницу въздыхать ея;
Тамъ въ долину, осыпавшую
Тѣнью древъ непостоянною,
Возвышается зеленый холмъ;
Тамъ краса молодая, ивжная
Безмятежнѣе поживаетъ снамъ.*

Оссіанъ.

Лила! украшенье
Женъ прелестныхъ, милыхъ,
Лила! зрю себя ли
Подъ покровомъ гробнымъ,
Блѣдну, бездыханну,
Всей красы лишенну?

Не вѣнецъ вѣнчальный
На чель сіяешь;
Діадима смерши:
И не пѣсню брачною
Храмъ гремишь священный;
Гимномъ погребальнымъ.

О земныхъ благъ плѣнось!

Щасье! ты суило
Лилъ дни злашые,
Ты въ дали казало
Призраки волшебны;
И во гробъ Лила!

Здѣсь спрана изгнанья,
Въ коей съ колыбели
Спранникамъ земли сей
Суждено скипашься,
Искушенну быши,
Какъ въ горнилъ злашу.

Тамъ нашъ край родимый,
Тамъ души желанья
Тайныя свершашся;
Тамъ блаженства жажда,
Коей здѣсь помимся,
Лила, упоишся!

Гдѣ краса и младоснь?
Гдѣ любви улыбка?
Гдѣ во взорахъ пламень?
Смершною покрышы
Блѣдносью ланишы,
Свѣшь очей зашмился.

Льющій аромашы
Въ пишинѣ пуспынной,
Цвѣшь лишъ распустился,
Бурь, снѣговъ родишель,
Нордъ холодный дунуль;
И не спало цвѣша.

Подъ опщовскимъ, мирнымъ
Разцвѣпала кровомъ
Красоша-дѣвица;
Трепешъ земнородныхъ
Смершь косою махнула;
И не спало Лилы.

Возсіяешъ ушро
Юное, злапое,
Лила не проснешся;
Со зѣрна свода
Спустишся прохладный
Вечерь въ звездной ризѣ.

А усоншей Лилы
Крѣпкій, непробудный
Сонъ не перервешся.
Спи, краса младая!
Спи до шой минушы
Спрашной и священной,

Въ кою возсіяешь
Вѣчности денница,
И парящій Ангель
Трубнымъ, громозвучнымъ
Гласомъ всѣхъ пробудишь
Во гробахъ почившихъ.

Се въ жилища горни,
Солнцевъ, звѣздъ превыше,
Духъ паришь блаженный;
Ангела земнаго
Ангеловъ небесныхъ
Хоръ срѣщаешь свѣтлый.

Сквозь эиры, солнцы,
Сквозь пространства звѣзды
Зришь юдомъ онъ плача,
Зришь родныхъ, знакомыхъ,
Горесный, послѣдній
Долгъ ей воздающихъ,

Зришь, и пакъ вѣщаешь
Въ слезы погруженнымъ:
„Слезъ о мнѣ не лейше;
Я жива, лишь плоти
Рубищъ совлеклася;
Я спокрапъ блаженна!

„Горней, вѣчноюной
Разцвѣла красою,
Паки не увяну;
Вѣчнаго блаженства
Лишь не возмущайше
Горькими слезами.“

О, покойся горній,
Духъ благій! покойся
Въ вѣчности блаженной;
Промысла Свящаго
Чшимъ Свяшую волю,
Плакашь не дерзаемъ.

Съ высоты небесной
Зри насъ, и молися
Благости предъ трономъ;
Зри, молись, и буди
Геній нашъ хранишель
Въ сей юдоли слезной!

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА
СМОЛЕНСКАГО. (28)

*Дѣла велики, благородны
Не покоряются въ камѣ
И Смертныя богоподобны
Зерцаломъ стѣннымъ служатъ намъ;
Пусть грозный старецъ сокрушаетъ,
Ихъobeliski, олтари,
Но дѣла съ землей ихъ не сравилеть.
Не меркнутъ славы ихъ зари.*

Кто сей въ полѣ брани
Смертный, полубогъ ли
Дни свои кончаешь?
Рать уныла Россовъ,
И съ ланью Героевъ
Слезъ пошокъ стремишься!

Кто сей? — громъ мешавшій
Изъ десницы мщенья
На поляхъ при Красномъ,
И полки несмѣшны
Новаго Мамаю
Въ мрачный адъ пославшій.

Смерть! разишь помедли,
Да свершишь Кушуровъ
Подвигъ, имъ начашый,
Да расшоргнишь цѣпи
Склепанныхъ народовъ,
Да спасешь Европу.

Тщешно! въ гробъ нисходишь
Наше упованье;
Плачь, рыдай, Россія!
Плѣнь швой сокрушившій
Самъ въ оковахъ смерти;
Плачь, великъ уронъ швой.

Нынь, прерви рыданье,
Мать племень несмѣшныхъ!
Сынъ швой живъ, не умеръ,
Жишь въ вѣкахъ позднѣйшихъ
Будешь швой спаситель;
Гробъ ешь дверь къ безсмертью.

Ошъ Невы до Тага
И ошъ горъ Рифейскихъ,
Вѣчнымъ льдомъ покрышихъ,
До Апланша древня,
На плечахъ могучихъ
Небеса посяца,

Слава прозвучишь всѣмъ
Подвигъ Михаила,
Прелетитъ чрезъ волны
Шумны Океана,
Оглушитъ свѣтъ новый
Звукомъ дѣлъ Геройскихъ.

И святымъ оспанкамъ,
Полубога праху
Изъ далекихъ краевъ,
Отъ концевъ вселенны
Придушь поклониться
Поздныя попомки.

И вождя на гробъ,
Дѣлъ его великихъ
Славой распаленны,
Поклянушя смертию
Умирашъ Героевъ
За спасенье брашій.

Но тираннъ! не льстися
Тщешною надеждой;
Россовъ естъ довольно,
Въ адъ гошовыхъ свергнушь
Адскую гордыню,
И карашъ прошивныхъ.

Знай, что самъ Всевышній
Россовъ ешь защища;
Онъ хранишь народъ свой,
Онъ во браняхъ вождь нашъ;
Богу силъ и браней
Кшо прошивуспанешъ?

Скоро день наспанешъ
Мщенія Господня,
Скоро грянушь громы
Изъ десницы Вышней,
И погибнешъ съ шумомъ
Памяшь нечеспивыхъ.

~~~~~

НА СМЕРТЬ ДЕРЖАВИНА. (29)

Такъ напрасно голосъ Волхова
Будутъ слушать, какъ умолкнетъ онъ,
Будутъ тщетно такъ искать его.
Звѣроловецъ, съ солнцемъ утреннимъ
Вставшій, выйдетъ въ поле тихое,
На росую окропленный лугъ;
Но не слышно рокотанья струнъ,
Сладкозвучныхъ струнъ Державина;
„Гдѣ Багрила (30) слышь? такъ скажетъ онъ,
И слеза блеснетъ въ очахъ его.

Оссіанъ.

Чей вопль, спенанье
Въ слухъ мой приносишь
Съ Волхова въшрь?

Арфы чьей струны
Томный, плачевный
Звукъ издаюшь?

Ахъ! знашь не спало
Вѣщаго Скальда
Доблихъ Славянъ,
Кшо и въ желѣзный
Вѣкъ нашъ лиль пламень
Въ души, сердца.

Духъ пѣснопѣнья
Въ Скальдовъ вдыхающъ,
Брагге, спени!
Неукрошимой
Гелы (31) спрѣлою
Сынъ швой сражень.

Войше уныло
Въ Камскихъ священныхъ,
Вѣшры, лѣсахъ! (32)
Славы сіянемъ
Лучъ, озарявшій
Мракъ ихъ, угасъ.

Яросшно, грозно
Бурныя волны,
Волховъ, спреми!
Твой доброгласный
Лебедь маспишый
Навѣкъ умолкъ.

Съспуй, природа!
Ты не услышишь
Гимновъ Тому,
Кшо изъ небыльа
Къ жизни воззвалъ все
Мыслью одной.

Славу, премудрость
Пѣвщій Одена
Здѣсь на земли,
Въ сонмѣ небесныхъ
Скальдовъ гремишь днесь
Гимны Ему.

Се пѣснопѣвца
Екатерины
Шеспвуешь пѣнь;
Очи подобны
Тускло горящимъ
Въ мракъ звѣздамъ;

Риза шуману
Влажну и хладну
Камскихъ болошь; (53)
Арфа въ десницѣ
Облаку легку
Полночи въ часъ.

Се опшверзасшь
Съ ревомъ Нордъ хладный
Горный чершогъ ;
Робко вшупаешъ
Тшь пьснопвца
Въ мирный Валкалъ (34)

Слышишь бряцанье
Арфъ пихоспрушныхъ
Въ свьшлой дали ,
Хоръ полупонный
Внемлешъ Валкирий
Вьчномладыхъ ,

Зришь опершихся
Грозно на копя
Воевъ съдыхъ ,
Слухъ преклонившихъ
Скальдовъ къ бряцанью ,
Къ пьшю дьвъ.

Вдругъ умолкаюшь
Арфы воздушны ,
Гласы пьвиць ;
Скальды , герои
Зршь всколебалсь
Скальда Славянь.

„Ты ли, вѣщающъ,
Мудрой Фелицы
Дивный пѣвецъ?
Ты ли Державинъ?
Славу безмернья
Съ нами дѣли.

„Здѣсь для безмерныхъ
Вѣчный усроенъ
Пиръ искони;
Яспвы небесны
Ихъ улаждающъ
Взоры и вкусъ.

„Здѣсь“ . . . но герои,
Съ арфами Скальды
Скрылись ошь глазъ,
Слухъ мой не внемлешъ
Сладкаго гласа
Горнихъ пѣвицъ.

Гдѣ ты, Державинъ?
Въ шѣсномъ жилищѣ
Днесъ заключенъ;
Но надъ священнымъ
Прахомъ незримо
Геній паришь.

Нѣкогда придетъ
Въ Хушынь (35) безвѣспну
Скальдъ Славяннѣ ;
Тлѣешь чей прахъ здѣсь ,
Духомъ обнимешь
Славу шого.

Огнь вдохновенья
Въ пламенной , юной
Вспыхнешъ душѣ ;
Жизнь воздремавшу
Першомъ пробудишь
Арфы въ спрунахъ.

Въ пѣсняхъ согласныхъ
Были минувшихъ
Льшь воскресишь,
Гласъ соловьиный
Скальда промчишся
Руси въ концахъ.

Вѣчнаго мира
Древня обипель ,
Хушынь , храши
Смершны оспанки
Скальда безсмершна
Храбрыхъ Славянъ !

Въ чадъ ихъ позднѣйшихъ

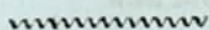
Пламень священный

Пѣсней вдыхай,

Слава доколѣ

Будешь единымъ

Ихъ божесшвомъ.

О С Е Н Ь.

Мрачная осень

Други насшала,
Врановъ злобщихъ
Крикъ раздаешя,
Хоръ сладкогласный
Пшичекъ умолкъ.

Пшиць голосныхъ

Пьси не слышны ;
Моря злашаго
Въшрь не волнуешъ ;
Класы подь ошпримъ
Пали серпомъ.

Гладное сшало

Бродишь уныло ;
Корму не спало
Въ пажиныхъ пучныхъ ;
Нѣшь ни травинки
Въ полѣ пуспомъ.

Роца одблась

Въ желшую ризу ;
Сшарець лишъ древній,
Боръ зеленѣешь ;
Съ луга зеленый
Убранъ коверъ.

Чада Эола

Съ цѣпи сорвались ;
Сосны склоняющъ
Чела спольшни ;
Дубы на корняхъ
Крѣпкихъ скрываютъ.

Небо одѣшо

Мраками шучи ;
Фебъ лучезарный
Землю не грѣшь ,
Мещешь сквозь облакъ
Тусклой лишъ лучъ.

Влажны шуманы

Спешюся долу;
Тщешно печальный
Взоръ просшираю,
Холмы въ шуманшой
Скрылись дали.

Упромъ спудены

Падаюшь росы,
Съ облакъ сгущенныхъ
Ноша дыханьемъ,
Цѣльнй день льющся
Рѣки дожда.

Все опусъло:

Пшшцы пропали,
Звѣри по норахъ
Ищущъ спасенья,
Спрахъ лишь съ шоскою
Бродящъ въ лѣсахъ.

Общей шворенья

Грозной кончины
Все днесъ являешъ
Образъ печальный;
Взоръ не встрѣчаешъ
Жизни нигдѣ.

Трепещь холодный
Льешься по жиламъ ,
Мрачная горещь
Душу объемлещь;
Что же ушъшиищъ
Въ горещи насъ?

Дружба и Музы
Намъ ушъшенъе!
Пуещь умираещь
Машерь-природа ,
Пуещь на дубравы
Сыплещся снѣгъ.

Съ кубкомъ въ десницѣ
Алаго сока ,
Въ мирной бесѣдѣ
Грацій прелесныхъ
Ждаещь возвращенья
Будемъ весны.

Въ ризѣ, блестящей
Зеленю яркой ,
Паки воскресещь
Машерь-природа ,
Съ пѣжной улыбкой
Взглянещь на насъ.

Въ мрачныхъ, прохладныхъ,
Рощахъ шѣнскихъ
Паки природѣ,
Жизни царицѣ,
Лики пернатыхъ
Гимнъ воспуюшъ.

Рѣки, распоргнувъ
Льдисшы оковы,
Быстро покашашъ
Шумныя волны;
Фебъ возсілешъ
Въ славу своей.

~~~~~

КЪ НИИЪ.

Гдѣ пы, о Ниша,
Геній хранишель
Дней моихъ въ міръ,
Сердца веселье,
Радость очей?

Гдѣ пы, мой Ангель?
Гдѣ ушьшенъе,
Рай и опрада
Чувствъ, возмущенныхъ
Злобой людей?

Гдѣ пы? съ улыбкой
Крошкой, прелесной
Другу явился,
Сердца волненъе
Взоромъ смири.

Бѣлой рукою
Вьно обнявши,
Къ спрасшному сердцу
Дѣвственной грудью
Крѣпче прижмись.

Друга съ дыханьемъ
Слей свою душу,
Тѣла оковы
Сбросишь гошовый
Духъ удержи.

Злое унынье,
Врань ненасышный,
Денно и ночью
Бдишь и гнѣдишься
Въ шумной груди.

Люшья змѣи,
Алчная скука,
Грусь кровопійца,
Медленно, шумно
Сердце сосушь.

Нина! о другъ мой!
Милой улыбкой,
Взоромъ небеснымъ
Алчныхъ чудовищъ
Сихъ опгопи.

Нина! съ побою
Все забываю;
Тяжкихъ спраданій
Годы исчезли
Радостей въ мигъ.

Злоба, гоненіе
Гнѣвнаго рока
Съ Ниной не спрашны;
Спрашенъ разлуки
Грозный лишь часъ.

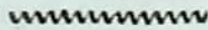
„Времени, жизни
Вѣчный испочникъ,
Боже всеильный,
Коего благоснь
Движешъ міры,

„Коего волей
Жизнь челоѡковъ
Крашкая длишя!
Сердца молишву,
Боже, внемли :

„Даждь, да безцѣшной
Сердца подруги
Съ жизнью лишуся!
Даждь, да я съ Ниной
Духъ испущу !

„Съ нею, въ часъ смерти,
Въ злую минуту,
Въ страшный, послѣдній
Мигъ испытанья
Вѣры моей,

„Съ нею, въ щедротахъ
Жизни мгновенной,
Дивный, великій
Боже, прослаблю,
Благоспѣ швою!“

КЪ ДѢВИЦАМЪ.

Крашки дни юны,
Крашки, увы!
Радось, веселье
Быспро лешяшъ;
Сладось - блаженство
Молніи блескъ.

Кронъ быспрокрымый,
Вѣчності сынъ,
Грады, швердыни,
Троны царей
Въ прахъ низвергаешъ
Взмахомъ косы.

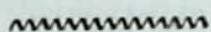
Что же дѣвица,
Нежный цвѣпокъ!
Долго ль плѣняешъ
Взоры красой!
Долго ль душистый
Запахъ лешъ.

Мигъ, лишь повѣялъ
Мразовъ опецъ,
Нордъ съдовласый,
Лисшъ облещълъ,
Чувства плѣнявшій
Запахъ исчезъ.

Ахъ, не гордишесь,
Дѣвы, красой!
Сельный цвѣшъ, плѣнный —
Ваша краса;
Росинъ жемчужныхъ
Весь ея блескъ.

Сердца, не взора,
Прочна краса;
Цвѣшъ сей не вянешъ,
Вѣчно душистъ,
Въ хладную зиму
Жизни цвѣшеть.

Жгуще не взоромъ
Наши сердца,
Крошко сіяше
Мирной душой,
Вѣчно во плѣнь
Будемъ у васъ.

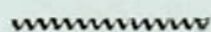
ПАСТУХЪ КЪ ГОРОДСКОМУ ЖИТЕЛЮ.

(Изъ Раиллера.)

Ты спишь на мягкомъ ложѣ,
А я на муравѣ.
Ты въ зеркаль глядишься,
Я въ свѣшломъ ручейкѣ.
Ты ходишь по Персидскимъ,
Узорчатымъ коврамъ;
По бархатнымъ гуляю,
Зеленымъ я лугамъ.
Ты пьешь драгя вина;
Я воду изъ ручья.
Ты вѣчно, какъ въ неволѣ,
Спѣнами окруженъ;
Неволи я не знаю,
Свободенъ и пою.
Весны рисуешь образъ
Тебѣ искушва кисшь;
Природа представляешь

Мнѣ подлинникъ живой.
Ты боленъ и скучаешь
Я весель и здоровъ.
Тебя въ дому за деньги
Приврашникъ спережешь;
Мнѣ вѣрный песъ мой служишь
Защишой опъ звѣрей.
Съ шрудомъ заснушь ты можешь
Подъ звукомъ сладкихъ спрунь;
Я сплю подъ свисомъ вѣпра,
Или подъ шумомъ водъ.
Ты слушаешь концершы,
Я въ роцѣ соловья.
Въ палящій зноеть полдень
Съ постели ты всаешь;
Я съ утренняя зарею
Гоню овецъ на лугъ.
Румяна украшають
Любезную швою;
Моей паспушкѣ служишь
Уборомъ васильки.

КУЗНЕЧИКЪ.

Щасливый кузничекъ!

Любимецъ весны,
Какъ весело въ полѣ
Проводишь пы вѣкъ!
Лишь только явился
Румяна заря,
И лѣса вершину
Начнешь золопить,
Ты прыгаешь, скачешь
По мягкой травѣ,
И слезы Авроры
Блещащія пьешь.
Все царство природы
Владѣнье швое;
Ты въ полѣ хозяинъ,
Свободенъ всегда,
Не знаешь ни скуки,
Ни пляжкихъ забошь;
Тебѣ не извѣсны
Досада, печаль.

Довольный судьбою,
Ты вѣчно поешь ;
Вреда и обиды
Не дѣлаешь ты ;
За то не обидишь
Ни кто и себя.
О, какъ бы охотно
Пѣвецъ свой желалъ
На ловъ природы
И въ сельской тиши
Въ безвѣстной жишь долѣ,
Подобно тебѣ.

~~~~~

Лила! жизни сладость
Все шворенье пьешь;
Все вкушаешь радость
Все, как рай, цвѣтешь,

Дважды не бываешь
Молодъ человекъ;
Въ скукъ прошекаешь
Безъ любви нашъ вѣкъ.

Всѣмъ любиться должно,
Сердцу данъ плашишь;
Цѣлый вѣкъ не можно,
Не любя прожишь.

Такъ, на что же время,
Милая, шеряшь?
Безъ любви жизнь бремя;
Вѣчно ли вздыхаешь?

Щасшіе узнаемъ,
Жизнь покуда въ насъ;
Мы любовью шаемъ,
Дорогъ каждый часъ.

~~~~~

~~~~~

*Время, этотъ врагъ небесной,
Наши горести цѣлитъ,
Осушаетъ токи слезны
И съ судьбою насъ миритъ.*

Мѣспа священныя рожденья,
Гдѣ въ первый разъ я свѣсъ узрѣлъ,
Гдѣ дни блаженства, восхищенья,
Дни юности своѣй провелъ!
Вы шѣ же всѣ, не премѣнились;
Но я не шопѣ, что прежде былъ;
Мечшаній призраки сокрылись,
Я чашу горести вкусилъ.

Примите пришлеца; опшынѣ
Для свѣспа умеръ онъ всего,
Въ сей мирно прощечешъ пущынѣ
Осшашокъ бѣдной дней его;
Борьбой съ бѣдами ушомленный,
Онѣ къ вамъ приходитѣ опшдохнушѣ,
И миромъ, славою забвенный,
На лонѣ пишины заснушѣ.

О сколько сладкихъ воспоминаій
Вспрѣчаешся повсюду мнѣ!

Здѣсь въ думу погружень мечшаній,
Бродилъ при блѣдной я лунѣ;
А шамъ подѣ шѣми деревами
Вѣ шѣни прохладной ошдыхалъ,
Иль Нодоги родной спруями
Палящу жажду ушоялялъ.

Вѣ весельяхъ годы скорошечны,
А въ скорби длился каждый мигъ;
Почпо дни юности не вѣчны?
О время радостей злыхъ!
Вѣ ошраду мнѣ воспоминанье
Ошалося о шебѣ одно;
Уже ли щаспие въ мечшаньѣ,
Иль сонъ плѣнительный оно?

Лишь взоръ швой, родина свяшая!
Мнѣ въ шомну грудь ошраду льешъ,
И облакъ груши разсѣвая,
Меня къ веселью вновь зовешъ;
Давно не зналъ я ушѣшенья,
И въ сердцѣ грушь одну носилъ,
Средь бурнаго спрасшей волненья
Къ швоимъ красамъ я хладень былъ.

Сшрана священная, родная!
Прими подѣ сѣнь свою меня;
Здѣсь дней ошпашокъ провождая,

Укроюсь опъ напасши я,
Гоненья рока всъ забуду,
Найду ушраченный покой,
Свободы въ пѣдрахъ щасливъ буду,
Благословляя жребій свой.

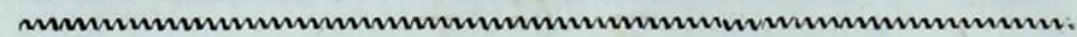
~~~~~

Проходи ты, лето красное, скорый!
Ты поблекни, красава луговъ, полей!
Пожелтѣйше все листочки на деревьяхъ!
Не шепише, воды быспры, въ ручейкахъ!
Другъ сердечный ошѣзжаетъ ошъ меня,
Въ грусти, въ горѣ ошаюся я одна.
Все мнѣ скучно, все не мило безъ него;
Я лишаюся веселья своего.
Не забудь меня, мой миленькой дружокъ!
Къ бѣдной дѣвушкѣ не будь ко мнѣ жестокъ;
Ты не дай съ шоски, съ кручины умерешъ;
Ахъ, легко ли сердцу милаго не зрѣшь!
Вспоминай, мой другъ, почаще обо мнѣ
На чужой и незнакомой споронѣ!
Хощь увидишь и пригожѣе меня;
Но найдешъ ли чшобъ любилъ кшо шакъ тебѣ?
Будь извѣщенъ: мнѣ никакъ не перенесшъ,
Какъ услышу ошъ людей я добрыхъ вѣсшъ,
Чшо другую ты увидѣлъ, полюбилъ,
Чшо меня, мой свѣшъ, покинулъ, позабылъ.
Не найду ни въ чемъ опрады я себѣ;
Пропаду съ шоски и грусти по тебѣ.

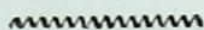
Смерти будешь ты причиною моею,
Спанешь Богу ошвѣчаешь одинъ ты въ ней.
Можешь бышь, тогда вспомнешь и меня;
Но въ сырой землѣ лежашь ужь буду я.
Понапрасну спанешь плакашь, посковашь;
Ахъ, слезами изъ могилы не подыашь!

Долго ль, сердце, намъ съ побою посковашь?
Долго ль радости, веселія не знашь?
Долго ль бишься для печалей одному?
Про злодѣйку грусь повѣдашь намъ кому?
И цвѣточки не одни въ лугахъ распушь,
И всѣ пшашечки самдругъ весной поюшь.
Тошно, тошно безъ другаго сердца живъ;
Но тошно безъ надежды полюбивъ.
О цвѣтокъ мой несравненной, дорогой!
Кшо сорвешь себя холодною рукой;
Ты на чьей груди засохнешь, опадешь?
Гдѣ, краса моя, поблекнешь, опцвѣнешь?
Можешь бышь, съ шоски и грусьи, во слезахъ,
Ты увянешь во младыхъ своихъ лѣпахъ,
Не извѣдавъ, что есть сладость жизни сей,
Съ милымъ другомъ не дѣливъ души своей.
О краса моя! когдабъ владѣшь побой
Щасъ было мнѣ назначено судьбой;
Кшо бъ щасливѣе на свѣшъ былъ меня?
Кшо бъ нѣжнѣе могъ любить себя, какъ я?
Я въ очахъ своихъ блаженство бъ почерпалъ,

Я одной побой и жилъ бы и дышалъ,
Я какъ жизнь свою хранилъ бы швой покой;
Но другому, а не мнѣ владѣшь побой!
Сердце! сердце! нѣшь блаженства для шебя;
Ахъ, мечшою обольщаешь пы себя!
Взора милаго, опаснаго бѣжимъ;
Ахъ! шебѣ ль владѣшь сокровищемъ шакимъ!

Сердце въщее! что поскуешь ты?
Знашь кручина ешь и великая,
Знашь она себя, какъ змѣя, сосепъ;
Или злу напасъ предвѣщаешь мнѣ?
Во Царь градовъ, въ спольномъ Пишерѣ,
Какъ звѣздъ на небѣ красныхъ дѣвушекъ;
Не уже ль еще, по сію пору,
Ни одна изъ нихъ не зажгла себя,
И ошь дѣвичьихъ, соколиныхъ глазъ
Не распаялъ ты, бѣлоярой воскъ?
„Я давно ошь нихъ весь распаялъ бы,
Какъ ошь солнышка ледъ спудень весной,
Кабы не было злой кручинушки,
Не съѣдала бы грусь, шоска меня,
Какъ желѣзо ржа во сырой землѣ.
Хошь и много ешь во Царь градовъ
Посмошрѣшь на что сердцу Рускому,
Любовашься чѣмъ и попѣшишься,
Да не весело все решивому.
Лишь войдешь въ соборъ, въ Пешропавловской,
И помолишься Спаса образу,
И поклонишься всѣмъ гробамъ чеспнымъ
Машерей, Ошцовъ царсшва Рускаго,
Сопворишь поклонъ православнымъ всѣмъ,
И кругомъ себя шущъ оглянешься :

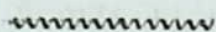
Чшо не видано и не слыхано,
То увидишь ты, и восхишишься.
Спѣны въ церкви все занавѣшены,
Не парчой златой, а знаменами,
И знаменами, вѣдь опняшыми
У враговъ лихихъ Руска племени,
На иныхъ видна супоспашовъ кровь.
Слава Рускому храбру воинству!
Слава вишязямъ церкви Божіей,
Задунайскому и Рымникскому!
Слава Машери царства Рускаго
За избраніе вожей мудрое!
Много здѣсь церквей бѣлокаменныхъ,
Все украшены златомъ, жемчугомъ
И камнями самоцвѣшными;
Но одна изъ нихъ, какъ опспроишся,
Будешъ машъ церквамъ всемъ въ Руси Свяшой,
И дивишся ей все изъ-за моря
Прѣзжашь будешь въ славный Пиперь-градъ.
А какъ выдешъ ты ко Исакію,
Тамъ Надежа-Царь на конѣ сидишь,
И съ крушой горы хочешъ внизъ скакнушь.
Руси всей свяшой онъ защита былъ
Противъ сильнаго Свейска племени,
Въ полѣ билъ враговъ, на водѣ шопилъ,
Возвеличилъ свой и прославилъ край,
Озарилъ его просвѣщеніемъ,
Войско, флотъ завелъ, спроилъ крѣпости,

Средь болошь и мховъ основаль сей градъ,
Самъ воздвигъ себѣ вѣчный памятникъ.
Во прудахъ провелъ жизнь неслыханныхъ,
И во всемъ примѣръ подаваль собой:
Плошникъ, плавашель, судія, Миниспръ,
И опечесхва былъ прямой Опець;
И за шо его вылишь изъ мѣди
Приказала машь Руской всей земли,
Чшо побѣдами, дивной мудросью,
Милосердіемъ ко врагамъ своимъ
Слишкомъ шридцашъ лѣшь весь дивила свѣшь;
Други, недруги ей дивилися.
Слишкомъ шридцашъ лѣшь, солнце красное,
Согрѣвались мы швоей благосшью;
Но не вѣдали всей цѣны швоей!
Сынъ опечесхва, благодарный сынъ,
Гробъ омоешь швой горючой слезой.
Какъ рѣка, весной необозрима,
По обширному царшву Рускому
Разливалось благоденшвіе.
Посреди войны, бранныхъ ужасовъ,
Миромъ крошкимъ мы наслаждалися;
О войнѣ шогда шолько слышали,
Какъ моленіе Богу Рускому
Во церквахъ Свяшыхъ приносилося
За побѣды, Имъ намъ дарованны.
Но всего милѣй сердцу Рускому
Видѣшь добраго и любимаго,

Православнаго Царя, Бѣлаго,
Какъ гуляешь онъ однихонекъ
Вдоль Невы рѣки, вдоль широкия,
По гранишному, красну берегу,
Иль по улицамъ бѣлокаменнымъ,
Какъ опецъ родной среди дѣшей,
Видно любишь онъ насъ дѣшей своихъ.
Кшо ни встрѣпиши съ божеспвомъ земнымъ,
До земли ему ни поклонися;
Онъ и Самъ шворишь низкой всѣмъ поклонъ.
Да не радуешь чшо-шо все меня;
По родной справъ здѣсь кручиниши.
Друга нѣшь со мной на чужой справъ;
Онъ увезъ съ собой всѣ веселоспи
На родимую Волгу-мапушку,
Не оставилъ здѣсь ни забавушки.“
Не кручинься жь ты, сердце вѣщее!
Пособишь могу я шоскъ швоей.
Ужъ недолго жишь на чужой справъ
Безъ шоварица нашей младоспи,
Ужъ не долго намъ шосковашъ съ шобой.
Разпросшимся мы съ славнымъ Пиперомъ,
Никого вѣдь въ немъ не покинемъ мы.
Полешимъ шуда мы на родину,
Гдѣ слилась рѣка Йолношь съ Нодогой,
И впадаетъ гдѣ въ Волгу-мапушку,
Обоймемъ скорѣй друга милаго,
Онъ давно насъ ждешь, да не дождешия.

Такъ разспелемъ же самолень-коверъ,
Свиснемъ посвиспомъ молодецкимъ мы;
И очушимся въ мигъ на родинѣ,
И прижмемъ къ себѣ сердце друга мы.

Льшо красное! проходи скорѣй,
Ты наскучило мнѣ безъ милаго.
Я гуляю ли въ зеленомъ саду,
Брань ли въ лѣсъ хожу спѣлы ягоды,
Опдыхаю ли подлѣ рѣченьки,
Пуще пошню мнѣ, вспомяну пошчась,
Чшо со мною нѣшъ друга милаго,
Чшо мнѣ некому слова вымолвишь,
Чшо я долго съ нимъ не увижуся.
Ахъ безъ милаго все не мило намъ!
Ровно солнышко закапилось
Съ шой поры самой, съ шого времени,
Какъ проспился онъ во слезахъ со мной,
Какъ въ послѣдніе онъ прижалъ меня
Ко бѣлой груди, къ рѣшиву сердцу.
Вспоминаешъ ли обо мнѣ онъ шакъ?
Такъ ли любишь онъ все по прежнему?
Много времени съ шой поры прошло,
А ни грамошки, а ни вѣспочки,
Ахъ, опъ милаго не пришло ко мнѣ!

Да и слуху нѣтъ; полно живъ ли онъ?
Хоть во снѣ бы онъ мнѣ привидѣлся,
Наяву коли не выдашь его!
Не въ тебѣ ли онъ, мать, сыра земля?
Я послушаю, припаду къ тебѣ;
Не услышу ли шуму, поношу?
Не бѣжишь ли по доброй конь его?
Не везешь ли онъ добра молодца
На Свяшую Русь, къ красной дѣвицѣ?
Нѣтъ, не чухъ его, не шолохнешся,
Неслыхашъ коня молодецкаго:
Видно милаго не выдашь ужъ мнѣ,
Знашь заѣхалъ онъ въ дальню споропу,
Знашь не помнишь онъ красной дѣвицы;
Позабылъ, мой свѣтъ, всю любовь мою!
Не другая ли приглянулася?
Ты наспанъ скорѣй, осень пасмурна!
Забушуйше вы, въпры буйные?
Ошнесише вы къ другу въспочку,
Вы промолвише, какъ горюю я,
Какъ я ночь не сплю, днемъ шоскую все,
Какъ изныло все сердце въщее.
Ахъ, злодѣйка-грусть съѣла всю меня!
Непохожа я на себя спала.
Какъ на родину, свѣтъ, прїѣдешь, мой!
Не узнаешь ты красной дѣвицы;
Вся изсохла я отъ кручины злой.
Коли помнишь ты, не забылъ еще,

Коли въ правду жаль за любовь меня;
Пріѣзжай, мой свѣщъ, поскорѣе шы?
Привези назадъ красочу мою,
Я попережнему буду весела.

Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица!
Не роняй ты слезъ на бѣлы груди,
Не круши себя ты во младости,
Не губи, мой свѣтъ красоты своей!
Друга милаго не выдашь тебѣ,
Онъ на родину не ворошился,
Не прижмешь тебя къ сердцу вѣрному,
Не опрешь онъ своихъ дѣвичьихъ слезъ.
Не услышишь ты, какъ онъ рашуетъ
За Свящую Русь, православную;
Не придетъ объ немъ вѣснки радостной.
Онъ кончается во чистомъ полѣ,
Черезъ златое онъ ожереліе
Ронишь душу вонъ изъ бѣла шѣла.
Ахъ, родимая мать, сыра земля!
Не въ тебѣ лежашъ добру молодцу,
Во чужой землѣ, въ непріятельской
Лжешъ онъ косцами богатырскими.
Пайщикъ царскія службы грозныя!
Сослужи ты мнѣ, молодецкой конь,

Службу вѣрную и послѣднюю!
Ошвези поклонъ шы на родину
Ко душѣ моей, къ красной дѣвицѣ,
И къ кормилицѣ, къ родной машушкѣ,
И хвора она, и спарехонька.
Ты промолви имъ: „не печальшеса,
Не кручиньшеса вы по молодцѣ;
Онъ кончаеша за Свяшую Русь,
Умираешъ онъ за родимой край.“

Прими, спрана родимая!
Прими ты ушомленнаго
Въ юныхъ лѣпахъ жизни бременемъ.
Роци родины священныя!
Примише вы подъ пѣнь свою
Пришлеца, судьбой гонимаго.
Въ вашей сѣни онъ укроется,
Здѣсь найдешь себѣ убѣжище;
И подъ сводомъ густолиственнымъ,
Въ шеркамі прохлаждаемый,
Въ пишинѣ воздремлешь сладоспной
Крошкимъ сномъ покоя вѣчнаго.
Ужъ ничшо не веселишь его,
Одинокаго, печальнаго;
Онъ подобенъ цвѣшу раннему,
Онъ морозовъ исчезающу.
Окомъ хладнымъ равнодушія
На свѣшло юныхъ дней своихъ
Онъ взираешь заходящее.
Нѣтъ на свѣшѣ чистой радости,
Нѣтъ прямаго удовольствія;
Горесъ мрачная, безмолвная

Грусть слезами ненасыщая,
Нашей жизни вѣчны спутники.
Мигъ одинъ, и призракъ щасія
Исчезаетъ предъ спрадальцами,
И ужасная существенность
Ихъ очамъ опять являешся.
Такъ, утѣхи, наслажденіе,
Нѣжный плодъ въ Эдемъ зрѣющій,
Не роснешъ въ юдоли бѣдствія.
Здѣсь, подъ кровомъ неизвѣстности,
Здѣсь, на лонѣ нѣжной мащери,
Взоромъ яснымъ и безоблачнымъ
Муки сердца ушляющей;
Дни въ слезахъ угаснутъ юности.
Никогда любимцы щасія,
Свѣтской мудростью сіяюща,
И предъ коими щеславный міръ
Пресмыкаешся и ползаешъ,
Никогда не посѣтятъ меня;
Взоръ съ презрѣнемъ опшрашшся ихъ
Опъ смиренна обидели
Неизвѣстнаго пущыника;
Но людей, гонимый злобою,
Но земный успалый пруженикъ
Въ ней найдешъ всегда убѣжище.

Время быстрое, крылатое!
Другъ и недругъ перемѣнчивой!
Для чего ты къ одному лишь мнѣ
Поспоянно въ непріязни злой?
Угро жизни моей пасмурно,
Какъ въ дождливые, осенни дни;
Бѣлой свѣшъ мнѣ спаль пустынею;
Мать, отецъ меня покинули,
И давно лежашъ въ сырой землѣ.
Ахъ! на что меня безщаснаго
Вы родили, возлелѣяли?
Ахъ! за что пустили по свѣшу
Сиротой скипашься цѣлый вѣкъ?
Что ни гдѣ-то мнѣ приюшу нѣшъ,
Приклонишь куда головушку,
Что ни друга, ни поварица
Мнѣ сыскашъ не повспрѣчалося,
Съ кѣмъ бы горе мнѣ размыкаши.
Всѣ чуждающя безщаснаго,
Всѣ бѣгушъ ошъ безъшаланнаго;

Кто спознашься ни захочешъ съ нимъ,
Зло безщасье приспаетъ къ шому,
Знашь на горе зародился я,
Что ни въ чемъ-шо мнѣ удачи нѣтъ;
Есть удача, да въ безщасіи!
Есть шаманъ, да скрытъ въ сырой землѣ!

~~~~~

Не шуми ты, погодушка!
Не бушуй ты, осенняя!
Не волнуй Волгу-машушку,
Не клони боръ къ сырой землѣ,
Безъ того мнѣ пошнехонько;
Не глядѣль бы на бѣлой свѣшъ.
Ты, душа моя, дѣвица!
Ты, душа моя, красная!
Ахъ! на что я узналъ себя?
Ахъ! на что полюбилъ себя?
Да не въ нашей по волюшкѣ;
Любимъ мы, не спросясь себя;
Любишь въ насъ сердце вѣщее.
Ты любви не вѣдаешь,
Ты цвѣшешь какъ пустынный цвѣшъ,
Имъ ни кто не любуешься.
Ахъ! на что ты выросъ цвѣшъ
Чтобъ увянуть не сорванной,
Чтобы запахъ душистый твой
Разливался по воздуху,

Исчезалъ въ пишинъ пущынь? —
О душа моя, дѣвица!
О ушѣха очей моихъ!
Ты во всей красотѣ своей
Разцвѣла; но на долго ли?
Сельный цвѣтъ красота швоя;
Время красное доноси,
Время красное радости,
Пролетишь быстрой сокола,
За добычей парящаго;
Иль стрѣлы разсѣкающей
Даль, проспранство воздушное.
И коса швоя русая
Со бѣлыхъ плечъ долой спадешь;
И ланиный потухнешъ огнь.
Ахъ! лови, красна дѣвица!
Дни лови быспрокрытые,
Не цвѣши въ одиночествѣ,
Ощвѣшешь, воспобаешься.
Но лихая судьбинушка!
Не владѣшь добру молодцу,
Не владѣшь красной дѣвицей!
Ахъ! куда, сердце вѣщее,
Ахъ! куда намъ бѣжашъ съ шобой?
Ошъ шоски, ошъ кручины злой?
Мы ошъ нихъ а за нами въ слѣдъ
Горе гонишся лютое.
Гдѣ ошъ недруга спрячешъ?

Съ колыбели знакомы съ нимъ.
Ни спѣной бѣлокаменной,
Ни запорами крѣпкими
Ошъ него не укроешься
Въ корабль за шобой плывеши,
На конѣ скачешъ день и ночь,
Яснымъ гониши соколомъ,
Вѣщимъ носиши ворономъ,
Волкомъ рыскаешъ яростнымъ.
Разспупись, мать, сыра земля!
Разспупись, и сокрой на вѣкъ
Ошъ могучаго недруга.

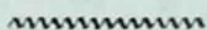

Ахъ! долго ли, дѣвица,
Ахъ! долго ли, красная,
Крушишь будешь молодца,
Казашься холодною,
Суровою, гордою,
Къ любви непреклонною?
Не два разъ цвѣшущая
Весна сходишь на землю,
Не два разъ пѣнистые
Лѣса одѣваются
Зелеными лисьями,
Не два разъ природа - мать
Узорчатымъ, шелковымъ
Ковромъ устилаешь лугъ,
Не два разъ плѣяешь взоръ
Цвѣшь - роза душистая,
Не два разъ и ты цвѣшешь
Прелестною младостью.
Одинъ разъ любишь пора,
Пройдешь не ворошишься;

Часть I.

Лихой старина, съдой,
Зовешся чшо временемъ,
Не вѣдаешъ жалосни,
Къ моленьямъ глухъ юносни;
На слезы не зришь красы,
Ума, добродѣтели
Мольбой не смягчается,
Не слушаешъ мудросни,
Паривъ бышрѣй сокола,
Паривъ, не оглянешя.
Куда вы сокрылися,
Младой жизни спущники,
Смѣхъ, пляски и рѣвосни?
Куда вы дѣвалася,
Веселость безпечная,
Шушливость пріятная?
И вы улешѣль куда,
Амуровъ крылашый рой?
Исчезли со временемъ
Друзья вѣроломные!
Покинули жизнь одну,
Покинули въ спаросни,
Унылой, безрадосной!
Вошь учасъь какая ждепъ,
Въ комъ сердце холодное,
Кшо прожилъ печально вѣкъ
Безъ друга, безъ милаго,
Не вѣдалъ кшо сладосни

Дѣлишься съ другимъ душой.
Спѣши, спѣши, дѣвица!
Спѣши, спѣши, красная!
Избратишь друга милаго,
Избратишь, полюбишь на вѣкъ.
Любишь и любимой бышь
Другаго блаженства пѣшь;
Совѣшь презришь, каяшься
Вѣкъ будешь; но съ алыхъ успѣ
Вспорхнешь навсегда любовь,
Грудей свянушь лиліи,
На щечкахъ прелестныя
Исчезнушь вдругъ ямочки,
И красная дѣвица
И грозной, лихой шарикъ
Опмешивъ за холодношь ей.

П Ъ С Н И.

Не цвѣнешь алой во полѣ
Блекнешь, засыхаешь,
Душа, красна дѣвица
Съ шоски пропадаешь ;
Ой, Дидь и Лада, съ шоски пропадаешь !

Ни ушромъ, ни вечеромъ
Цвѣшу нѣшь прохлады,
Веселья, нѣшь, радости
Дѣвиць безъ друга ;
Ой, Дидь и Лада, дѣвиць безъ друга !

Безъ росы, безъ дожжичка,
Цвѣшь головку клонишь,
Вянешь краса - дѣвица.
Безъ милаго друга ;
Ой, Дидь и Лада, безъ милаго друга !

Причины не вѣдая ,
Грустишь и поскуеешь ,
Днемъ плачешь украдкою ,
Ночь шемну вздыхаешь ;
Ой , Дидъ и Лада , ночь шемну вздыхаешь !

Ужель , краса - дѣвица ,
Творенье рукъ вашихъ ,
Безъ друга , безъ радости ,
Лѣшь въ цвѣшѣ увянешь ;
Ой , Дидъ и Лада , лѣшь въ цвѣшѣ увянешь !

Шепнише въ ночь шемную ,
Шепнише въ ушко ей :
Безъ друга , безъ радости ,
Нѣшь щасья , блаженства ;
Ой , Дидъ и Лада , нѣшь щасья , блаженства !

Нѣшь , - нѣшь она вѣдаешь
Причину кручины ,
Давно вы шепнули ей
Вину шоски , грусти ,
Ой , Дидъ и Лада , вину шоски , грусти !

Давно вы сказали ей
Сердечную шайну ;

Но дерзкая смершная
Любовь презираешъ ;
Ой , Дидь и Лада любовь презираешъ !

Не сердце , а камень въ ней ,
А ледь въ ней спуденой
Красою небесною
Она возгордилась ;
Ой , Дидь и Лада , она возгордилась !

О власши безмершныя !
За себя опмешше ,
Свою власшь надъ смершными
Надъ ней покажише ;
Ой , Дидь и Лада , надъ ней покажише !

Въ ней сердце холодное ,
Не на день , не на два ,
Любовью горячею
На вѣкъ вы зажгише ;
Ой , Дидь и Лада , на вѣкъ вы зажгише !

Зажгише къ жеспокому ,
Любви кшо не знаешъ ,
Чшобъ слезы горючія
Лила днемъ и ночью ;
Ой , Дидь и Лада , лила днемъ и ночью !

Чшобъ знала жесшокая,
По себъ бы знала
Ту муку сердечную,
Терплю чшо я шайно;
Ой, Дидь и Лада, шерплю чшо я шайно!

Нъшь, мщенье для дѣвицы
Ужасно шакое;
О силы небесныя!
Надъ мной умилишесь;
Ой, Дидь и Лада, надъ мной умилишесь!

Крась, милой дѣвиць
За меня опмешите,
Красу, милу дѣвицу
Слегка накажите;
Ой, Дидь и Лада, слегка накажите!

Въ ней сердце холодное
Не на день, а на вѣкъ,
Любовью горячею
Ко мнѣ вы зажите;
Ой, Дидь и Лада, ко мнѣ вы зажите!

Ахъ , пы молодоспъ моя , молодоспъ ,
Неразгульная не веселая !
Мнѣ не жаль того , что проходишь пы
Что лихой спарикъ , время грозное
Серебришь мои русы волосы ;
А мнѣ жаль того , что уносишь пы
Думы сладкія вдохновенія ,
Думы рѣзвыя , легкокрылыя .
Ахъ слезами я обливаюся ,
Разспаваяся съ щасьемъ дней моихъ ,
Разспаваяся съ пѣснопѣніемъ !
Мракъ въ душѣ моей , мракъ унынія ,
Хладъ въ крови моей , хладъ осеннихъ дней ;
Гаснешъ юное воображеніе .

Скрылось для свѣшало яркое ,
За лѣсами скрылось шемными ;
Чушь мерцаешь рдяный лучь его
На вершинѣ бора древняго.
Мѣсяць блѣдный вспалъ , и смопришся
Въ чиспомъ зеркаль спокойныхъ водѣ.
Все скрывается опъ зрѣнїя ,
Исчезающъ холмы въ сумракѣ ,
Тѣнью роци одѣвающся.
Се и генїй ночи шемный
Въ звѣздной маншїи спускаешся
Съ висошы ээира синяго ,
Сопрясая съ черныхъ крылїевъ
Жизнодапельныя росины ,
Сонъ рукою благошворною
Сыплешъ маковы цвѣшы свон
На природу сыплешъ шомную.
Все на лонѣ дремлешъ мрачнoshi ,
Все ушихло , все покоишся ,
Соловей не свищешъ въ роцицѣ ,

Эхо смолкло, спишь глубокимъ сномъ,
Лишь прохладный въперокъ шумишь
Въ лисьяхъ сребренныхъ осиника,
Съ шихимъ, сладоснымъ журчаніемъ
Ручейка сливая шопопъ свой.
Какъ сравнишь возможно сельскую,
Жизнь счастливую, спокойную
Съ городскою шумной жизнью,
И мѣняшь души покойствіе
И свободу драгоценную
На забавы вредны, суетны,
И на призракъ удовольствія.
О природа маперъ нѣжная!
Какъ ты любишь насъ, дѣшей своихъ,
И какія несказанныя.
Намъ вливаешь въ сердце радости.

П Ъ С Н Ъ В О И Н С Т В У

А Л Е К С А Н Д Р О В У .

*Roll streamy Carun, roll in joy, the sons of
battle fled! The steed is not seen on our fields;
the wings of their pride spread in other lands.*

Ossian.

*Теки , Москва , теки съ стремленьемъ
И шумомъ радостной волны
Въщай : враги какъ съ посрамленьемъ
Побѣгли , вспять обращены ;
Ихъ кони бурны , величавы
Уже не зримы по полямъ ;
И ихъ орелъ единоголовый
Простеръ полетъ къ другимъ странамъ .*

Бенитскій .

*Звучной , сладостной , древней мѣрою ,
Пѣли коею наши прадѣды ,
Воспѣвашь хочу я нашесловіе
На Россійскій край хищныхъ варваровъ ,*

Воспѣвашь хочу брани грозныя ,
Русскихъ доблести безпримѣрныя ,
Духа мужества Александрова. (57)

Предстоящая предъ судилищемъ
Судьи грознаго , неумышленнаго ,
Передъ коимъ Царь и послѣдній рабъ ,
Всѣ равны , не какъ на землѣ у насъ ,
По дѣламъ однимъ не равны своимъ ,
Правда , дщерь его , правда — истина !
Озари меня пы лучемъ своимъ ;
Будь наставницей въ шрудномъ подвигѣ !
Тыжъ , которая мрачный жизни пушь ,
Пушь усыянный скорби шернѣемъ ,
Усыпаешь вдругъ цвѣшомъ радости ,
И зашишь лучемъ ожиданія ,
О Фанпазія всемогущая ,
Пѣснь укрась мою , спрогой правды пѣснь !
Вы безсмершныя , вы вдыхаете
Даръ божественный пѣснопѣнія ,
И одѣшый духъ шѣла рубищемъ
На Олимпѣ горній восхищаете !

Какъ при шомъ Царь Александръ жилъ ,
Нечесшивой Царь , Царь Французской , злой ;
Бонапаршъ ему было прозвище.
Тигру въ люшосши онъ подобенъ былъ ;
Въ немъ кипѣла кровь Корсиканская.
Возлелѣянный Революціей ,
Онъ возсѣлъ на пронѣ , весь дымящійся

Крови шоками Людовиковой ,
(О небесное правосудіе !
Спали громы знашь въ небесахъ швои ,
Чшо щадило шы шапя , изверга
Для погибели свѣша цѣлаго) ,
И возжегъ огонь брани люшныя .
Со главы царей спалъ вѣнцы срывашь ,
Налагашь на нихъ дани шяжкія ,
Разоряшъ въ конецъ ихъ владѣнія ;
Не цари они были власшю ,
А невольника Корсиканцовы ;
Оспавался лишь вольный , бѣлой Царь ! (38)

Взяло зло Царя Злочешиваго ;
Думу думашь спалъ , думу крѣпкую ,
Какъ бы Бѣлаго покорилъ Царя ,
Какъ бы землю всю разорилъ его .
Созываешъ онъ на совѣшъ къ себѣ , (39)
Созываешъ онъ всѣ чины свои ,
И речешъ имъ шакъ Злочешивой Царь :
„Ой , вы гой еси , славны Маршалы ;
Вы мои слуги , слуги вѣрныя ,
Соподвижники неизмѣнныя !
Съ вами рашовалъ при Маренгѣ я (40) ,
Съ вами я прошелъ пески Ливіи ,
Пески знойныя , непроходныя ,
Много царшвъ , земель покорили мы ,
Громкой славою нашихъ подвиговъ
Всю наполнили поднебесную .

Нѣшь намъ сильника, сопровивника ;
Сопровивникъ намъ одинъ Бѣлой Царь ;
Рушимъ, други, мы Александровъ провъ !
Черезъ Граникъ (41) преидемъ царства Русскаго ,
Черезъ глубокую Неманъ , быспрую.
Но вмѣспишь ли насъ царство Русское ?
Насъ вмѣспишь ли, нѣшь, весь проспранный свѣшь ?
Покоривши Русь, Турковъ бишь поидемъ ;
Изъ Европы вонъ мы погонимъ ихъ
(Ихъ давно пора выгнашь варваровъ).
Всю насквозь пройдемъ знойну Персію ,
По слѣдамъ пройдемъ шого Грека мы ,
Съ горспью храбрыхъ кшо рушилъ Кировъ Тронъ ,
И кошораго славой имени
И поднесъ еще весь гремишь Воспокъ.
За Гангесъ, за Индъ пересшупимъ мы ;
Вѣчныхъ Франціи неспависшниковъ,
Тамъ Бришанцевъ мы сокрушимъ въ конецъ,
(Должно шамъ, не здѣсь сокрушашъ ихъ мощъ).
Изъ Осшь - Индіи шагъ одинъ въ Кишай ;
Во Кишай спрану, во преспольную ;
Опровергнемъ шамъ Богдыхановъ провъ, (42)
Самой древній провъ въ поднебесной всей.
Сослужише вы, други вѣрные ,
Сослужише мнѣ службу грозную ;
Награжу я васъ злапомъ, серебромъ ,
Пережалую въ Короли, Князья !“
Призадумались славны Маршалы ;

Какъ вечернею порой , тихою ,
Какъ древа въ лѣсу , призапахли всѣ ,
Опнялся у всѣхъ краснобай - языкъ .
Поглядѣлъ на нихъ Злочеспивый Царь ,
Окомъ люпымъ онъ поглядѣлъ на нихъ ,
И злодѣй , Даву шакъ возговорить :
„Ой , шы гой еси , Царь пресланный нашъ !
Мы тошовы всѣ несшь главы свои ;
Лишь промолви шы слово царское ,
Слово грозное , ихъ куда несши .
Поплѣнимъ съ тобой всеъ мы бѣлой свѣшъ ;
А не только Русь , лоскушокъ земли .
Русскихъ варваровъ бишь не въ первый разъ ;
Авсперлицъ , Фридландъ шо свидѣтели.“

Поплѣнимъ , рѣчьешъ Коленкуръ - злодѣй ,
Мы безъ бою Русь поплѣнимъ въ ковецъ ;
Русскихъ вѣдаю я довольно нравъ .
Былъ посломъ швоимъ въ славномъ Пиперь ,
Слышалъ самъ опъ ихъ горьки жалобы
На жишь - бышь ихъ неспособное .
Миновался ихъ славной вѣкъ давно ,
Закашилось ихъ солнце красное ,
Пересшавилась ихъ Царица - машь ,
Чшо съ неслыханной , громкой славою ,
Не одно , не два лѣша правила ,
Слишкомъ шридцашъ лѣшъ ими правила .
Лишь шагни шы , Царь , въ землю Русскую ,
Безъ сраженія вся швола она ;

Не враговъ шы въ ней , вѣрныхъ слугъ найдешь ,
Кровь гошовыхъ лишь за шебя , Царя !“

„Нѣшь , речешъ ему Савари - злодѣй ,
Нѣшь , напрасно шы похваляешься ,
Ты не вѣдаешъ Русскихъ варваровъ ;
Вѣрны всѣ они своему Царю ,
Не за нашего кровь гошovy лишь .
Силенъ , силенъ Царь земли Русскія ,
Силенъ вѣрносшью своихъ подданныхъ ;
Онъ любимъ ими , какъ опецъ дѣшми .
Развѣ хипросшью , а не силою ,
Одолѣемъ мы Царя Бѣлаго .
Заманимъ его къ себѣ лесшью мы ,
Заманимъ его мы измѣною .
Царь Гишпаніи въ полону у насъ ;
Точно шакъ плѣнимъ Царя Бѣлаго ,
Вмѣсшѣ съ нимъ плѣнимъ землю Русскую .
Поплѣнимъ съ нею весь мы бѣлой свѣшъ ;
Вѣнчанъ будешъ шы въ каменной Москвѣ ,
Вѣнчанъ будешъ шы могучимъ Царемъ ,
Не одной Руси , свѣша цѣлаго .“

Похвалилъ его Злочесшивой Царь ,
Нравно всѣмъ было Савари слово ,
Всѣ дивяшся лишь его мудросши ,
Но Ренѣ речешъ вопреки имъ всѣмъ :
„Тщешной лѣспишеса вы надеждою ;
Не бывашъ во вѣкѣ , чшобы бѣлой Царь
Сшамъ въ плѣну влачшш жизнь безславную ,

Чтобы предать намъ царство самъ свое,
Чтобъ измѣнникомъ былъ опечеснву.
Кровь Пешрова въ немъ, кровь геройская;
Изопьешь скорѣй чашу смершную,
Чѣмъ Пешрову кровь опозоришь онъ.“

Опнялся опяшь краснойбай - языкъ,
Опнялся у всѣхъ славныхъ Маршаловъ,
И у самой ихъ удалой главы,
У шого Царя Злочесшиваго;
Наконецъ злша прогремишь шруба,
Слово выронишь мудрость самая,
Око царское, око зоркое,
Рука правая Бонапаршова,
Хишрый въ замыслахъ Талейранъ, Миниспръ
(Посѣдѣль, какъ лунь, во совѣсахъ онъ.)
„Ой, шы гой еси, гой, Французской Царь!
Не вели казнишь, головы рубишь,
Напередъ вели слово вымолвишь.
Изо всѣхъ Царей свѣша бѣлаго,
Кшо славнѣй шебя, кшо премудрѣе?
Превзошелъ шы всѣхъ славой, мудростью,
Даровалъ покой шы земль своей,
Всѣмъ чужимъ землямъ спрашенъ, грозенъ шы.
Во копорую дальню свѣша часшь
Слухъ о мудрости не прошелъ швоей?
Ты могучъ и мудръ, Царь преславной нашъ!
Но войною шы не ходи на Русь,
Не ходи въ Москву бѣлокаменну;

Не золошь вѣнецъ свѣсна бѣлаго,
Не золошь вѣнецъ царской шы найдешъ,
А найдешъ шы въ ней себѣ пагубу,
Не сносишь шебѣ головы своей.
Не меня, о Царь, шы послушайся!
А послушайся самой мудросши:
Русской люшь народъ, лошь во браняхъ онъ,
И покоренъ лишь своему Царю,
А шебѣ слугой въ вѣкъ не будешъ онъ;
Иновѣрной шы, а не Бѣлой Царь.
Славной Русской намъ не владѣшь землей;
Гробъ найдемъ себѣ, а не славу мы!“

Разсердился Царь нечесливой, злой,
Слова не далъ онъ досказашъ ему,
Заревель, какъ Турь, зычнымъ голосомъ;
„Ой, шы гой еси, гой, Совѣшникъ мой!
Кабы прежде мнѣ не служилъ Царю,
Не служилъ шы мнѣ вѣрой, правдою,
Умомъ, разумомъ и совѣшами;
Я въ одинъ бы разъ саблей оспрою,
Самъ срубилъ шебѣ буйну голову,
По плеча швои, по могучія,
Спаръ шы, робокъ спалъ; вошь слуги мои!
Вошь поварищи неизмѣнные!
Съ ними бѣлой свѣшъ изойду я весь,
Покорю его я подѣ власшь свою.“
Подхвашили по слово царское
Удалы главы, молоды умы;

„Изойдемъ его , закричали всѣ ,
Изойдемъ съ шобой весь мы бѣлой свѣшъ ;
Покоримъ его , Царь , подъ власъ швою !“
Было на руку Бонапаршу шо ;
Выхвалялъ своихъ славныхъ Маршаловъ ,
И за службу ихъ , за усердную ,
Царской жаловалъ своей милосшью.

И въ одну ночь послѣ крѣпкихъ думъ ,
Вдругъ заснулъ онъ Царь богашырскимъ сномъ ,
И привидѣлся мушенъ сонъ ему ,
Будшо онъ въ Москвѣ бѣлокаменной ,
На крыльцѣ споишъ будшо красномъ онъ ;
Передъ нимъ въ спрою его воиншво ,
Молча слова ждешъ его царскаго.
Какъ осенній день , оно пасмурно ,
Славны Маршалы всѣ нерадосшны ;
Ихъ кручина - грусь обуяла всѣхъ ,
Да и самъ онъ Царь , на нихъ смошрючи ,
Зашуманился , закручинился.
Надъ главой его царской , полной думъ ,
Надъ главой злашой , Иоанновой ,
Надъ главой Кремля , крѣпка города ,
Туча мрачная волновалася ,
Какъ волнуешся Волга осенью.
Долго , молча онъ , озиралъ очми
Злашоглавой Кремль , бѣлокаменной
И унылое свое воиншво ,
Какъ ударили вдругъ въ царь - колоколь ,

*

И по всей Москвѣ, во единый мигъ,
Звонъ слышался, звонъ перадосшной.
Не къ заупрени, въ свѣтлой день Хрисповъ,
Не къ заупрени, а въ набашъ звоняшъ,
Чшо Москва рѣка налилась полна,
Не водой полна, кровью алою,
Запопляешъ Кремль, храмы Божіи
И безбожное его воинство,
Чшо онъ понешъ самъ, не въ водѣ, въ крови.
Тутъ проснулся онъ Злочеспивой Царь,
И смутился онъ сильно мыслию,
На яву видѣшъ чудный чаешъ сонъ;
Но молчаніе и полночной мракъ
Тюльери въ спѣнахъ еще царшвовалъ.
Ровно при раза, содрогаючись,
Засыпалъ онъ Царь сонъ зловѣщій пошъ;
Ровно при раза лишь заспишъ его
Сонъ зловѣщій пошъ ему видѣлся.
Во послѣдній разъ онъ не могъ заснушъ;
По воспочному небу, синему
Разлилась давно заря розова.
Лишь сквозь шолковы, алы завѣсы,
У оконъ дворца Тюльерійскаго
Солнца лучъ проникъ злапордянаго,
Созываетъ онъ Злочеспивой Царь
Всѣхъ волхвовъ своихъ и гадашелей,
Чудной, грозной сонъ шолковашъ ему;
Всѣ рекушъ они во единый голосъ:

„Чуденъ сонъ швой, Царь, и въщаешь зло!
Не просшой шо сонъ, а божешвенной,
Посланъ онъ къ тебѣ съ высошы небесъ
Ошъ Царя Царей, ошъ Всевышняго.
Знашь Онъ милосшивъ, благы къ тебѣ, Царю,
Знашь избралъ тебя Онъ орудіемъ
Своей воли къ совершению
Привеси Ему шы моленіе,
Покорись Его свяшой волѣ шы,
Не ходи войной на народъ Его,
Не зори шы Русь, не зори въ конецъ,
Не пали огнемъ каменной Москвы,
Вѣрнымъ другомъ будъ, не измѣнникомъ.“
Разсердился Царь нечесшивой, злой,
Слова не далъ онъ досказашъ волхвамъ;
Всѣмъ велѣлъ срубшть мудры головы.

И собрался онъ Царь войной ишши
На свяшую Русь, православную,
На Московское царшво, сильное;
И послалъ гонцовъ онъ къ Зарешскимъ
Своимъ данникамъ, къ Королямъ, Князьямъ,
Чшобъ съѣзжались въ славной Дрезденъ, градъ,
Приводили бы каждой рашъ съ собой,
Чшо онъ самъ идешъ съ сильной рашію,
Наказашъ идешъ Русскихъ варваровъ.

Его царское повелѣніе
Во единый мигъ исполнялося,
Ошо всѣхъ споронъ рашъ несмѣшная

Въ славной Дрезденъ градъ собиралася.

И подходишь онъ къ граду Дрездену, (43)

За сно версшь шапры разшановлены ,

Шапры бѣлые , полошныяные ;

Ошъ неспосаго пара , конскаго

День и ночь спойшь темно облако ,

Чшо померкнуло солнце красное ,

И зашмился свѣшь ясна мѣсяца.

Какъ не дрогнешь пы , машь , сыра земля !

Какъ не дрогнешь пы , не разспунишься !

Созываетъ онъ на совѣшь къ себѣ ,

Созываетъ онъ своихъ данниковъ ,

И речешъ имъ шакъ Злочеспивый Царь :

„Ой , вы гой еси , Короли , Князья ,

Други Франціи неизмѣнные !

Объявляю я свой другамъ замыселъ ,

Наказашъ иду Царя Бѣлаго ,

Презираешъ онъ дружбу Франціи ,

Ищешъ дружбы онъ ея недруговъ ,

Ея щасію злыхъ зависпниковъ ,

Чшо на всѣхъ моряхъ грабежи пворяшъ ; (44)

Намъ проѣзда нѣшъ на моряхъ ошъ нихъ ,

Топяшъ , жгупъ они корабли наши.

Наказашъ иду Русскихъ варваровъ ,

Чшо шакіе же злы разбойники ,

Лишь на мапери , на сырой землѣ.

Опомспишь хочю за Европу имъ , (45)

Опомспишь за васъ , Королей , Князей ,

За обиды вамъ, за прешажакия.

Вы поможете бить мнѣ варваровъ,

Не измѣните, други вѣрные!

Не опшунитесь вы опъ Франціи.

Поскорѣй не дастъ солнце свѣта вамъ,

И померкнетъ лучъ ясна мѣсяца,

Чѣмъ звѣзды моей, звѣзды свѣтлыя,

Помрачится блескъ, лучезарный блескъ. (46)

Я держалъ свое слово царское,

Я всегда держалъ, и теперь сдержу:

Славной, Спольной градъ царства Русскаго,

Славной Пешербургъ покорился намъ;

Мать городовъ, Москва златоглавая

Черезъ шесть мѣсяцовъ ровно узришь насъ

Во стѣнахъ своихъ бѣлокаменныхъ. (47)

Съ вами славу я раздѣлить хочу,

Раздѣлите вы со мной шрудности!“

И воскликнушь всѣ Короли, Князья:

„Пополамъ дѣлимъ все съ побою мы,

Славу, шрудности, и живость, и смерть!“

Не густой шуманъ подымается,

И не пруговъ по алчныхъ облако,

Подымается Злочешивой Царь

Со безчисленнымъ своимъ воинствомъ.

Коши борзые по землѣ лешають,

Чушь конышами дошыкаются,

До небесъ дымъ сполпомъ взвивается,

Изъ поздрей коней пышетъ полымя.

Скоро, скоро онъ доспигаетъ Царь
Славна Немана, быстрой рѣчишки,
Что онъ Княжества, онъ Варшавскаго
Опдѣляетъ Русь православную.
Созываетъ онъ Королей, Князей,
Созываетъ онъ славныхъ Маршаловъ,
Созываетъ онъ храбро воинство,
И речешъ имъ такъ Злочесливой Царь:
„Ой, вы гои еси, Короли! Князья!
Ой, вы гои еси, славны Маршалы!
Ой, вы гои еси, храбры воины!
Соподвижники мои вѣрные!
Въ свѣшъ нѣшъ для васъ невозможнаго:
Ни Ливійскіе пески, знойные,
Ни полярные льды, холодные,
Ни высокія горы, каменны,
Ни широкія рѣки, быспрыя,
Не препнули васъ во пуши досель.
Громъ побѣдъ вашихъ, громъ неслыханный,
По поднебеси раздаешся весь.
Кшо въ подсолнечной не препенешъ васъ?
Но не весь еще славы пушь прощли;
Оспашешся вамъ цѣло поприще.
Покорише вы землю Русскую,
Полонише вы Царя Бѣлаго;
Онъ одинъ, одинъ, сопровивникъ намъ!
Славной, Спольной градъ царства Русскаго,
Славной Пешербургъ, бѣлокаменной,

Машь градовъ , Москва злапоглавая ,
Вамъ наградою дивна мужесшва.
Не пригоршнями шамъ , а кучами
Злапо , серебро дѣлишь спанише ;
Ни Лидійскій Царь , древній , славный Крезъ ,
Ни Каспильскихъ силъ вождь безшрешный ,
Не имѣль сполько злаша , серебра ,
Сколько ешь его въ славномъ Пишеръ ,
Сколько ешь его въ каменной Москвѣ !
Ваше все , друзья ! побывайше въ нихъ ;
Чудо новое вашей храбрости
Покажише вы поднебесной всей.“
И воскликнушь всѣ Короли , Князья ,
И воскликнушь всѣ славны Маршалы ,
И воскликнушь всѣ храбры воины :
„Мы явимъ , явимъ чудо храбрости ;
Удивимъ мы всю поднебесную ,
Будемъ въ Пишеръ , въ каменной Москвѣ.

Переходишь онъ Злочешивой Царь
Славному , быспрую Неманъ рѣченьку ,
Переходишь онъ въ чешырехъ мѣсшахъ , (48)
Въ Ковно , Меричѣ и во Юрбургъ ,
И вшупаешъ онъ во предѣлы Царь
Царешва славнаго Всероссійскаго.
Селы , города жечь , палишь велишь ,
Православныхъ всѣхъ съчь , рубишь , казнишь ;
Самъ къ Москвѣ пошоль , а подъ Пешербургъ
Славна Маршала , Удино послалъ. (49)

„Ты, рука моя, рука правая,
Славной, храброй мой Удино, Маршаль!
Онъ речешъ ему при прощаніи,
Съ кѣмъ ни рашоваль ты до сей поры,
Никогда ни кѣмъ побѣжденъ не былъ.
Ты спунай, возми славной Пешербургъ;
Не видалъ врага онъ въ спѣнахъ своихъ;
Ты кичливоспи рогъ сломи ему.
Бей, руби, сѣки Русскихъ варваровъ,
Предавай мечу безъ пощады всѣхъ;
Жги, огнемъ пали селы, города,
Жги, прокладывай пушь широкъ себѣ.
Вѣсшь давай скорѣй мнѣ изъ Писера;
Чшо найдешъ ты въ немъ злаша, серебра,
Все за службу я шебѣ жалую.“

И подходишь онъ Злочеспивой Царь
Къ Вильнь, Польскому граду славному;
Чеспну, радошну встрѣчу дѣлаюшь
Злочеспивому Поляки Царю, (50)
И рекушь ему пакъ безумные:
„Ой, ты гой еси, нашъ избавишель
Онъ несноснаго ига Русскаго!
Долго, долго мы дожидалися
Тебя, мспишель нашъ, Польской Царь земли!
Поклоняемся шебѣ до земли,
Поклоняемся, Государь, ты нашъ!
Мы слуги швои, слуги вѣрные;
Ты помилуй насъ вѣрныхъ слугъ своихъ.“

Имъ въ отвѣтъ речешъ Злочестивой Царь
;Ой, вы гой еси, люди вольные,
Поляки народъ славной храбростью!
День опмищенія насупилъ для васъ,
Даровашъ пришолъ я свободу вамъ.
Вы спупайше бишь со мной варваровъ,
Чшо въ неволѣ злой запомили васъ.
Брань и мщеніе Русскимъ вѣчное!
Брань, плѣненіе, смерть врагамъ вашимъ!
Самъ Небесной Царь, вся надежда ихъ,
Не избавишь ихъ опъ руки моей.
Успунаю я небеса Ему;
Пусшь Онъ царспвуешъ безъ раздѣла тамъ!
Успупи за то мнѣ Онъ землю всю,
Не мѣшай на ней мнѣ Онъ царспвовашъ.“ (51)

И велѣлъ изъ нихъ на подмогу онъ,
Набирашъ скорѣй сильно воинспво,
Воеводою избралъ Маршала,
Славна Маршала Поняповскаго,
Чшо опъ племени былъ ихъ Царскаго.

И приходишь вѣспъ къ Царю Бѣлому,
Вѣспъ нерадошна, а печальная,
Чшо Французской Царь, нечестивой, злой
Жжешъ, огнемъ палишь царспво Русское,
Сѣчь, рубишь велишь вѣрныхъ слугъ его.
Запечалился доброй, Бѣлой Царь,
Запечалился нашъ опецъ родной,
И речешъ онъ шакъ во печали злой:

„По грѣхамъ надъ мной учинилося ;
Согрѣшилъ одинъ я предъ Господомъ ,
Предъ Пречисною Его Машерью !
Шлешь гонцовъ скорѣй во всѣ спороны ,
Во предѣлы всѣ царства Русскаго ,
Пишешь грамоту къ православнымъ всѣмъ : (52)
Ой , вы гой еси , чада милыя
Ополчайшесь , съ Божьей помощью ,
Вы со мной Царемъ , со опцемъ своимъ
На защиту всѣ царства Русскаго.
Недругъ имени Христіанскаго ,
Царь Злочестія (53) и Царь Франціи
Съ мечемъ , пламенемъ въ землю къ намъ вошелъ ;
Селы , города жечь , палишь вельѣль ,
Храмы свѣшлые , знамоглавыя ,
Храмы Божіи разорять дошла ,
Чшобъ на машери , на сырой землѣ ,
Ихъ и признаку не оспалося.
Поплѣнишь хочешь землю Русскую ,
Безъ пощады всѣхъ предаешь мечу.“

Пишешь грамоту къ Русску воинству , (54)
Ой , ты гой еси , храбро воинство ,
Храбро воинство Всероссийское !
Ты посшой , посшой грудью крѣпкою ,
Грудью бѣлою , богатырскою
За Царя Царей , Спаса чуднаго ,
И за Мать Его , за Пречисную ,
И за Царской нашъ , за пресвѣшлой домъ

И за край родной за Свяшную Русь!
Недругъ сильной нашъ, Злочесливой Царь
Рапъ ведешъ съ собой, рапъ несмѣшную;
Царство Русское онъ зоритъ въ конецъ.
Кшо видаль, слыхаль, чшобы врагъ спушилъ
На Россійскую землю, славную?
Докажише вы свѣшу цѣлому,
Чшо вамъ равныхъ нѣшъ въ силѣ, храброси,
Чшобы слѣдъ врага былъ высокъ курганъ;
Онъ повѣдалъ бы вашимъ правнукамъ:
Приходилъ сюда Злочесливой Царь.“

Пишешъ грамошу къ козакамъ Донскимъ: (55)

Ой, вы гой еси, гой, Донцы мои,
Козаки мои вы преславные!
Оспавляйше вы славной, шихой Донъ,
Оспавляйше вы младыхъ дѣшушекъ,
Оспавляйше вы женъ младыхъ своихъ,
Оспавляйше вы спариковъ, опцовъ,
Вы садитесе на лихихъ коней,
Вы сѣдлайше ихъ попроворнѣ,
Врагъ давно вошелъ въ землю Русскую.“

Его царское повелѣнїе

Во единый мигъ исполнялося,
И опъ всѣхъ споронъ сѣша благо
Храбро воинство собиралося,
Храбро воинство Всероссийское,
Ему смешы нѣшъ, чшо цвѣшамъ въ лугахъ.
Призываетъ онъ Православной Царь,

Призываетъ онъ Воеводъ своихъ ,
Вишгеншпенна и Кушурова ,
И речешъ имъ шакъ Православной Царь:
„Ой , вы гой еси , слуги вѣрные ,
Воеводы вы мои храбрые ,
Вишгеншпеннъ - Графъ ! и Кушуровъ - Князь !
Защитайше вы землю Русскую ,
Защитайше вы съ храбымъ воинствомъ ,
Ты , мой Свольной градъ , славной Пешербургъ ,
Ты , градовъ всѣхъ машь , каменну Москву ;
Богъ и я , вашъ Царь , вамъ воздамъ за шо ;
Чешъ и слава вамъ будешъ вѣчная !“

И пошли они въ разны стороны ,
Защиташъ пошли землю Русскую.
Первой встрѣшился славной , храброй Графъ ,
Вишгеншпеннъ - Графъ съ Удино , врагомъ ,
На берегахъ крушыхъ Ници (56) встрѣшился.
Лишь завидѣли орлы Сѣверны
Южныхъ коршуновъ спаю хищную ;
Закишѣли въ нихъ сердца мужесствомъ ,
Загорѣлася брань прежаркая ,
Зашумѣлъ градъ пуль , градъ убійственной ,
Покашимася шуча ядеръ вдругъ ,
Загремѣли вдругъ жерлы мѣдныя ,
Засверкали вдругъ часны молнии ,
Заспонала вдругъ машь , сыра земля ,
Разлилась рѣкой кровь багровая ,
Забѣлѣлися груди бѣлыхъ шѣлъ

Груды бѣлыхъ шель непріятельскихъ.
Три дни, (57) при ночи, славной, храброй Графъ,
Билъ безъ опдыха, сна не знаючи,
Росы маковой не вкушаючи,
Со добра коня не слѣзаючи,
Изъ спремень ногъ не вынимаючи,
До послѣдняго онъ добилъ врага,
На чешвершой бишь ему нѣкого. (58)
Пишешъ грамошу къ Царю Бѣлому:
Ой, шы гой еси, Православной Царь!
Распворяшъ вели храмы Божіи,
Храмы свѣшлые, злапоглавые,
Возсылашъ вели въ нихъ моленіе
Ко Царю Царей, ко Всевышнему,
Чшо помиловаль Онъ швой Спольной градъ,
Чшо помиловаль славной Пешербургъ.
Я въ конецъ побилъ Удино, врага,
Три дни, при ночи, билъ разбойника,
На чешвершой день я побилъ его;
Чушь досшало бишь силы рукъ моихъ,
Царшвуй, Бѣлой Царь, шы со славою!
Царшвуй въ Пишеръ лѣша многія!“

Средь пресвѣшлаго шоржешва сего,
Получаешъ онъ доброй, Бѣлой Царь
Онъ Кушзуова, слуги вѣрнаго,
Получаешъ онъ слезну грамошу:
„Ой, шы гой еси, Православной Царь!
Распворяшъ вели храмы Божіи,

Храмы свѣшлые, злапоглавые,
Возсылашь вели въ нихъ моленіе,
Ко Царю Царей, ко Всевышнему,
Чшобъ помиловалъ землю Русскую,
До конца на насъ не прогнѣвался.
Нечесливой Царь, Царь Французской, злой,
Овладелъ Москвой, нашей машерью, (59)
Овладелъ злодѣй, и зоришь въ конецъ,
Жжешь, огнемъ палишь, храмы Божіи,
Храмы свѣшлые, злапоглавые,
И ругаешься надъ святынею. (60)
Ровно за сно верешь ало зарево
Разливаешься по синю небу,
Разливаешься моремъ огненнымъ.
Тщешно къ воинству я спѣшилъ прибыть;
Во Займиць (61) я получаю вѣшь,
Чшо Смоленскъ спаленъ змѣемъ огненнымъ, (62)
Змѣемъ огненнымъ, Бонапаршомъ злымъ.
И встрѣчаюсь я близъ Можайска съ нимъ; (63)
Не обозришь глазъ раши всей его,
Чшо въ лугахъ цвѣшловъ, шо Французовъ злыхъ.
До восхода шо красна солнышка,
До заката шо ясна мѣсяца,
На зарѣ самой, да на утренняя,
Какъ на машь, сыру землю палъ шуманъ,
Палъ гусшой шуманъ, чшо не взвидишь глазъ,
Загорѣлся огонь жаркой, пушечной. (64)
Сколько бѣлой свѣшь лѣшь, въковъ споишь,

Не сходилоя сполько воинства, (65)

Не лилось сполько крови алыя,

Не бѣлѣлося сполько бѣлыхъ шѣлъ;

Бѣлыхъ въ полѣ шѣлъ непріятельскихъ;

И освѣпишь ихъ солнце красное,

Ужаснешя Царь нечесливой, злой,

И велишь ошбой въ барабаны бишь. (66)

Замолкаешъ ревъ алчныхъ, мѣдныхъ жерлъ,

Замолкаешъ свисшъ, пуль свинцовыхъ свисшъ,

Запахаетъ шумъ сильныхъ воинствъ двухъ,

Запахаетъ онъ на единый мигъ,

Бонапаршъ опяшь насупапъ велишь,

Воекпѣлъ опяшь зельной яростью. (67)

Прорываешъ врагъ рядъ вшорой у насъ, (68)

Прорываешъ онъ и мершвъ падаешъ;

Ровно десяпъ разъ наши хочешъ взяпъ,

Башарен онъ неприсуппныя, (69)

Ровно десяпъ разъ успилаемъ мы

Бородинское поле чистое,

Его шрупами басурманскими.

Во послѣдній разъ въ Рускомъ воинствѣ

Раздалось ура громозвучное;

Оно само брапъ на шпыкахъ пошло,

Башарен брапъ непріятельски;

Дрогнулъ злобной врагъ ошъ шпыковъ его,

И пуспился онъ во послѣдной бѣгъ,

Его шрупами храбра конница

Успилаешъ все поле чистое,

Поле чистое Бородинское.
И завидишь по злочесливой Царь
Во злашу шрубѣ, во подзорную,
И велишь палишь безъ пощады онѣ,
(О злодѣйское сердце, каменно!)
По своимъ палишь храбрымъ воннамъ. (70)
Успремляешся врагъ ояшь на насъ,
Спавишь крѣпку грудь прошивъ ядерь, нуль,
Прошиву шшыковъ и каршечи злой.
Брань кипишь ояшь, брань прежаркая,
Шшыкъ встрѣчаешся со шшыкомъ въ груди.
Сабля съ саблею и съ копьемъ копье;
Пролилась рѣка крови алыя. (71)
(О когдабъ, злодѣй, пошонуль ты въ ней,
Упоилиль бы ты жажду смершную,
Напился бы ты крови досыша!):
Оба воинства сопротивныя
Только шемная разлучаешъ ночь;
Ошсшупаешъ врагъ со шшымомъ ояшь. (72)
Созываю я на совѣшъ къ себѣ, (73)
Созываю я воеводъ швоихъ
Много ихъ легло за шебя, Царя, (74)
И реку имъ шакъ, ой, вы гой еси,
Царя Бѣлаго слуги вѣрныя,
Воеводы вы его храбрыя!
Чесшъ и слава вамъ, слава вѣчная!
Посшояли вы за Россію, машъ,
Грудью крѣпкою посшояли вы.

Не похвалился гордой, люшой врагъ,
Не похвалился, что насъ съ мѣсна збилъ; (75)
Не коварствомъ злымъ, не измѣною,
Одолѣли мы его силою,
Бородинское поле чистое
Завалили мы его шрупами.
Но и нашъ, друзья, нашъ великъ урокъ! (76)
И у насъ много храбрыхъ пало главъ!
Полегли они во чистомъ полѣ,
Какъ подкошены во лугахъ цвѣшы.
Силы свѣжія подошли къ врагу; (77)
Онъ сильнѣе насъ впрое, вчешверо.
Черезъ Оомнское (78), черезъ Звенигородъ,
Онъ идешь прямо къ каменной Москвѣ;
Опдавашъ ли намъ Рускихъ мапъ градовъ?
Намъ безъ бою ли опдавашъ ему;
Или лечь подъ ней, лечь со славою,
Чтобъ онъ въ мапъ нашу, въ каменну Москву,
По шѣламъ вошелъ насъ, дѣшей ея?
И рекушъ мнѣ пакъ Воеводы всѣ:
«Намъ не смершь спрашна, храброй, мудрой Князь!
Умирашъ одинъ, а не два раза,
Гибель намъ спрашна храбра воинства,
Гибель намъ спрашна царства Рускаго;
Мапъ, Москва пуша; не въ спѣнахъ она,
Не съ спѣнахъ она бѣлокаменныхъ;
Предадимъ мы ихъ злобѣ варвара,
Предадимъ мы ихъ мечу, пламени,

Сбережемъ Царю храбро воинство;
Онъ беречь велѣлъ не сокровища,
А дѣшей своихъ, храбрыхъ воиновъ,
Дорожишь велѣлъ каплей крови ихъ.
Пусть онъ намъ велишь рубишь головы,
Что мы опдали снѣжны каменны;
Не расплашился съ нами врагъ за нихъ!
Не расплашился Бонапарть - злодѣй!“ (79)

Опдавалъ Москву я съ совѣща ихъ,
Опдавалъ я, Царь, снѣжны каменны!
Я сберегъ шебъ храбро воинство,
Головой своей ошвѣчаю я
За спасеніе царства Рускаго!“ (80)

Запечалился доброй Бѣлой - Царь,
По Москвѣ, градовъ Рускихъ машери,
Запечалился, и восплакалъ онъ
Предъ Иконою чудотворною,
Предъ Казанскою Богомашерью,
И восплакавши, въ сокрушенъи рекъ:
“Коли грѣшенъ я, Машъ Пречиспая,
Машъ Царя Царей, Спаса чуднаго!
Ты казни за грѣхъ одного меня,
Не казни народъ шы безвинно мой;
Согрѣшилъ одинъ предъ Тобою я!
Какъ подъемлешся къ солнцу ушрению
Благодарна дань ошъ лица земли,
Ошъ луговъ роса, легкой, шонкой паръ;
Такъ возносящся ко Творцу міровъ,

Къ Искупителю человечества
Вздохи тяжкіе покаянія.
Сквозь горящіе искони міры
Внялъ Творецъ мольбу сердца чистаго,
Сердца чистаго, Александрова,
Внялъ и Князю, съ нимъ соименному,
Свейска племени побѣдителю
На волнахъ Невы, дщери Ладоги,
Такъ съ прешола рекъ свѣтоноснаго:
“Волю рцы Мою Царю Бѣлому:
Да дерзаетъ онъ съ Бонапаршомъ въ брань!
Я во брани вождь буду Самъ его,
Распochу предъ нимъ Я враги его,
Покорю ему сопрошивныя,
Сопворю его всѣхъ славнѣй владыкъ;
Онъ угоденъ мнѣ, благъ и крошокъ онъ!
Быспро солнца лучъ сквозь эфиръ печешъ,
Но спокрашъ быспрѣй Новгородской Князь
Передъ Бѣлаго предспаешъ Царя
И повѣдаешъ волю Вышняго,
И вдыхаетъ духъ въ него мужесшва.
Царь, исполнившись духа мужесшва,
Такъ въ душѣ своей рекъ безпрепешной:
“Развѣ съ жизнью, Бонапаршъ, злодѣй,
Ты сорвешъ вѣнецъ съ головы моей!
Лучше въ Азіи вольнымъ бышь Царемъ,
Чѣмъ невольникомъ на брегахъ Невы. (81)
Съ Божьей помощью въ брань иду съ шобой!

Ты зачинщикъ былъ кровопролитію,
Ты въ предѣлы вшелъ царства Рускаго,
Ты спалилъ огнемъ каменну Москву.
Будь Небесный Царь, Судія Ты нашъ!
На Тебя Творца я надѣюся!
Ты одинъ мое упованіе!
Ты въ Тильзитѣ былъ нашихъ зритель кляшвъ,
Наши вѣдалъ Ты помышленія,
Кпо другому зло умышлялъ изъ насъ,
И кпо искренно клялся другомъ бышь.“

О Москва, Москва бѣлокаменна!

О Царица, мать, златоголовая!
Гдѣ краса швоихъ свѣшлыхъ шеремовъ!
Гдѣ предивная льпоша храмовъ?
Согрѣшила ты передъ Господомъ;
Онъ казнишь шебя мечемъ, пламенемъ.
Обезглавлены златоголовые,
Мать градовъ, швои храмы свѣшлые,
И поруганы (о безбожіе!)
Не Ташариномъ, Корсиканцомъ злымъ!
Терема швои златоверхіе,
Какъ осенія ночь, почернѣли всѣ,
И посыпанъ швои пепломъ славной Кремль;
Его древнія башни, гордыя
Ницъ повержены, съ землей сравнены. (82)
Ахъ, узнаешь кпо Рускихъ мать градовъ!
Надъ главою ея море огненно
Слишкомъ за спо вершъ разливается, (83)

Съ шумомъ въ воздухъ бьютъ волны пламенны. (84)

И увидяшь шо Руски войны, (85)

И прольютъ они рѣки слезныя, (86)

И рекушь они такъ Купузову:

Ой, шы гой еси, храброй, мудрой Князь!

Лучше бѣ пали мы подъ Москвою всѣ,

Пали всѣ въ виду нашей машери,

Чѣмъ бы видѣли какъ горитъ она,

Какъ пылаютъ въ ней храмы Божіи,

Храмы свѣщмые, злапоглавые,

Какъ взрывающа башни крѣпкія,

Разрушающа спѣны швердыя.

Попушишь дозволю море огненно

Непріятельской кровью алою!

И речешъ имъ такъ храброй, мудрой Князь:

Ой, вы гой еси, дѣши мизья!

Самому мнѣ жаль нашей машери,

Сердце кровію обливаешся,

Какъ взгляну на машь, каменну Москву.

Но послушайше, дѣши, вы меня!

Погодише вы время малое,

Удержише вы сердце рьяное,

Къ намъ союзница наша вѣрная,

Къ намъ зима лиха идешъ на помочь.

Гдѣ дохнешъ она, по колѣно снѣгъ,

Спуницъ на землю, мерзнешъ машь - земля,

Спуницъ на воду, спынешъ машь - вода,

Ледяной корой покрываешся.

Всѣ пріятели лишь до чорна дня,
Всѣ измѣнщики други спали намъ,
Не измѣнщица лишь зима одна;
Съ нею бишь пойдѣмъ Корсиканца мы.
Не уйдешь опъ насъ злобною, люшою врагъ,
Не уйдешь опъ насъ Бонапаршь - злодѣй;
Онъ поплашился съ нами дорого
За родную машь, каменну Москву!“

И спалилъ злодѣй каменну Москву, (87)
И взалкалъ злодѣй, какъ голодной волкъ,
Чпо попался самъ въ сѣшь разспавленну.
Зришь опъсюду онъ, злочеспивой Царь
Люшу, скору смершь, неизбѣжную, (88)
Шлешъ къ Кушувову Лориспона опъ, (89)
И возговоришь Лориспона - злодѣй
(Злѣйшій леспи ядъ на успахъ его):
“Ой, шы гой еси, гой, Кушувовъ - Князь!
Кпо славнѣй шебя? кпо премудрѣе?
Самъ призналъ шебя шаковымъ нашъ Царь.
Долго ль, вождь Славянъ, намъ врагами бышь,
Долго ль храбрыхъ кровь намъ рѣкою лишь,
Кровь безцѣнную, Хрисціанскую?
Лучше бишь пойдѣмъ Турковъ - варваровъ,
Изъ Европы гнашь ихъ поможемъ вамъ.
Брапомъ, другомъ бышь и Союзникомъ!
Мой клянешся Царь швоему Царю;
Други, недруги будущъ общіе;
Вошь рука его, рука Царская!“

И речешъ ему храброй, мудрой Князь:

“Ой, пы гой еси, гой, лукавой змѣй!

Ты обманешъ ли шарика меня,

Въ бранныхъ хищросяхъ посѣдѣвшаго?

Кабы вѣровалъ во Христа швой Царь,

Не зорилъ бы онъ храмы Божіи,

Храмы свѣшлые, злапоглавые;

Турковъ злѣе онъ, нечесливѣе.

Расплашисъ за машь, каменну Москву,

Расплашисъ сперва дорогой цѣной,

Унеси сперва онъ разбойничью,

Ашаманскую свою голову,

И попомъ спупай бишь невѣрныхъ онъ.

Но невѣрнѣе ешь ли кшо его!

Удивилъ онъ свѣшъ вѣроломшвомъ злымъ,

Удивилъ неразъ онъ неслыханнымъ.

Царь Гишпаніи, его вѣрной другъ,

(О измѣна! злоспъ!) у него въ плѣну,

Землю всю его попопилъ въ крови;

Чѣмъ за дружбу онъ неизмѣнную

Заплашилъ злодѣй Царю нашему!

Онъ кинжалъ вонзилъ въ сердце самое,

Сжогъ до - шла Москву Рускихъ машь градовъ,

Но Разбойникъ, шашъ слово держишь ли?

Онъ Европу всю разорилъ въ конецъ,

Разорилъ свою землю, Францію.

Но не весь ему вѣкъ разбойничашъ,

Скоро можешъ бышь часъ пробьешъ его.

Надъ Царями здѣсь, шамъ ешь Вышній Царь,
Помощь сильная дѣлу правому!
Пущь Судей нашимъ будешь Онъ одинъ,
Разберешь кшо правъ, виновашъ изъ насъ,
Кшо зачинщикъ былъ кровопилю,
Взыщешь Онъ съ шого неповинныхъ кровь.“

И задумалъ онъ, злочеспивой Царь,
И задумалъ онъ изъ Москвы бѣжашъ, (80)
Тошно спало жишь въ каменной ему,
Помянулъ Парижъ, доброй городъ свой;
Тамъ онъ кушалъ все яспвы сахарны,
Здѣсь онъ кушаетъ сухари сухи,
Да и пѣ гнилы, размоча въ водѣ,
Да и пѣ съ бою доспавашъ пришлось,
Да и пѣхъ кусашъ ему нечего.
На разбой кого ни пошлешь злодѣй,
Николи, никшо не ворошишя,
Въ землю всѣ кладушь буйны головы.
Мрешъ разбойникъ онъ смершью гладною,
Всѣхъ воронъ, сорокъ переѣлъ въ Москвѣ,
Падалъ всякую принялся онъ жрашъ, (91)
Не похожъ совсѣмъ на живаго спалъ,
Блѣдень, шощъ, какъ спѣшь, чушь шашается.

И послалъ онъ Царь съ часшью воиншва,
Неапольскаго Короля Мюра
Взяшъ Калугу градъ, взяшъ, огнемъ спалишъ,
Славной Тулу-градъ разорилъ дошла.
И вспрѣчаешя подъ Тарушинымъ (92)

(Рано было то, на зарь самой,
Бенигсень - герой съ шапемъ Мюрою; (93)
И завидьль лишь Бенигсень его,
Принялся врага безъ пощады бишь.
Не ясець соколь прибилъ ворона,
Пролилъ кровь его по сыру дубу,
Ощипалъ ему крылья черныя,
Размешалъ перья по чисту полю,
И развѣялъ пухъ по поднебеси;
Бенигсень прибилъ Короля, Мюра, (94)
Его воинство онъ развѣялъ все,
Его пролилъ кровь онъ поганую.
И услышишь шо злочесливой Царь,
И речешъ въ сердцахъ онъ безумной шакъ :
„Щасья нѣшь слугамъ - Королямъ моимъ!
Щасья нѣшь моимъ славнымъ Маршаламъ!
Щасье мнѣ, Царю одному лишь ешь.“

Не грачей спадю подымалоя
Съ главъ зланныхъ Москвы бѣлокаменной,
Подымался шо злочесливой Царь
Изъ сердечушка царства Рускаго,
Изъ сердечушка каменной Москвы
Изъ Кремля, Кремля, крѣпка города,
Подымался онъ съ своимъ воинствомъ,
И пышался самъ онъ, змѣй огненный,
Разъ еще одинъ сжечь Калуту градъ,
Славной Тулу градъ разорить дошла.

Но обманешь ли ты, лукавой змѣй,
Ты обманешь ли Князя мудраго? (95)

Близъ Калуги градъ Ярославецъ есмь,
На зарѣ самой, да на ушренней,
Подходилъ къ нему храброй Докшоровъ,
Находилъ онъ въ немъ злыхъ Французишковъ,
Выбивалъ онъ ихъ вонъ изъ города,
Ихъ часъ ошъ часу накоплялося,
Рускихъ шакже силъ прибавлялося.
И сходилися не грозны шучи,
Два сходилися храбры воиншва
Ошъ пальбы дрогнешъ машъ, сыра земля,
Не видашь спало свѣша бѣлаго.
Ровно восемь разъ злочешивой Царь
Ошнималъ у насъ Ярославецъ-градъ;
Ровно восемь разъ его брали мы
Грудью бѣлою богашырскою,
Вышѣняли вонъ на шшыкахъ врага,
Его шпруцами мы поганымн
Завалили всѣ градеки улицы,
Пошопили ихъ во крови его,
Ночь была ему лишь спасеніемъ,
И крушы брега Лужи шихія.

И пушился онъ злочешивой Царь,
И пушился онъ изъ всѣхъ силъ бѣжашъ,
На Можайскъ ошашъ, черезъ Верею. (96)
Развѣ вы его, скоры поженъки,
Развѣ вы его унесеше вонъ

Изъ чужой земли, изъ свяшой Руси!
А то въ ней пришлось покидашь ему
Ашаманскую, буйну голову.
Не за коршуномъ, за разбойникомъ,
День и ночь лешяшь ясны соколы
За разбойникомъ, Коренканцомъ злымъ,
День и ночь лешяшь Иловайскіе,
Славной Плашовъ Графъ, Голова Донской,
Храброй Графъ Орловъ, Милорадовичъ,
День и ночь лешяшь, сна не знаючи,
Росы маковой не вкушаючи,
Со добра коня не слезаючи,
Изъ спремень ногъ не вынимаючи,
Бьюшь подь Колоцкимъ (97) бьюшь подь Вязмою, (98)
По дорогъ всей, по Смоленской бьюшь,
Доспаешъ чупь силь имъ безъ драки бишь.
Груды спрашныя навалили шель,
Груды бѣлыхъ шель непріятельскихъ,
Чшо проѣзда имъ по дорогъ нѣшь,
По раздолью нѣшь, по широкому,
Неоглядкою врагъ лешяшь ошь нихъ,
Бѣлой день лешяшь, темну ночь лешяшь,
Все бросашь велишь онъ для легосши,
Жерлы мѣдныя зарывашъ, шопишь,
Съ зельемъ ящики въ мелки часши рвашъ. (99)
Не орель, Царь пшиць, Царь державный пшиць,
Пропадалъ изъ глазъ хищна коршуна,
Облешалъ его, и до смерши билъ,

То Кушуровъ Князь храброй, мудрой Князь,
Пропадалъ изъ глазъ Бонапарша вдругъ,
Обходилъ его, (100) и до смерти билъ.
Ну, плашисъ, злодѣй за Москву шеперь
Головой плашисъ, а не золошомъ,
Намъ не надобно воровской казны,
Намъ не надобно злаша, серебра,
Чшо шашающисъ по бѣлу свѣшу
Съ шайкой кашоржныхъ, шашъ, награбилъ шы!“
Намъ разбойничья, ашаманская
Голова швоя шолько надобна,
Ошъ нея одной весь сыръ боръ горисъ.
Ровно за пяшъ вершъ ошо Краснаго,
Сшановилсѣ Князь съ Рускимъ воиншвомъ,
Сшановилсѣ шашры бѣлые,
Шашры бѣлые, полошняные.
И подходисъ онъ злочешивой Царь,
Ко прешлавному граду Красному,
И завидисъ онъ шашры бѣлые,
Шашры бѣлые, полошняные,
И воскликнешъ онъ къ своимъ воиншамъ:
Ой, вы гой еси, храбры воинш!
Изгошовшесея данъ ошпоръ врагу,
Не далече онъ, передъ вами ошъ,
Грудью крѣпкою прочищайше пушъ,
Намъ спасенья нѣшъ! побѣдисъ иль пасшъ!“
И сходилисѣ не грозны шучи,
Два сходилисѣ храбры воиншшва,

И померкнуло солнце красное,
Дымъ сполпомъ взвился къ небу огненнымъ,
Дрогнешь на спо верспь мапъ, сыра земля.
Но не долго врагъ прошивъ насъ спояль,
Прошивъ ядеръ, пуль и каршечи злой;
Въ Рускомъ воинствѣ раздалось ура,
На шпыкахъ оно пробивашь пошло,
Спѣну крѣпкую, бѣлокаменну,
Крѣпку, бѣлу грудь непріашельску.
Пала крѣпкая, каменна спѣна,
Паль злодѣй-Даву съ своимъ корпусомъ,
Не горючь камень, бѣль разсыпался,
Корпусъ шо Даву кровожаднаго
Врозь разсыпался по болошамъ, мхамъ,
По шемнымъ лѣсамъ, по крушымъ горамъ.

Не шемна шуча изъ за синихъ горъ,
Показался Ней съ своимъ корпусомъ;
Опоздалъ, злодѣй, другу на помощь!
Опоздалъ, Даву шягу даль давно;
Онъ давно избишь, и изранень весь.
И шебъ, злодѣй, шакже бишу бышь,
Выпивашь до дна чашу смершную!
И слешалися пшицы хищныя,
Младъ ясенъ соколь съ воромъ ясребомъ;
И сходился Графъ Милорадовичъ,
Славной, храброй Графъ, съ Неемъ Маршаломъ,
Подпускаешь онъ на каршечь къ себѣ,
Подпускаешь онъ Ней, хищника,

И велишь палишь сорока пушкамъ.
Не спѣна крѣпка, бѣлокаменна,
Зашапалася, и разсыпалася,
Зашапался Ней и разсыпался
Во всѣ спороны, по болошамъ, мхамъ,
По темнымъ лѣсамъ, по крупнымъ горамъ.
Но не думай ты, врагъ, злодѣй, Французъ!
Но не думай ты, что ушелъ совсѣмъ;
Перейди рѣку ты Березицу,
Зла разбойника, хищна коршуна
Дожидающа шамъ два сокола,
Дожидающа Бонапарша шамъ
Вишгеншпеннъ Графъ, Чичаговъ давно.
Ясу соколу Вишгеншпенну
Бить не въ первой разъ спашо коршуновъ,
Бить разбойниковъ, бить Французовъ злыхъ.

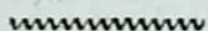
Какъ предъ смерщию воешь гладной волкъ,
При Борисовъ, предъ Березиной (101)
Такъ завылъ злодѣй Бонапаршъ лихой,
Впереди себя Чичагова зришь,
Съ Головой Донскимъ, съ храбрымъ Плашовымъ;
Позади себя Вишгеншпенна
Бурной вихоръ онъ съ боку дуль ему,
Созываетъ онъ злочесливой Царь,
Созываетъ онъ славныхъ Маршаловъ,
Созываетъ онъ храбрыхъ воиновъ;
Босы всѣ они, наги, голодны,
Ихъ онъ холода лихорадка бѣшь.

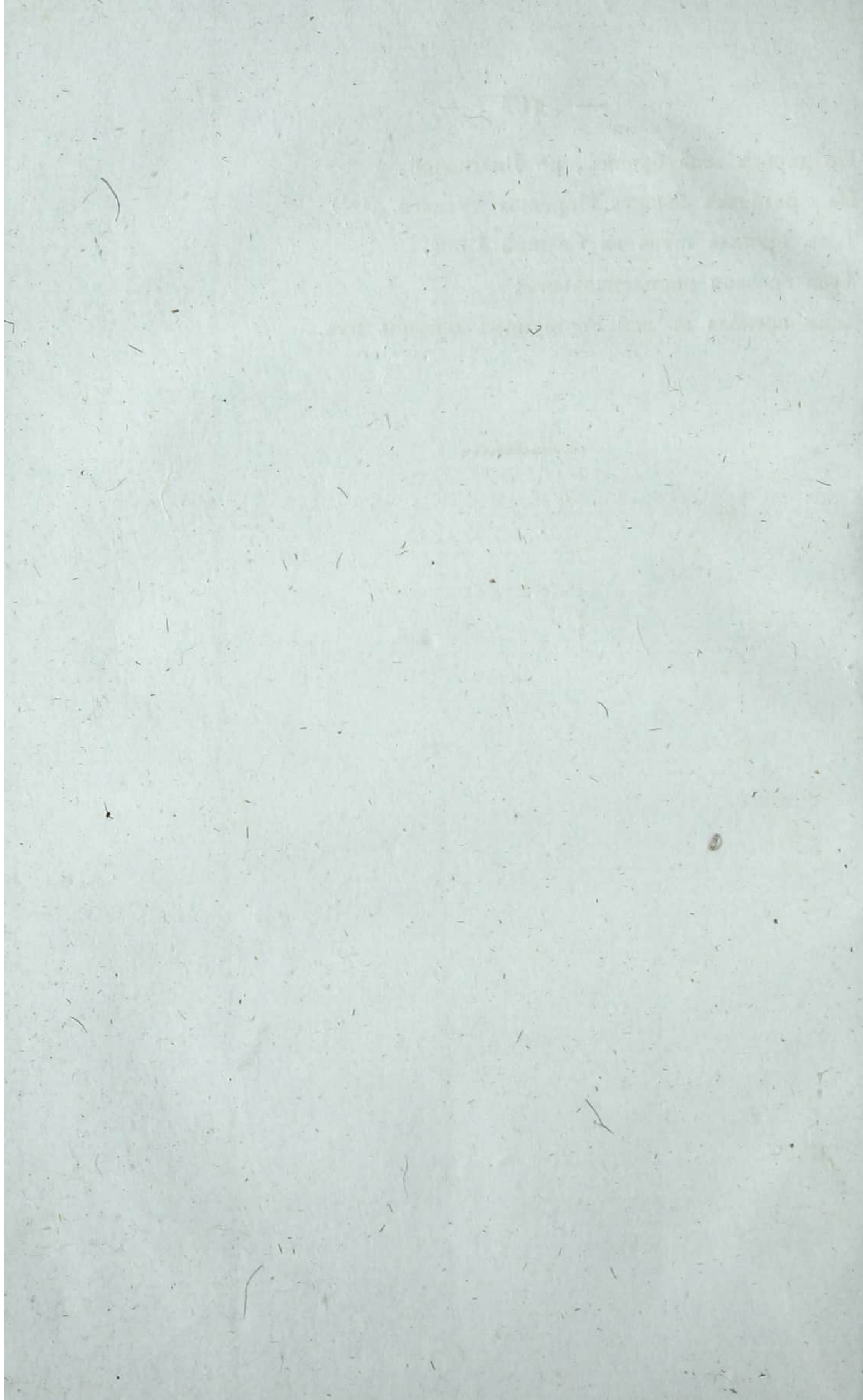
Какъ осеннее солнце, хладное,
Сквозь шумашь на лѣсъ, на сырѣ борѣ глядѣ
Сквозь густоѣ шуманѣ окомя пасмурнымѣ,
Такъ онѣ пасмурно посмошрѣль на нихѣ,
Сквозь кручину имѣ слово молвилѣ шакѣ:
“Ой, вы гой еси, славны Маршалы!
Ой, вы гой еси, храбры воины.
Соподвижники мои вѣрные!
Съ вами друзьями, съ вами брашьями,
Не дѣлилѣ чего я до сей поры?
Злашо, серебро, славу, чеспѣ дѣлилѣ,
Раздѣлише смершѣ вы со мной шеперь.
Красны дни прошли, черной день насшалѣ;
Врагѣ нашѣ Бѣлой Царѣ обшупилѣ кругомѣ;
Намѣ спасенья нѣшѣ! умирашѣ пришлось!
Въ силѣ, храбросши лишѣ спасеніе,
Ты, рука моя! рука правая!
Ты, Беллуно, Клязь, славной Маршалѣ мой!
Графа бишѣ спупай Вишгеншшениа.
Ты, копьѣ мое неизмѣнное!
Ты, Домбровской, вождѣ Польскихѣ силѣ моихѣ,
Спрашныхѣ храбросшью, не числомѣ своимѣ!
Поражай, гони Чичагова шы.“

Не младые два ясны сокола
Подымалися выше облаковѣ,
Опускалися внизѣ скорѣй спрѣлы.
Во зловѣщую снаю вороновѣ,
Ошибали имѣ крылья черныя,

Пухъ пускали ихъ поподнебеси,
Насыщались мясомъ чорнымъ ихъ,
Напивались алой крови ихъ,
И купались въ ней цѣлой Божій день
Воеводы два Всероссійскіе,
Чичаговъ, гроза непріятеля,
Вишгеншпеннъ Графъ, Пешпрограда щипъ,
Цѣлой Божій день лили кровь рѣкой.
Не вода шекла во Березинъ,
И не дымъ валилъ ошъ пожарища,
Ала кровь шекла непріятельска,
Паръ сполномъ валилъ; шеплой паръ гуспой,
Ошъ побитыхъ шѣлъ непріятельскихъ
Чшо померкнуло солнце красное,
И зашмился свѣшъ ясна мѣсяца.
Полешѣлъ опяшъ Корсиканской вранъ,
Погнались опяшъ Руски соколы;
Чушъ онъ дышешъ вранъ ошъ ударовъ ихъ,
На себъ несешъ онъ ихъ соколовъ,
Только пухъ лепишъ поподнебеси,
Перья по полю, по широкому.
Ошъ Березины вплоть до Немана
Облишъ пушъ его черной кровію,
И усѣянъ пушъ весь коспьми его.
Ясны соколы Вишгеншпеннъ Графъ,
Чаплиць, Плашовъ Графъ, Чичаховъ, Ланской,
Врана хищнаго, Корсиканца бьюшъ;
Въ Плещеницахъ (102) бьюшъ, въ Молодечнъ (105) бьюшъ,

По дорогѣ всей бьющъ, по Виленской,
На предѣлахъ бьющъ Царства Рускаго. (104)
Такъ прошла туча во Святой Руси,
Туча грозная иноплеменныхъ;
Такъ погибла въ ней съ шумомъ память ихъ.

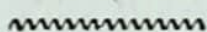
ДРЕВНІЯ СЛАВЕНСКІЯ ПѢСНОТВОРЕНІЯ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

ПѢСНЬ ВОИНСТВУ ИГОРЕВУ.

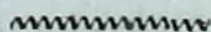
THE NATIONAL ARCHIVES

ИЗЪЯСНЕНІЕ ДРЕВНИХЪ СЛОВЪ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ ПѢСНИ ВОИНСТВУ ИГОРЕВУ.

Аркучи (соспавлено изъ союза а, и дѣепричастія рекучи), причипая, приговаривая. — Бебряной, бобровой. — Болого, благо, добро. — Болонье, проспранспиво между двумя валами, копорыми погда обыкновенно укрѣпляли города. — Буеспь, храбрось. — Буій, буй, храброй. — Быль, былина, собышіе, случай. — Вежа, шелѣга. — Вышпоргнушь, испоргнушь. — Вѣщій, мудрый, хипрый, предвѣщающій. — Галица, галка. — Гоголь, родъ ушки. — Гридница, Дворецъ, шеремъ Княжеской. — Дивъ, филинь. — Доспѣшь, поспѣшь. — Зегзица, кукушка. — Камо, куда. — Каяшь, хаяшь, порицашь. — Клекшь, ппичей крикъ. — Кмѣшь, всадникъ, конный. — Кнѣсь, машица, балка. — Ковыль, родъ степной шравы. — Крамола, вражда. — Кресишь, воскресишь. — Курь, пѣшухъ. — Лада, мужъ, жена. — Лука, излучина, кривизна. — Мыкашь, мчашь. — Ногапа, Рѣзань, мѣлкія кожаныя деньги, въ спарину ходячія. — Опній,

ошцовскій. — Паволока, шпофъ, парча. — Паполома, попона, покровъ. — Папорзы, верхняя часть брони. — Пардужій, Леопардовъ. — Полкъ, воинство. — Поскепаши, изщепашь, изрубись. — Пошручашися, грѣмѣшь, ударяшся. — Припѣшашь, сдѣлашь пѣшимъ, обрубись. — Привесши на судъ (подразумѣвается Божій), доведши до гроба, прекрашишь жизнь. — Пушы, пушины, все, чѣмъ вяжущь. — Рашай, земледѣлецъ. — Рокошашь, гласишь, звучашь. — Словушый, словушичь, знаменишый. — Споль, пресполь. — Спремень, спремя. — Сприкусы, родъ сѣнобишнаго орудія. — Спружіе, родъ древняго оружія. — Ссягъ, древко. — Сулица, родъ копья. — Текпъ, долбленье. — Токъ, ладонь, гумно. — Тросшіе, просшникъ. — Туга, печаль, скорбь. — Туръ, зубрь, родъ дикаго быка. — Буй. — Туръ, яръ-шуръ (въ менаф. см.) герой, богатырь. — Узорочье, нарядъ, уборъ. — Харалугъ, булашь. — Харалужный, булашный. — Ходъ, походъ, война. — Чернядь, родъ ушки. — Чолка, знамя. — Шеломя, висоша, возвышеніе. — Шерешеры, родъ самоспрѣльныхъ большихъ луковъ или праща. — Щекошашь, воспѣвашь. — Щекошъ, пѣніе. — Яругъ, оврагъ.

ПРЕДЪУВЪДОМЛЕНІЕ.

На случай, если, паче чаянія, слово о полку Игоревомъ (рѣчь о переводѣ, а не о подлинникѣ, о кошоромъ нѣшь никакого сомнѣнія) дойдешь до попомсшва, сохранимь о немъ приговоръ, произнесенный однимъ изъ липерашурныхъ Ефемеровъ XIX столѣшя (Сынъ Опечешва, ч. LXXXIII, стр. 329): „По нашему мнѣнію книга сія (изданное мною особо слово о полку Игоревомъ) ничего бы не пошеряла, ешьлибь спихи сіи не были въ ней помѣщены., „Однимъ словомъ, чшо они ни куда не годяшся; довольно ли сказано? Нѣшь: „вообще должно сказать, чшо въ книгѣ сей много хорошаго, и чшо Г. Грамашинъ изданіемъ ея въ свѣшь заслужилъ признашельность любипелей опечешвенной поэзіи; онъ заслужилъ бы сію признашельность гораздо болѣе, ешьлибь въ книгѣ его была одна шолько проза.“ Спрашиваю: какъ могло уменьшиться достоинство прозы ошь шого шолько, чшо къ ней приложенъ дурной переводъ спихами?

Говорить о достоинствѣ своемъ конечно не позволено никому; (развѣ шолько Римскому или Русскому Горацію и шо въ минушы вдохновенія); но въ защищеніе свое сказать позволено всякому. И шакъ скажу, но не передъ мнимымъ рецензен-

помъ, а передъ попомшвомъ, (разумѣеся, ешьли до него дойду), что ешьли я когда-либо чувшвовалъ истинное вдохновеніе, то ешо переводя слово о полку Игоревомъ. Слова и выраженія древнія упошребилъ я именно для шого, чтошбъ придашь переводу своему ешошъ яркой колоритшъ древности, кошорымъ блесшишъ подлинникъ. Согласенъ, что колоритшъ сей не всякому понравишся, но я и переводилъ, вѣрояшно, для весьма немногихъ любишелей и знашюковъ древности, кошорые поймушъ меня, и ошдадушъ мнѣ полную справедливосшъ. Ешьлибъ упошребилъ я древнія слова и выраженія, самъ не понимая ихъ, шогдабъ ешо было педаншшво; но когда я упошребилъ, сдѣлавъ ихъ ясными и вразумишельными для всякаго, шогда древносшъ ихъ, опяшъ повшоряю, для любишелей и знашюковъ древности совершенно исчезаешъ; они дышушъ воздухомъ ея и чишаюшъ современное произшесшвію спихошвореніе: шакъ по крайней мѣрѣ я мыслилъ, переводя одинъ изъ памяшниковъ первобышной поэзіи. Безъ сомнѣнія языкъ, упошребленной мною въ переводѣ, не совсѣмъ обыкновенный, подходящій сколько можно ближе къ языку подлинника, и упошребляшъ его въ другомъ спихошвореніи я самъ бы не осмѣлился, или не могъ; эшо были бы шарыя, хошя и дорогія, заплашы на новомъ плашѣ.

~~~~~

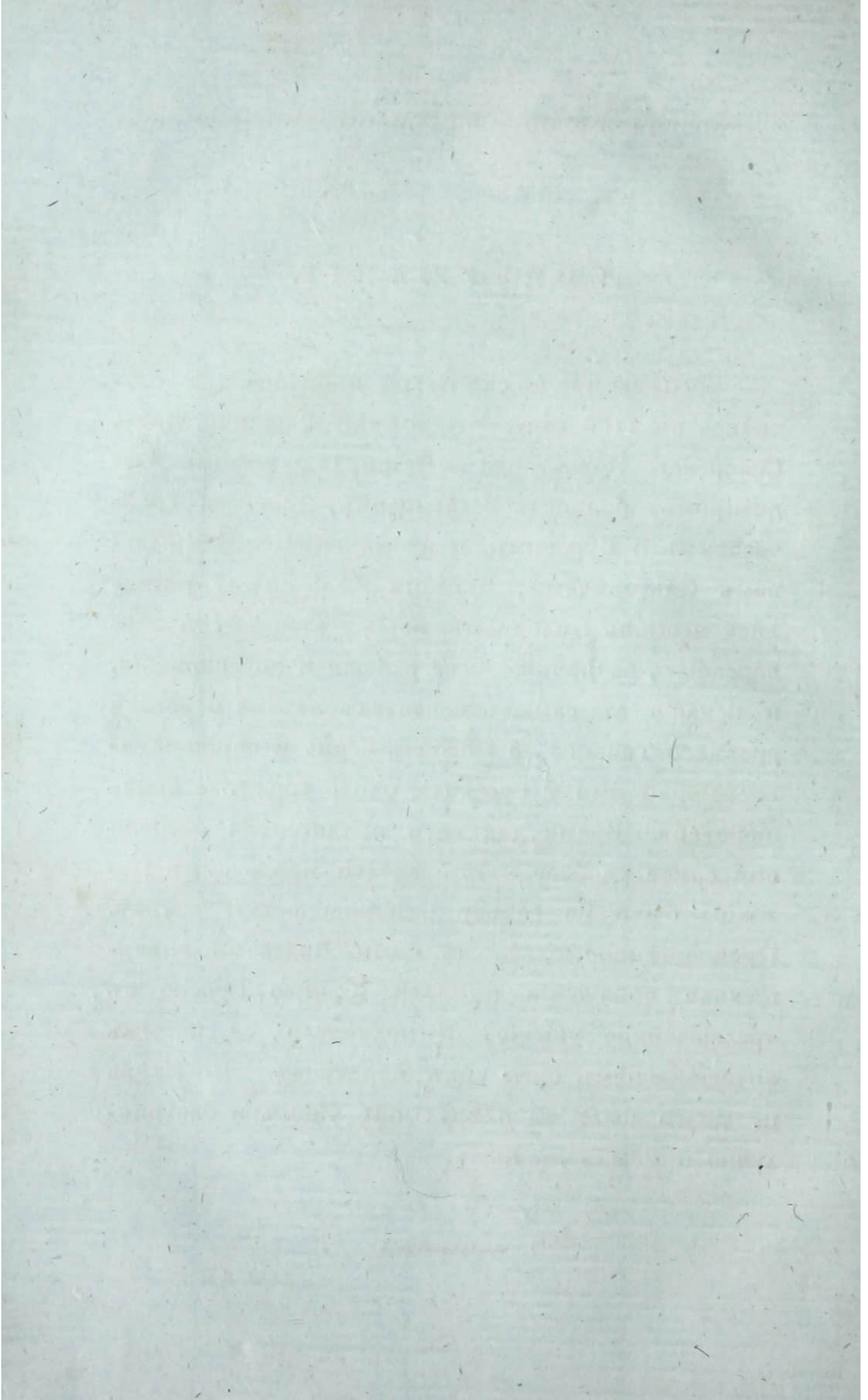

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Воспѣваемое въ сей поэмѣ происшествіе случилось въ 1185 году. Игорь Свяшославличъ, Князь Северскаго Новагорода и Пушिवля съ сыномъ Владиміромъ, брашомъ Всеволодомъ, Княземъ Трубчевскимъ и Курскимъ, и племянникомъ Свяшославомъ Ольговичемъ, Княземъ Рыльскимъ, рѣшились мстишь Половцамъ, народу хищному и варварскому, за вѣчныя ихъ грабежи и опусшошенія, и искашь въ самыхъ кочевьяхъ ихъ на берегахъ древняго Танаиса, а можешъ бышь и опняпъ завоеванный ими у Русскихъ около 1094 года Тьмушороканъ. Время для сего предпріяшя избрали они самое удобное. Не задолго предъ симъ Половцы были на голову разбишы опъ Русскихъ. Прешерпѣнное однакожь сими Князьями совершенное пораженіе привели Южную Россію въ чрезвычайное уныніе, и подвергли ее новымъ опусшошеніямъ опъ сихъ варваровъ. Но Игорь не долго былъ въ плѣну; онъ ушоль и благополучно прибылъ въ Кіевъ.

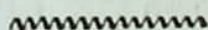

ГОСУДАРЫНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ
ЕЛИСАВЕТЪ АЛЕКСЪЕВНЪ.

Прекрасныхъ и нѣжныхъ женъ
Хвала, образецъ и чеснь,
Ц а р и ц а сіяющая
Небесною крошосью,
Влекуща сердца къ себѣ!
Ты любишь языкъ Славянъ
Плѣняешься звуками
Его сладкогласными;
Ко гласу склони Свой слухъ
Злапыхъ спрунь, но ржавою
Изъѣденныхъ древносью.
Та ржавчина счищена,

И золото яркое,
Какъ солнце въ дни жаркіе,
Сіяешь, горишь красой,
И спруны, въ кошорыхъ жизнь,
Какъ древле Бояновы
Рокочушь: “Тобой лишь онъ
И звучень и сладоспень!”
Такъ, спруны, въ кошорыхъ жизнь,
Въ душахъ опзовешесь вы
Грядущаго племени,
Рекушь восхищенные.
“Къ нему слухъ склоняла Свой,
Ц а р и ц а , сіявшая
Небесною крошоспью,
Сердца всѣхъ привлекающая.”

ПѢСНЬ ВОИНСТВУ ИГОРЕВУ.

*A tale of the times of old, the deeds of
days of other year.*

*Рѣчь первыхъ временъ, былины дней дру-
гихъ лѣтъ.*

Ossian.

Не воспѣши ли, любезны, милы брашнѣ,
Мѣрой древней заунывной не воспѣши ли
О походѣ на Половцовъ Князя, Игоря,
О походѣ неудачномъ Свяшославлѣча?
Повѣспь, жалосни доспойная и вѣчныхъ слезъ.
А почнемъ мы по былинамъ сего времени,
Не по замыслу Бояна пѣснь почнемъ свою.
Пѣснь когда хошѣлъ шворѣши сладку пѣснь Бояшъ
Онъ по древу распекался смѣлой мыслию,
Онъ голоднымъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по земли,

Зоркимъ, сизымъ онъ орломъ парилъ подь облаки,
Помнилъ рѣчь времянь минувшихъ, и пускалъ шогда
Десяшь соколовъ на спадо лебединое.

Дошекалъ копорый соколъ, младъ ясенъ соколъ,
Ту и пѣль онъ прежде пѣсню: либо спарому
Ярославу, намъ законы мудры давшему;
Либо храброму Мспиславу, поразившему
Предъ Касожескими полки Редедю сильнаго;
Либо красному Роману Свяшославичу.

А внукъ Велесовъ не десяшь ясныхъ соколовъ
Напускалъ на бѣло спадо лебединое;
На живы спруны онъ вѣщи перешы вскладываль,
Спруны сами рокошали похвалу Князьямъ.

А почнемъ мы пѣснь онъ спараго Владиміра,
Пѣснь объ Игорѣ, о храбромъ Свяшославичѣ,
Чшо полки навель на землю Половецкую
За обиду и за раны земли Рускія,
Духа рашнаго исполнившись навель онъ ихъ,
Успремилъ свои все мысли онъ на подвигъ сей.
Игорь, Князь шогда возрѣлъ на солнце свѣшное;
Прикрывало оно шьмою все полки его.
“О дружина моя храбрая, рекъ Игорь Князь,
Лучше всемъ не бышь живымъ намъ, чѣмъ полоненымъ!
Мы на борзы кони всядемъ, позримъ Дону мы.“
Захошѣлъ ошвѣдашь Игорь Дону синяго,
Пренебрегъ онъ онъ решива сердца знаменье.
“Преломишь копые хочу я, рекъ дружинѣ онъ,
По конецъ, хочу я, поля Половецкаго;

Приложу свою главу я съ вами, братіе,
Либо шлемомъ изопью я Дону синяго! “
О Боянь! о соловей минуша времени!
Соловьемъ ты щекошалъ буйшуровъ подвиги,
Ты подъ облаки парилъ воображеніемъ.
*(Не дошелъ до позднихъ внуковъ ты божественный,
Время стерло твои пѣсни съ хартій древности;
Но ты дышишь въ пѣсни звукой войску Игоря,
И мы внемлемъ рокотанье струнъ живыхъ твоихъ;*
Пѣши Игорю шебъ бы сладку, звучну пѣснь,
Какъ воспѣлъ ты мрачны были спарины съдой,
По дорогѣ волкомъ рыская Траяновой. (106)
Черезъ доли занесла не буря соколы,
Къ Дону жъ синему бѣжашъ спадями галицы,
(Вспѣшь шебъ было, Бояне, внуче Велесовъ!)
Ржущъ и попадающъ за Сулой кони борзые,
О походѣ слава въ Кіевѣ давно звенишь,
Трубы шрубящъ въ Новѣградѣ по воинскому,
Во Пушывлѣ же знамена развѣвающся;
Мила брата, Всеволода Игорь два дни ждешъ.
И речешъ ему, буйшуру Всеволодъ, ярь шуръ:
“ У меня единъ ты, брата, свѣшлый свѣшь единъ!
Только двое насъ съ побою Свяшославичей.
Кони борзые сѣдай скорѣ, Игорю,
А мои споящъ у Курска ужъ осѣдланы!
А мои Куряне, кмети храбры, свѣдомы;
Подъ военными шрубамы они повишы,
Подъ желѣзными шеломы возлелѣяны,

Съ жеспка, оспра харалуга копій вскормлены;
Къ Дону синему пупи, яруги знаемы.
Лукъ нашянушь у буйпуровъ завсегда пугой;
Тулъ опворень, полный вѣчно смертоносныхъ стрѣль,
Сабля длинная, каленая изоспрена;
Сами скачущь, какъ голодны волки, сѣрые,
Ищущь въ полѣ Князю славы, похвалы себѣ.“
Игорь Князь тогда всшупаешъ во злшый спременъ,
На конѣ онъ борзомъ ѣдешъ по чиспу полю,
Солнце шьмою засшупаешъ Князю къ славѣ пущь.
Сшонешъ шемна ночь грозой ему, и будишь пшиць;
Воющь звѣри, чу спадами воющь цѣлыми;
Сверьху древа грозно кличешъ дивъ, зловѣщій дивъ;
Онъ велишь земли послушаши незнаемой,
Волгъ, Суражу, Корсуню, и Поморію,
И тебѣ, Тьмушороканскій испуканъ глухій!
А Половцы правяшь къ Дону пущь великому;
Какъ расшущенные лебеди скликающя,
Такъ въ полуночи скрыпяшь шяжелы возы ихъ.
Игорь шакже полкъ ведешъ свой къ Дону синему;
Но бѣды ему вѣщающь пшицы вѣщія;
Грозно воющь по яругамъ волки сѣрые,
Звѣри хищные сбѣгающя на клекшъ орловъ,
На шипы лисицы брешущь, на червленые.
Ты уже за Шеломянемъ, земле Руская!
Меркнешъ шемна ночь, и свѣшлый свѣшъ зари запалъ,
Мгла гуспая покрываешъ всѣ поля кругомъ,
Сладкій щекошъ соловьиный по кущамъ заснулъ,

Безумолкный говоръ галичь просыпаешся.

Вошь черелеными щипами заградилъ полкъ;

Такъ онъ ищешъ Князю славы, похвалы себѣ.

Рано въ няшницу враговъ узрѣли Русичи;

Пошопшали Половецкіе полки они,

И разсыпавшись спрѣлами по чиспу полю,

Въ плѣнь помчали красны дѣвы, Половецкія,

Съ ними бархашы и шкани драгоцѣнныя;

Епанчами жъ, узорочьями ихъ всякими

По болошамъ, шопямъ начали моспы моспишь.

Князю Игорю досшалось знамя бѣлое,

Спягъ червленый, чолка, сребренное спружіе.

Дремлешъ въ полѣ шы, Олега гнѣздо храброе,

Ахъ, далече залешѣло ошь своей земли,

Ты ошь ищиць, шерпѣшь обиды не родилося;

Ни младому, ясну соколу, ни кречешу

Ты, гнѣздо, въ свой вѣкъ еще не поддавалося,

Ни шебѣ, поганый, черный вранъ, Половчине!

Сърымъ волкомъ Гзакъ бѣжишь широкой шепію,

Правишь слѣдъ ему Кончакъ ко Дону синему.

По упру кровавы зори свѣшь повѣдаюшь;

Какъ ночь шемна, идушь съ моря шучи черныя,

И хошяшь прикрышь чешыре солища свѣшлыя;

Снии молнія шрепещушь въ черныхъ шучахъ шѣхъ.

Быши грому, быши шрепешу великому,

И ишши дождю спрѣлами съ Дону снято,

Тушь шо копямъ на Каялѣ приломанися,

Тушь шо саблямъ изосшреннымъ, саблямъ Русичей,

О шелома Половецки попручашися.
Ты уже за Шеломянемъ, земле Русская!
Се на храбрую дружину Святославлича
Съ моря синяго спрѣлами вѣешь буйный вѣспрь,
Внукъ Сприбожа чу шумишь враговъ знаменами,
Топощь коней, топощь борзыхъ, подемъ слышишся;
Рѣки мушны, пыль густая помрачаешъ даль.
Се опъ Дона, се опъ моря, се опъ вѣсхъ споронъ
Хищны варвары, Половцы показалися;
Храбрыхъ Русскихъ обшупили дѣши бѣсовы,
Доль широкій огласилъ громкимъ кликомъ ихъ.
Огражденъ изъ щиповъ шворишь полкъ Игоревъ;
Ты, яръ шуре, Всеволоде, боронишь его!
Ты спрѣлами на поганы вон прыщещи,
Харалужными мечи о шлема гремлещи.
Камо, шуръ, шы ни поскочишь, шамо падшихъ рядъ;
Гдѣ злшымъ своимъ шеломомъ ни посвѣшишь шы,
Тамъ лежашъ главы поганы, Половецкія.
И Аварскіе шелома ихъ поскепаны
Опъ шебя, шуръ, Всеволоде, оспрой саблею!
О, какія ему раны, брашье, дороги!
Онъ оспавилъ нѣгу, почеспн, веселу жизнь,
Градъ Черниговъ и злшый пресполь, опеческій;
Онъ оспавилъ милу ладу, красну Глѣбовну,
Ея нѣжныя забошы, шихій правъ ея.
Были сѣчи грозны нѣкогда Траяновы,
Миновали лѣша славы Ярославовой,
Прошекли междуусобія Олеговы,

Свяшославичь онъ крамолу въкъ мечемъ ковалъ,
Засѣвая всю спрѣлами землю Русскую,
Прыща ими со спола Тьмушороканскаго.
Ярославъ охотно къ брашу преклонялъ свой слухъ,
А Владиміръ крѣпко уши зашыкалъ свои,
Вячеславича же слава привела на судъ,
Положила на попову его конскую
За обиду Ольга, храбра и млада Князя,
Свяшополкъ съ шоя жъ Каялы шѣло взялъ ошца,
Взялъ по сѣчѣ ко Свяшой Софїи, Кїевской.
Зло сильнѣе возраспало межусобное,
Возраспало при Олегъ Гориславичь;
Погибала ни за чшо жизнь внука Дажь божа,
Въ шѣхъ крамолахъ княжихъ людямъ сокращились дни,
Рѣдко рашая веселый раздавался гласъ;
Врановъ карканье на шрупахъ всюду слышалось,
Или галицы одни перекликалися,
На обильный ниръ лешѣшь ебираясь шучами;
Но и въ шѣ не слышно было рати дни шакой
Съ свѣшомъ до ночи, и съ ночи до свѣшла свѣша,
Свищущъ сирѣлы, свищущъ часшыя, каменья,
О шеломы гремлюшъ сабли изосшреныя,
Съ шрескомъ копы харалужны сокрушающся,
Брани громъ гремишъ въ раздолїи невѣдомомъ,
Посреди земли далекой Половецкїя,
Черной кровїю суха земля вся поляна,
Подъ копышами коней косшыми постѣла,
Сильный врагъ одолѣваешъ храбрыхъ Русичей.

Что шумишь мнѣ? предъ зорями рано что звенишь?
Игорь Князь заворочаетъ полкъ разспроенный;
Жаль ему сердечно брата, Всеволода жаль.
Бились день они, два бились; а на шрешій день,
Пали Игоря знамена предъ полуднями.
Тушь два брата на Каялъ разлучилися,
Тушь кроваваго вина пишь не доспало имъ,
Тушь dokonчили пиръ славно храбры Русичи,
Попонли евапы до сыпа, какъ водищя,
Сами въ полъ полетли за землю Русскую,
Вошь опъ жалосни поникла вся шрава въ лугахъ,
Облились цвѣшы лазоревы росою слезъ,
Опъ печали преклонилися древа къ земли.
Не веселая година вшала, браше,
Мракъ пущыни прикрываешъ силу Русскую!
Вшала въ воинствѣ обида внука Даждь-божа,
На Траянову вшупила землю дѣвою,
Лебедиными веплескала крылы на моръ,
Близко Дону восплескала, близко синяго,
Пробудила времена вздремавши, пущныя.
На поганыхъ переснали Князи рашовашъ,
Спали брата брата во малосни завидовашъ,
На себя ковашъ крамолу сами начали,
А поганые со вѣхъ споронъ съ побѣдами
Спали часпо находишь на землю Русскую.
О, далече зайде соколъ, бѣя, пиць у моря!
Не кресишь полку ужъ храбра, полку Игоря.
Жля и Карна разоряюшь землю Русскую,

Уполяюшь ея жажду росой пламенной;
Тушь восплакали злощасны жены, аркучи:
“Милыхъ ладъ своихъ ни мыслію намъ смыслиши,
Ни очами поглядѣшь, ни думой вздумаши,
А ужъ злата и сребра не пошрепаша въ вѣкъ.”
Кіевъ спонепъ, а Черниговъ, брашье, бѣдшвуешъ!
Разлилась шоска великая по всей земли,
Попекла печаль глубокая средъ Русскія.
А Князья куюшь крамолу пуце прежняго.
А поганые по бѣлкѣ емлюшь дань съ двора
Разоряшь въ конецъ приходяшь землю Рускую
Спящу льгошу пробудили Свяшославличи);
Залѣчилъ ея всѣ равы Свяшославъ было.
Хищныхъ варваровъ Половцевъ онъ грозою былъ,
Укрошилъ было ихъ буйштво Всеволодовичъ,
Пришопшалъ яруги, холмы сильной рашію;
Ихъ взмушилъ озеры, рѣки, изсушилъ ключи;
А поганого Кобяка онъ луки моря,
Изъ среды полковъ желѣзныхъ вихремъ выпоргнулъ,
И опшелъ во спольный Кіевъ въ полону его.
Тамъ, Моравы, Венедицы, Греки, Нѣмцы шамъ,
Величаюшь Свяшослава, каюшь Игоря,
На словушой кшо Каялъ, быспрой рѣченькѣ,
Пересѣлъ въ сѣдло кощя изъ злата сѣдла,
Кѣмъ въ пусшыни пала многа сила Русская,
И унынье, какъ осенняя ночь шемная,
И во грядницахъ, и въ хижинахъ просшерлося,
И исчезло благоденшвіе градовъ и сель,

Свяшославъ же, Князь Великій, видѣлъ мушеть сонъ,
Онъ рассказывалъ его своимъ боярамъ шакъ:
„Снилось мнѣ, что будшо, съ вечера во Кіевѣ,
Одѣвали меня черной паполомою
На кровашѣ, на песовой (ужъ не гробъ ли шо?)
И вино мнѣ подносили, съ ядомъ смѣшено,
А на лоно жемчугъ крупный (слезы сыпали),
Изъ поганныхъ, Половецкихъ шуловъ сыпали;
Самаго жъ меня лелѣяли и нѣжили;
Ужъ безъ кнеса въ злашверьхомъ доски шеремъ.
А у Пльиска ночь всю вороны прокаркали,
На болонь, гдѣ Кисаня дебрь усѣнился;
Чшобъ зловѣщимъ полешѣши къ морю синему!“
И рекушъ ему бояре мудры, Кіевски:
Полонша, Княже, шуга умъ бояръ пвоихъ,
Се два сокола слешали со спола опня;
Захошѣлось поискашъ Тмушороканя имъ,
Иль испишъ злашымъ шеломомъ Доцу синяго.
Имъ припѣшали Половцы крильца саблями,
Ноги спушали пупинами желѣзными.
Въ шрешій день спошны погасли два багряные,
Въ ясный полдень два померкли солнца свѣшмыя
Съ ними мѣсяцы младые два запмилися.
На рѣкъ, Каяль быспрой, помрачился свѣшъ,
А Половцы, какъ голодно гнѣздо пардуже,
По земли просперлись Русской, жгущъ, зоряшъ ее;
Буйшва придало Копчаку одолѣнье шо;
Нѣшъ конца опусшошеньямъ и насильшвамъ ихъ,

Сверху древа днѣвъ зловѣщій свергся на землю,
Русскимъ золопомъ звенящъ дѣвицы Гопскія,
Моря синяго по берегу выюща пѣсни ихъ;
Въ нихъ поющъ месць Шуроканю, время Бусово;
А для насъ, швоей дружины, нѣтъ веселія!“

Тутъ злосное Свяшославъ Князь слово выронилъ.

(Со слезой оно горючей было смѣшено):

“О родные вы мои, о Свяшославичи!

Рано начали искаши славы въ полѣ вы,

Рано начали Половцовъ избивашъ мечемъ,

Вы нечеспно одолѣли, кровь ихъ пролили.

Въ васъ сердца изъ харалуга жеспка скованы,

Калены они решивы въ дикой буеспи;

Ахъ! чшо сдѣмали съ моими сѣдинами вы?

Гдѣ Черниговски ковуя, Ярославъ, мой брашъ?

Гдѣ союза изъ Могушовъ и Тапрановъ рашъ?

Изъ Шельбировъ и Топчаковъ гдѣ полки швои?

Гдѣ Ревуги и Ольберы? Я не вижу ихъ.

Безъ щиповъ они съ книжалами спремяшся въ бой,

Кликомъ раши побѣждающъ сопрошивныя,

Славой предковъ превзойши хошящъ беспрашныя;

Мы дѣлами будемъ славны, а не предками!“

Говорящъ они, и идушъ по слѣдамъ опцовъ.

Сшарику помолодѣши, брашье; диво ли?

Высоко взбиваешъ соколь, пшищъ линияючи,

Не даешъ онъ имъ въ обиду своего гнѣзда.

То бѣда, чшо опъ Князей не жди пособія;

Времена други воспали, измѣнилось все!“

Се Уримъ кричишь подь саблями погаными,
Володиміръ же чу споненъ опъ кровавыхъ ранъ,
Сыну Глѣбову поска, печаль великая.
Князь Великій, Всеволодъ, что не помыслишь ты
О зацпишь золопа спола, опеческа?
Раскропишь, буй шуръ, ты можешь Волгу веслами,
Ты давно смирилъ бы гордосъ Половецкую,
По ногашъ бы ихъ жены продавалися.
И ихъ плѣнны по рѣзани малы дѣщица.
Ты живыми шерешеры, сыны Глѣбовы,
Удалыми, можешь посуху спрѣляши, Князь!
Ты, буй Руриче, Давиде! ваши плаваюшь
Во крови враговъ шеломы позмащенныя;
Какъ израненныя саблями калеными
Скачущъ шуры, вашъ рыкаешъ храбрый въ полъ полкъ,
Во злпый спременъ вспунише, Князи храбрые,
За обиду вы вспунише сего времени,
За плѣнъ Игоревъ, за раны Святославича!
Ярославе, Осмомысле хигирый, Галицкій!
На сполъ сидишь высоко злапокованномъ,
Подперъ ты полки своими горы Угорски,
Заснупилъ ты Королю пушь, ты прешишь ему;
До Дуная власъ просперъ ты, заперъ входъ въ него.
Ты ппжелы мечешъ бремены чрезъ облаки;
Спрахи, грозы швои, Княже, по землямъ шекушь,
Ошворяеши враша ты спольну Кіеву,
Ты спрѣляеши, въ Салшановъ земли дальныя;
Во врага спрѣляй Кончака, въ Гзака варвара,

За безчестіе спрѣлай земли всей Русскія,
За плѣнь Игоревъ, за раны Свяшославича
Ты, Романе и Мстиславе, Князи буи!
Вы, какъ соколы, во буесни ширяешесь;
Одолѣшь, убишь хошише всяку пшицу вы;
Вы исполнены опваги, гордыхъ замысловъ;
У васъ папорзы желѣзны, шлемы Римскіе;
Васъ шрепещушь земли дальни, спраны Хинскіе;
Деремела и Яшвяги ваши плѣнницы,
А Половцы и Лишва повергли копіи,
Подклонили подъ мечи ваши главы свои.
Но для Игоря лучи померкли солнечны,
И не бологомъ сронило древо лишвіе.
Ужъ по Роси и по Сулѣ дѣляшь города
И ужъ Игорева, храбра нѣ кресишь полку,
Слышишь, Княже, кличешъ Донъ шебя, великій Донъ!
Онъ зовешъ васъ на побѣду, Князи Рускіе!
И Ольговичи досѣли на кроваву брань.
Всеволодъ, и Ингваръ Князь, всѣ при Мстиславичи!
Вы, пернашы шешпокрыльцы нехуда гнѣзда!
Не побѣдами ль спяжали вы могущесшво?
Вамъ на чшоужъ злашы шеломы, Ляцки сулицы?
Заградише входъ вы, Князи, во чисно поле,
Заградише вы спрѣлами смерпоносными,
Опомсшише за обиду земли Русскія,
За плѣнь Игоревъ, за раны Свяшославича.
Къ Переяславию, подъ грознымъ кликомъ варваровъ,
Ужъ не кашишь Сула спруй своихъ серебряныхъ,

И Двина печетъ болопомъ къ древно Полошску,
Харалужными своими позвонилъ мечи,
О Липовскіе шеломы Изяславъ единъ;
Пришрепалъ онъ славу дѣду, и пришрепанъ самъ,
Онъ Липовскими мечами во чиспомъ полѣ.
На правѣ кровавой лежа, и кончаяся
Онъ вѣщаль: “ Твою дружину пріодѣли, Князь,
Крылы пшицъ, и полизали хищны звѣри кровь! “
Такъ единый (брашъевъ не было обоихъ шупъ),
Такъ единый, не опмщеный, не оплаканный,
Изронилъ изъ шѣла душу онъ жемчужную,
Черезъ злашое изронилъ онъ ожереліе.
Гласы смолкли, и веселье помрачилось;
Трубы шрубяшъ Городенскія, унымыя.
Ярославъ и вси Всеславы внуци буйные!
Днесъ понизише свои знамена гордыя,
И мечи свои вонзише поврежденные,
Вамъ ли свѣшлюю сіяши славою дѣдовскою?
Вы крамолами своими первы начали,
Наводишь на землю Русскую поганые,
Наводишь на жизнь Всеслава, дѣда вашего;
Прежде было ли насилье опъ Половцовъ шѣхъ?
На седьмомъ Траяна вѣкъ храбрый Князь, Всеславъ
О любыхъ себѣ дѣвицахъ бросилъ жеребій;
Подпершись клюками бодро, сълъ на кони онъ,
И помчался вихремъ къ Кіеву, и спружіемъ
Онъ дошкнулся до злаша престшала, Кіевска.
Люшымъ звѣремъ поскочилъ онъ изъ Бѣлаграда,

Поскочилъ въ глухую полночь, мглой одѣвшись,
Ошворилъ враша сприкусами Новутраду.
Помрачилъ сіяше славы Изяславовой.
Поскочилъ съ Дудушокъ волкомъ до Немизы онъ;
Не снопы на шой Немизѣ спелюшь головы,
Харалужными молошяпъ цѣпы ошрыми,
На кровавомъ шокѣ вѣюшь духъ онъ шѣла прочь.
Напились берега Немизы кровью Русскою,
Напились одѣшы снѣгомъ, льдомъ окованы
Князь Всеславъ не зналъ покоя, людямъ судъ шворилъ;
Раздавалъ Князьямъ удѣлы, волкомъ рыскалъ въ ночь,
Поспѣвалъ въ шмушороканъ до Куръ изъ Кіева.
Волкомъ Дону пушь прерыскивалъ великому
Позвонили ему въ Полошкѣ къ зашпрени
А онъ слышалъ звонъ во Кіевѣ; шакоеъ онъ былъ!
Но каковъ разумешъ ни былъ, а онъ бѣдъ спрадалъ
И ему злашу припѣвку вѣщій рекъ Боянь:
“Какъ бы хишрѣ, гораздъ кшо ни былъ, первый былъ
мудрець,
Хошь бы шицею лешалъ кшо по поднебеси;
Не минуешъ онъ однакожь суда Божія!”
О спонаши земли Русской, о, спонаши ей,
Помянувъ годину первую и Князей первыхъ!
Того Сшараго Владиміра и въ спаросши
Не лзя было пригвоздиши къ горамъ Кіевскимъ.
Ошь раздѣловъ погибаешъ, земле Русская,
Но и пушь еще шы, мащъ буйшуровъ, славишься,
Полный славою сыновъ швоихъ Дунай шечешъ!”

Какъ въ глухомъ бору зегзицынъ, Ярославинъ гласъ
Рано слышишся въ Пушивлѣ, на градской спѣнѣ :
Полечу, рече, зегзицей къ Дону синему,
Омочу рукавъ бобрый во Каялѣ я,
Обошпру кровавы раны Князю на шѣлѣ.“
Ярославна рано плачешъ, жалко аркучи :
“Въшре! въшре! шы чему насильно вѣши?
Чему мычешъ, Господине, спрѣлки Хинскія,
Мычешъ крыльцами своими шиховѣйными
На любезныхъ мнѣ и милыхъ воевъ Игоря?
Горь подь облаки шебъ не мало вѣяши,
Корабли лелѣя черны на синѣ морѣ,
Какъ ковыль мое веселіе развѣялъ шы.“
Ярославна рано плачешъ, жалко аркучи :
“Ты пробилъ, Днѣпре словушичъ, горы каменны,
Ты насквозь земли пробилъ ихъ Половецкія,
На себѣ суда лелѣялъ Свяшослави шы,
Ты до воиншва лелѣялъ ихъ Кобякова ;
Возлелѣй мою шы ладу, возлелѣй ко мнѣ,
Да не слала бь къ нему рано слезъ я на море!“
Ярославна рано плачешъ, жалко аркучи :
“Солнце свѣпное! шы всѣмъ еси шепло, красно ;
Ты чему проспре лучи свои горячіе,
На любезныхъ мнѣ и милыхъ воевъ Игоря,
Луки имъ спряже въ безводнѣ полѣ жаждею,
За спиной заще имъ шулы крѣпкой шугою?“

Взволновалось море синее въ полуночи,
Какъ шуманъ, просшерся сумракъ ; Князю Игорю

Богъ пупь кажешъ, изъ земли пупь Половецкiя
Въ землю Русскую къ злашу сполу, Опеческу.
Свѣшъ зари погасъ вечерней, Игорьъ Князь не спитъ;
Мѣришъ мыслию поля онъ между Донами.
Борзый конь гошовъ съ полночи, ржешъ и попаешъ,
Бьешъ копышомъ съ нешерпѣнья, и грызешъ бразды,
Вѣрный Овлуръ за рѣкою свиснулъ Игорю,
Разумѣшъ велишъ онъ Князю, что давно пора.
Кликъ и попопъ раздался, поле спукнуло,
Вежи двинулись за Княземъ Половецкiя.
Поскочилъ онъ горноспаемъ легкимъ къ простю,
Бѣлымъ гоголемъ онъ поплылъ, сѣлъ на борзый конь,
И пошекъ къ Донцу лугами онъ босымъ волкомъ,
Полешѣлъ подъ мглами ушра яснымъ соколомъ,
Избивая гуси, лебеди спаницами
На обѣдъ себѣ, на завтракъ и на ужину.
Волкомъ Влуръ пошекъ, спрясаючи росу съ себѣ;
Надсадили Игорьъ, Влуръ своихъ добрыхъ коней.
“Княже, Игорю, речешъ ему Донецъ рѣка,
Для шебя не мало славы и величiя,
Для Кончака же досады и нелюбiя,
А для Русской всей земли веселья, радости!“
Игорь, Князь речешъ въ опвѣшъ на шо Донцу рѣкѣ,
“Развѣ мало чеспи шакже для шебя, Донецъ,
Что лелѣаль на волнахъ шы Князя, Игоря,
Сшлалъ шраву ему шы мягкую, зеленую,
Сшлалъ на сребреныхъ ему шы берегахъ своихъ,
Одѣвалъ его шы, Князя мглами шеплыми

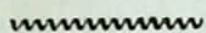
Древь развѣсиспыхъ подь сѣнію зеленою,
Чайкой, тоголемь сперегъ шы на водь его,
А на буйныхъ, рѣзкихъ въпрахъ легкой чернядью.
Спугна пакъ рѣка сердишая не дѣлаешъ;
Разбиваешъ она спруги о кусшы свои,
Роспиславу зашворилъ Днѣпръ шемяи береги;
Горько плачешся по сынѣ Роспиславля машъ,
И ошъ шути преклонилися древа къ землѣ,
И уныли всѣ ошъ жалобы въ лугахъ цвѣшы.“
Не сороки шо проскочушъ, ѣдяшъ Гзакъ, Кончакъ,
По слѣдамъ они шо ѣдяшъ Князя, Игоря;
Смолкъ пшицъ говоръ, шекшомъ дяшлы кажушъ пушъ
къ рѣкѣ,

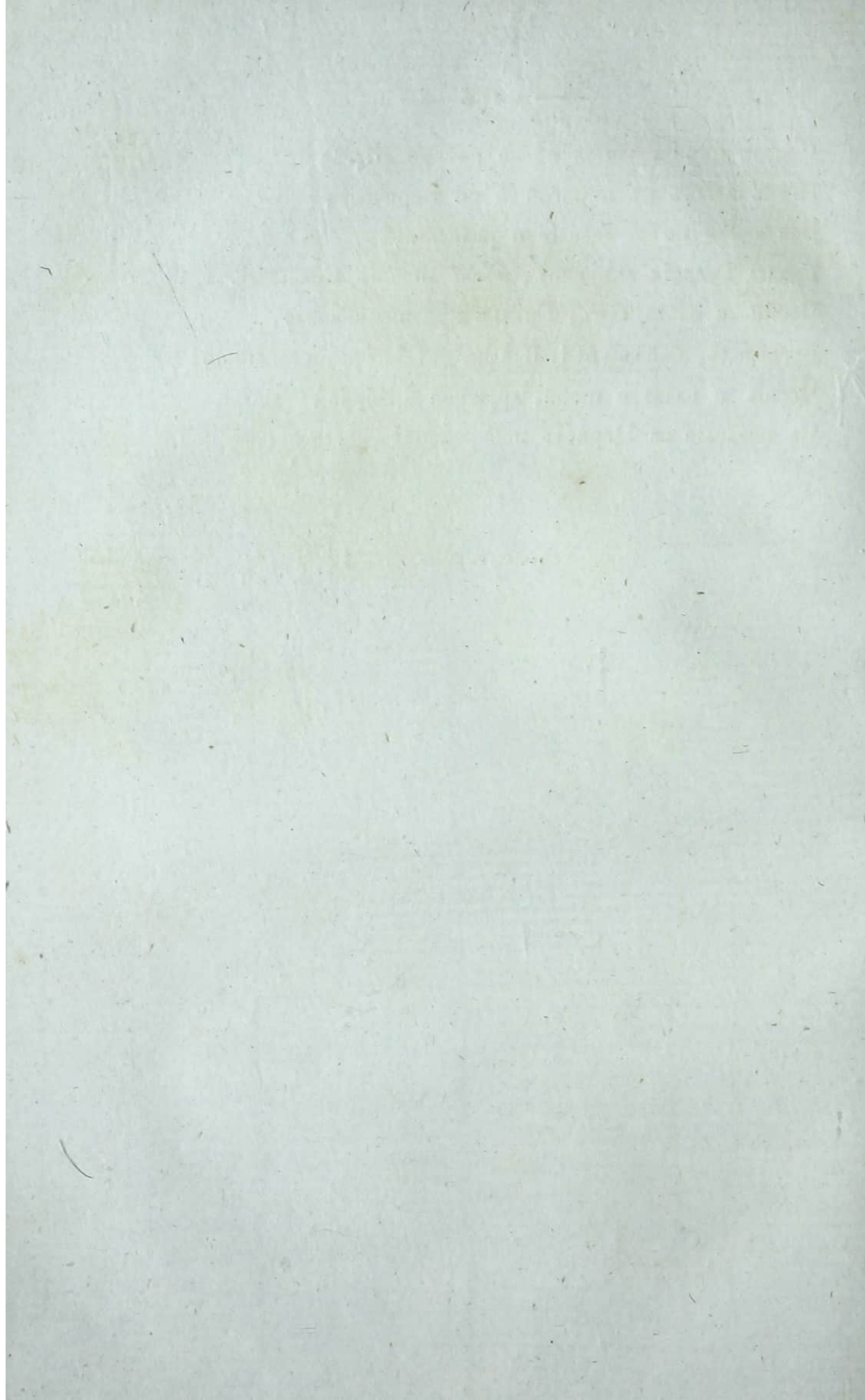
Соловыи веселымъ пѣньемъ свѣшъ повѣдаюшъ,
“Разспрѣляемъ соколенка, рекъ Кончаку Гзакъ,
Разспрѣляемъ, коли соколъ ко гнѣзду лешинъ.“
“Нышъ, опушаемъ его мы красной дѣвицей.“
“Чшо жъ намъ пользы въ шомъ, речешъ ошяшъ Кончаку
Гзакъ,

Ни его у насъ не будешъ, и ни дѣвицы;
И насъ въ полѣ Половецкомъ пшицы бишъ почнушъ.“

На Кагана ходы пакже вѣщій рекъ Боянъ,
Пѣсношворецъ дней словушыхъ, Ярославовыхъ,
Рекъ пришѣвку онъ разумну, досшопамяшну:
“Тяжело главъ безъ плечъ бышъ, безъ главы плечамъ!“
А безъ Игоря бышъ худо Русской всей землѣ;
Солнце на небъ; а въ Русской Игорь Князь земли.
На Дунавъ распѣваюшъ красны дѣвицы,

Черезъ море вьюшся пѣсни ихъ до Кіева;
Игорь ѣдетъ къ пирогощей по Боричеву;
Вся земля полна веселія и радости,
Грады Русскія ликуютъ, пѣснь поютъ Князьямъ.
Чеснь и слава вамъ, Князья христолюбивые,
Всеволодъ, буй шурь! Владиміръ! Игорь, солнышко!
Чеснь и слава и шебъ, дружина храбрая,
На поганые за Церковь побарающа!

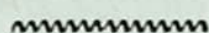
ПЛАЧЪ ЕВДОКІИ.

Сей опривокъ есть произведеніе XIV вѣка, и писанъ безъ сомнѣнія Авшоромъ современнымъ; въ немъ находишь вѣрное изображеніе свойсшвъ Димишрїа и народной горести при его кончинѣ, послѣдовавшей въ 1589 году маія 19. Сочинитель онаго, по тогдашнему времени, человѣкъ ученый, въ сочиненіи своемъ, изъ кошораго взяшь сей опривокъ, упоминаешь о двухъ Греческихъ Философахъ, Платонѣ и Пивагорѣ (Карам. Исп. V, пр. 426). Примѣшно, что слогъ свой образовалъ онъ прилѣжнымъ чшеніемъ Церковныхъ книгъ; ибо языкъ его ясенъ и правиленъ, и совершенно подходитъ къ Церковному; подлинникъ находишь въ Испорїи Государства Россійскаго Томъ V, прим. 429. Чипашели, кошорые захопяшь сличить съ нимъ переводъ, увидяшь, что я нимало не украшалъ своего Авшора; всѣ мысли и даже выраженія совершенно ему принадлежашъ. —

~~~~~

ИЗОБРАЖЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МОСКОВСКАГО,
ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА ДОНСКАГО, И ПЛАЧЪ
НАДЪ ТѢЛОМЪ ЕГО, СУПРУГИ ЕГО, ВЕЛИКОЙ
КНЯГИНИ ЕВДОКІИ ДИМИТРІЕВНЫ.

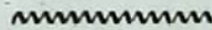

Кшо во младости былъ славенъ, кшо въ преклон-
ныхъ дняхъ,
Но Димитрій съ похвалою весь провелъ свой вѣкъ,
Непосредственно опъ Бога воспріямъ онъ власпъ,
Съ Богомъ также Всемогущимъ ушвердилъ свой шронъ,
При Димитріѣ вскипѣла земля Руская;
Онъ держалъ крамольныхъ въ страхъ, былъ грозою имъ,
Былъ друзьямъ опора шверда, сопротивнымъ огнь,
Умъ высокій, смыслъ смиренный, благочеспіе,
Красенъ взоромъ и привѣпливъ, и душею чистъ;
Много вѣдалъ онъ, и мудрымъ заграждалъ уста,
Око зоркое слѣпымъ былъ, сиротамъ ошець.

Вѣчнымъ сномъ когдажъ почилъ онъ Руской Царь земли,
Возмутился аеръ синій, попряслась земля,
День шопшъ былъ день скорби, шуги, и рыданья день.
“Горе, брашье, намъ! О горе! весь вопилъ народъ,
Князь Князей почилъ, и къ западу пресвѣплая —
Міру цѣлому сіяюща звѣзда грядешъ!
. въ нихъ душа была едина, въ двухъ пѣлахъ была,
Въ добродѣтеляхъ единыхъ всѣ шекли ихъ дни,
Какъ голубка съ голубочкомъ жили шакъ они,
Все блаженство полагали въ чистой совѣсти
Мершва зря его лежаща, на посшели зря,
Горькимъ гласомъ возопила Евдокія шакъ:
(Слезы огненны пошоками лила она,
Била въ грудь себя рыданьемъ сильно зыблему,
Какъ шруба далекозвонка, рапъ повѣдая,
Или ласшовица нѣжна, рано шепчуца,
Или спройные органы, сладкогласные):
“О, на вѣки зайде свѣщмый свѣшъ очей моихъ!
Дней сокровище моихъ! куда опшходиши?
Чшо ко мнѣ своей Княгинѣ не промолвиши?
Чшо шакъ рано, мой прекрасный увдаешъ цвѣшъ?
Моему не дашъ шы сердцу, виноградъ, плода,
Не досшавишь шы и сладости душъ моей!
На меня почшо не воззришь, Господине мой?
Ты лицомъ ко мнѣ почшо не обратиши?
Или шы жену и дѣши позабылъ свои?
Ты почшо не дашъ опшвѣша сиропамъ своимъ?
На кого меня, о другъ мой покидаешъ шы?”

Како, милый мой Царю, я приму тебя?
Како руки я вокруг выи обвою швоей?
Господине мой! гдѣ слава, и гдѣ честь швоя?
Господинъ шы былъ, Царь сильный Руской всей земли,
Нынѣ мерпвъ лежишь, ни кѣмъ шы не владѣеши,
Побѣжденъ шы смерпью многихъ побѣдипель сшранъ!
Измѣнилась швоя слава, зракъ лица исплѣлъ,
Како, жизнь моя, съ шобою разсшавашься мнѣ?
Ты одѣшь не въ багряницу, въ ризы бѣдныя,
Не моихъ рукъ одѣяніе вдѣваеши,
За вѣнецъ главу шы плашомъ покрываеши,
За палашу красну шѣсный гробъ пріемлеши.
О, когдабъ Господь молишву шеплу виалъ швою!
Помолись, мой Князь, о мнѣ своей Килгнѣ шы!
Какъ съ шобой жила, съ шобой и умерла бы я!
Красна молодосшь еще не ошошла ошь насъ,
И уныла, мрачна спаросшь не посшигла насъ;
Я въ веселіи недолго пожила съ шобой,
Время радосшей злашое пролетѣло въ мигъ,
Слезы горькія досшались мнѣ на часшь шеперь.
О! почшо на свѣшь родилась я злощасшная!
Напередъ не умерла почшо я бѣдная?
Не видала бы, о другъ мой, смерпи я швоей!
Не видала бы погибели, шоски швоей,
Но шы словъ моихъ не слышишь, слезъ не зришь моихъ;
Крѣпко, крѣпко, Господине мой драгій заснулъ!
Не могу никакъ ошь сна я разбудишь шебя;
Знашь съ войны пришелъ далекой, ушомился шы.

И земны на ложе звѣри на покой идушь,
И лепящъ небесны пплицы ко гнѣздамъ своимъ;
Ты же опъ дому опходишь не красно, мой Князь!
О! Кому себя, злощасшна, уподоблю я?
Какъ себя я нареку? вдовой ли горькою?
Но къ названію такому не привыкла я.
Нареку ль себя женою? но безъ мужа я,
Ушѣшайше въ скорби спарыя вдовы меня,
Молодыя же поплачише со мною вы!
Горьки всѣ бѣды, но вдовья горче всѣхъ бѣда.
Царь Царей, Великій Боже! будь заспунникъ мнѣ;
Не оспавъ меня въ напаси Ты, Пречиспая!

ПЛАЧЪ СУНБЕКИ.

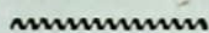
THE UNIVERSITY OF CHICAGO

Сей опривокъ взявъ изъ Испоріи о Казанскомъ Царствѣ неизвѣснаго Сочинителя XVI столѣтія, гл. XXXIX и XLI. Сочиненіемъ симъ, когда оное находилось еще въ рукописи пользовались: Лызловъ при сочиненіи своей Скиѣской Испоріи, Рычковъ — опыта Казанской Испоріи древнихъ и среднихъ временъ, и Херасковъ — знаменишой Россіады, въ коей многое отсюда заимствовано, на пр. его образецъ дружбы Гирей, и Богатырь Аспалонъ суть лица Историческія. Первый есть Ташарской Князь Чюра, выпроводившій тайно изъ Казани ночью Царя Шихъ - Алея, и шѣмъ спасшій его отъ смерти, а себя подвергшій оной (гл. XXVIII). Второй есть Казанской Воевода Апалыкъ, наѣзжавшій одинъ на 100 войновъ (гл. XX.) Посланіе Сеиша на Каму вопросишь живущаго шамъ бѣса о судьбѣ Казани (гл. XXXIV), Самое прощаніе сунбеки съ Сафа-Гиреемъ (едва ли не лучший эпизодъ въ Россіадѣ) суть также не выдумки, а дѣйствительныя происшествія. Неизвѣстный Сочинитель Испоріи о Казанскомъ Царствѣ пишеть о себѣ (гл. 1), что онъ попался къ Ташарамъ въ плѣнъ, въ кошоромъ находился 20 лѣтъ, служа при Дворѣ

Сафа-Гирея, и былъ освобожденъ только при
взятіи Казани Русскими. Слѣдственно онъ былъ
самовидцемъ опшвенія Сунбеки въ Москву, и
слышалъ самъ сей плачь ея, разумѣя Ташарской
языкъ, кошорому онъ могъ въ 20 лѣтъ совершенно
научиться. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ жалобамъ
Сунбеки далъ Русскую форму, и украсилъ ихъ по
своему (на пр. Сунбека у него довольно учена,
знаешь, что были на свѣшѣ Вавилонъ и Римъ);
но не выдумалъ. — Сочинитель Опыта Казанской
Исторіи свидѣтельствуетъ (спр. 234), что плачь
оной будпо сущесшуетъ и нынѣ между Казан-
скими Ташарами, и содержишь въ себѣ нѣкошо-
рья предсказанія. —

ПЛАЧЪ КАЗАНСКІЯ ЦАРИЦЫ СУНБЕКИ ПРИ ОТ-
ВЕЗЕНИИ ЕЯ ВЪ МОСКВУ ИЗЪ КАЗАНИ И СЪ СЫ-
НОМЪ ЕЯ ЦАРЕВИЧЕМЪ УТЕМИШЬ-ГИРЕЕМЪ.

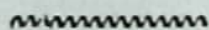
И войдя она Царица, въ шу мечешь войдя,
Въ коей Царь лежалъ умершій, Царь, супругъ ея,
И раздра своей одежды ризы верхнія,
Близъ Царева пала гроба, горько плакалась,
И воздвигши гласъ умильный, возопила шакъ:
“О Царю! о Государю! Сафъ - Гирею мой!
Нынѣ виждь свою Царицу, въ плѣнь ведомую,
Ту Царицу, чшо всѣхъ паче женъ любилъ своихъ.
А ведома въ плѣнь бываю, какъ злодѣйка, я
Со швоимъ младенцемъ сыномъ во иной языкъ,
Въ землю Русскую, Ташарамъ ненависпную;
Не нацаршвовалась много я съ шобою лѣшъ,
О увы мнѣ живоше мой! О увы драгій!
О! Почшо шакъ рано зайде опъ очей моихъ
Красоша швоя и слава въ шемный хладный гробъ,
Сирошой ошпавивъ сына и вдовой меня?
О увы мнѣ! Да живу я, гдѣ живеши шы!
Да пойду я за шобою, шы пошелъ куда!

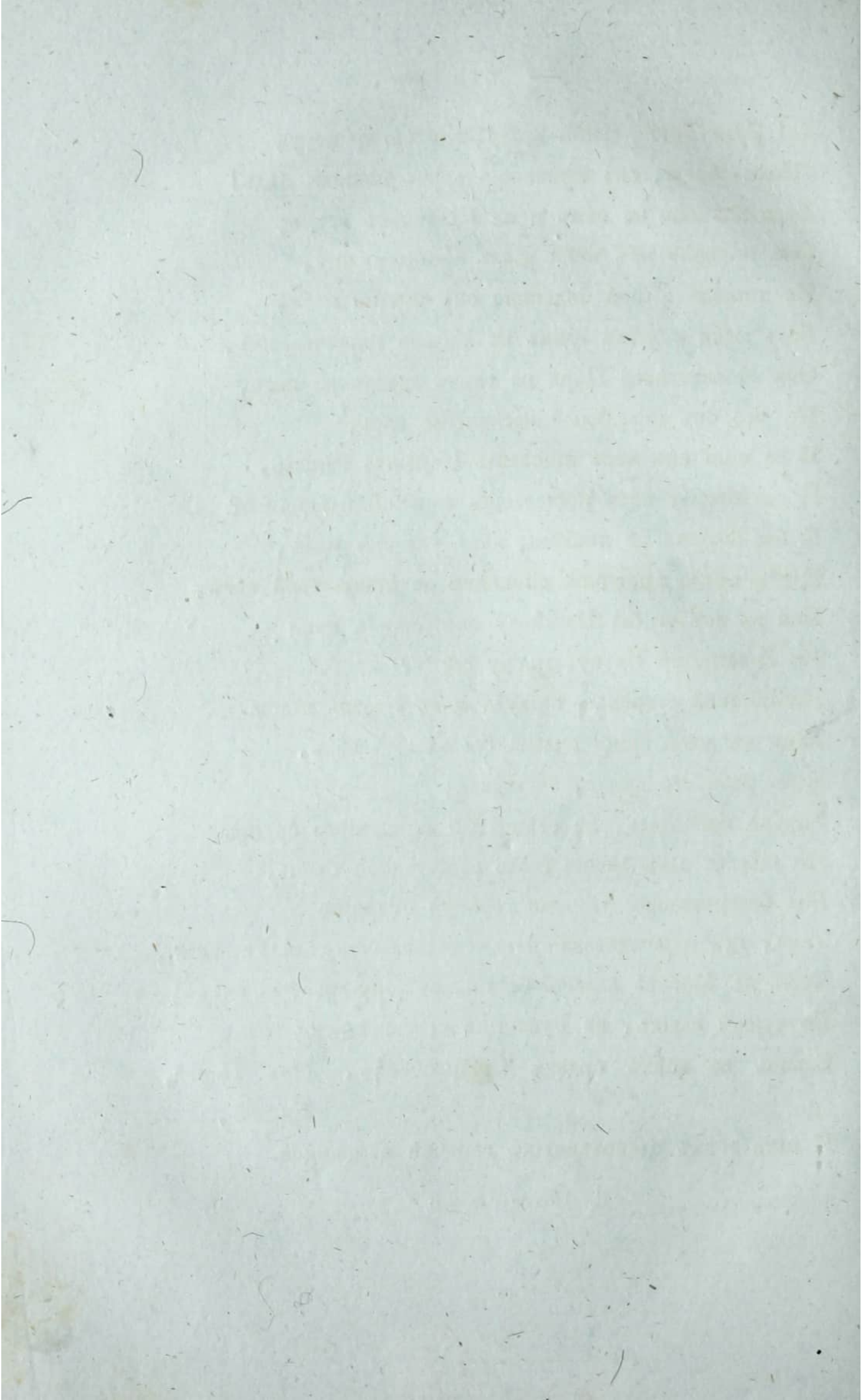
О! почшо насъ, Господине, шы оспавиль здѣсь?
О! почшо съ собою не взялъ въ шемный, хладный гробъ?
Иль не вѣдаешь, въ чьи руки предаемся мы?
Супосшашу предаемся въ руки злѣйшему.
Я едина не могу прошивусшашъ ему: —
Не имью я ни друзей, ни помощниковъ,
Предаюсь его я волѣ, предаюсь во всемъ.
О когда бы плѣнена была злощасшная —
Ошъ иного я Царя единовѣрнаго! —
Не шужилабъ, я не плакала, въ плѣнь идуци.
О увы! Царю мой милый! Сафъ - Гирею мой!
Плача горькаго поелушай шы вдовы своей:
Ты опверзи ей свой хладный и свой шемный гробъ,
Да единымъ будешъ гробомъ опъ шебъ и мнѣ,
Будешъ ложницей намъ Царской и палашою!
Ты не самъ ли рекъ большой швоей Царицѣ мнѣ; —
Рекъ съ болѣзнію, препяжкимъ въздыханіемъ,
“Будешъ время, чшо во градъ семъ живуціе.
Позавидуюшъ умершимъ, не родившимся.“
Нынѣ шо сбилось; но шы сего не вѣдаешь. —
Горе, горе намъ приде всѣмъ живуцимъ здѣсь!
Пріими, Царю драгій и Господине мой,
Пріими свою Царицу красну, юную!
Да не узряшъ иновѣрные въ плѣну меня!
Да моей не наслаядяся красоты они!
И лишена да не буду я совсѣмъ шебя!
Да не иду въ поруганье, въ землю чуждую,
Во языкъ иноплеменный, во ину вѣру!

Горе! горе мнѣ злощасной! горе бѣдной мнѣ!
Въ скорби кто меня утѣшишь? кто развеешь грусть?
Кто осушишь горьки слезы? Уполишь кто ихъ?
Посѣпишь въ болѣзни пляжкой! Ахъ, никто, никто!
О! Кому печаль я шамо возвѣщу свою!
Сыну ль нашему? Грудной еще младенецъ онъ; —
Моему ль ошцу? Но онъ ошсель далече ешь; —
Иль Казанцамъ? Но они меня и предали, —
Прешупили, обещае, кляшву данную.
О Царю мой! О! почто не ошвѣщаеши? —
Иль не слышишь шы швоей Царицы горькїя?
Се спояшь при дверяхъ спражи, здѣсь спояшь они,
И хопяшь меня восхишишь ошъ шебя мой Царь!
Горе мнѣ! была Царица, нынѣ плѣнница,
Госпожа Казанска Царшва называлася;
Нынѣ спала я раба, худая, бѣдная.
Вмѣсто радости, веселья плачь посигъ меня,
Вмѣсто Царскїя ушѣхи предспоишь мнѣ скорбь,
Не могу я плакашь болѣ, очи слезъ не льюшь,
Ошъ спонанїя и вопля премолче мой гласъ
Горе градъ шебѣ унылый! горе градъ кровей!
Чшо возносишь еще безумной гордосшью?
Ужъ злашый вѣнецъ спалъ Царскїй со главы швоей,
Ты вдовѣ подобенъ горькой; рабъ, не Царь ужъ шы!
Слава свѣшная зашмилась, власшь прешла швоя,
Изнемогъ и палъ, какъ звѣрь шы, не имущъ главы.
Огражденъ хопябъ шы былъ, какъ Вавилонъ другїй,
Превысокими сполпами и бойницами,

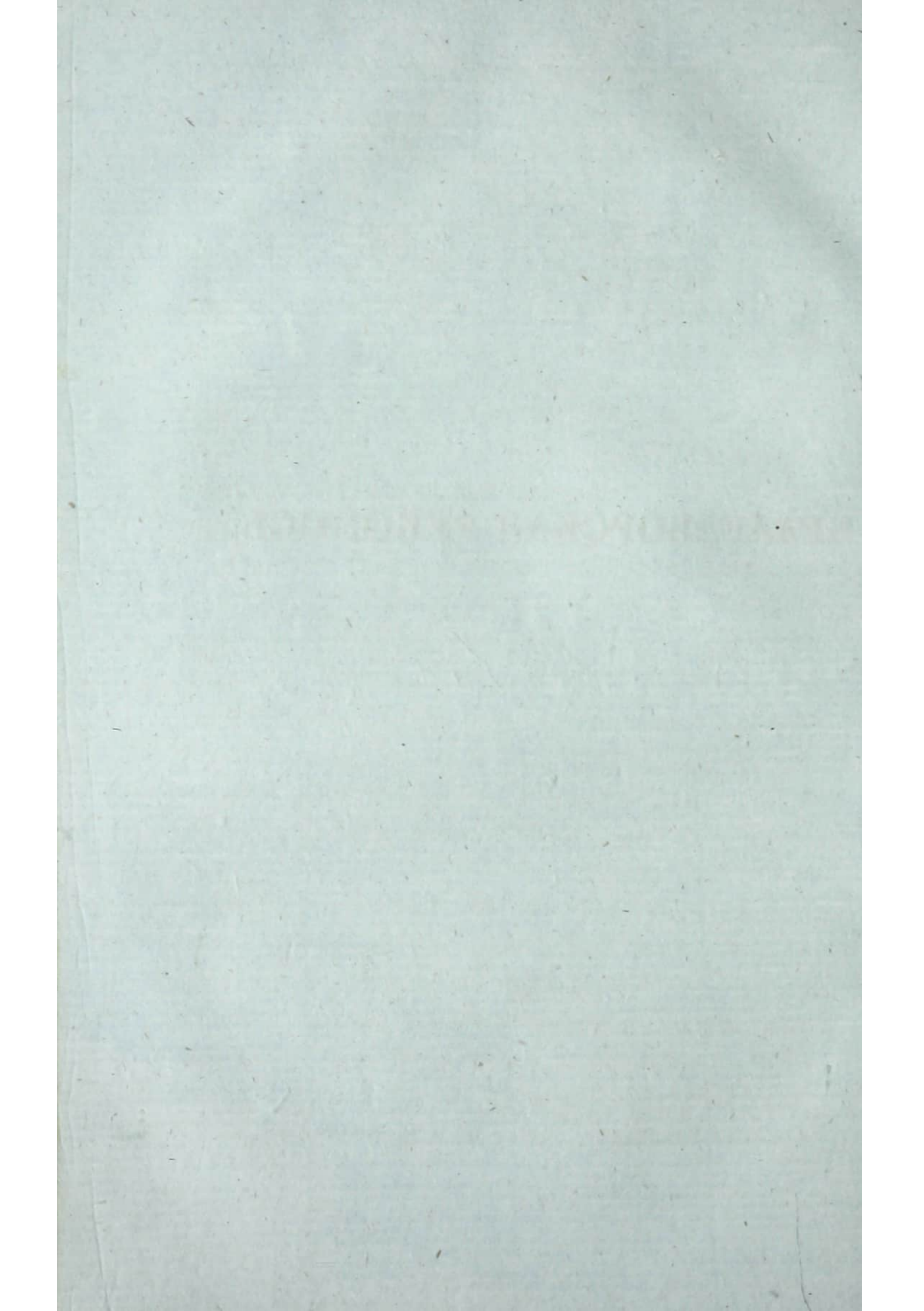
И погда бы успояши не возмогъ шы, градъ,
Пропивъ Сильнаго шакого, какъ Московскій Царь;
Ты обидимъ и воюемъ ошъ него всегда.
Не бойницами, сполнами Царшво держишся,
А Царемъ премудрымъ, грознымъ, правду любящимъ.
Умре Царь швой, умре Сильный; съ нимъ погубло все!
Воеводы и полки изнемогли швои,
Тебъ помощи союзны Царшва не дали,
Побъжденъ внупри и внѣ шы, побъжденъ ошъ всѣхъ.
О себѣ восплачь со мною, красный градъ Казань,
Вспомянувъ свою всю славу, все могущесшво,
Вспомянувъ пиры и праздники всегдашніе!
Нынѣ гдѣ они? Гдѣ свѣшлы шоржесшва швои?
Мурзь, Улаповей швоихъ гдѣ красованіе?
Красныхъ гдѣ дѣвиць и женъ младыхъ плясаніе?
Гдѣ ихъ лики? Гдѣ ихъ пѣсни сладкозвучныя?
Всѣ прешли онѣ, исчезли, какъ прелесшный сонъ.
Плачь, спонаніе по всюду непрешанное;
Вмѣсто сладкихъ рѣкъ медвяныхъ, слезы днесъ шекушь,
Вмѣсто винъ пошоки крови проливающя.
Не опъимешся мечъ Рускій ошъ шебя, Казань,
Не опъимешся, доколь не изгубишь всѣхъ,
Всѣхъ сыновъ швоихъ и дщерей, всѣхъ людей швоихъ,
О увы мнѣ, Господине шы державный мой!
Гдѣ глаголющу языкомъ челошечскимъ,
Пшицу гдѣ (увы!) возьму борзолешающу?
Да пошлю я къ моему ошцу и машери
Возвѣспиши, чшо случилось ихъ дѣшищу.

О! Суди Богъ, мести врагу, злодѣю нашему,
Шихъ - Агею; онь причиною всѣхъ нашихъ бѣдъ!
Буди всѣ они на немъ и на Казанцахъ всѣхъ;
Онь по волѣ ихъ меня взялъ Самодержицу,
Не хошѣлъ женой большою онь имѣшь меня,
Безъ меня хошѣлъ единъ въ Казани царшвовашь,
Онь Московскаго Царя на гнѣвъ навелъ на насъ,
По его онь повелѣнью изгоняешъ насъ,
И за что онь насъ лишаешъ Царства нашего,
И въ Москву насъ посылаетъ горькой плѣнницей?
Я бы больше не хошѣла, какъ улусецъ малъ,
Гдѣбъ могла прожншь спокойно до конца свой вѣкъ,
Или въ землю бы Нагайску оппустилъ меня
Къ Заяицкому Исупу, моему опцу,
Князю шой спраны, опкуда я въ Казань взяша.
Тамъ въ дому опца сидѣла бы вдовою вѣкъ,
Какъ раба его худая, неудобная;
Горько плакалась, на свѣшъ бы не хошѣла зрѣшь.
Но шогобъ мнѣ лучше было започенной бышь,
Иль безвременной умрешъ горькой смершю,
Тамъ, гдѣ царшвовала съ мужемъ, власшь дѣлила съ нимъ,
Чѣмъ къ Москвѣ веденой быши, въ поруганье, въ смѣхъ,
Во чужой языкъ, на Русь мнѣ ненависшную;
Слышь во всѣхъ ордахъ Срацынскихъ, онь Царей,
Князей,
И онь всѣхъ единовѣрныхъ горькой плѣнницей.

КРАЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ.

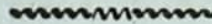
Ученый Чехъ Вацлавъ Ганка въ 1819 году издалъ въ Прагѣ Краледворскую Рукопись, названную имъ шакъ по мѣсту (Кенигинъ-Гофъ), въ кошоромъ онъ ее нашель; Рукопись сія писана на 12 Харашейныхъ лиспочкахъ, въ 12 долю Харашейнаго лиспа, и содержишь въ себѣ 6 повѣстей и 8 пѣсенъ; все же собраніе соспоило изъ шрехъ книгъ, что видно изъ надписей въ началѣ сшихопвореній Бенесъ Германовъ, Чеспъ-Миръ и Влаславъ и Збигонъ, гдѣ означены книги шрешьей главы 26, 27, 27. Добровскій думаетъ, что сіи Лиро-Эпическія сшихопворенія (шакъ онъ величаетъ сіи народныя повѣсти и пѣсни) списаны между годами 1290 — 1310, а сочинены (нѣкопорыя изъ нихъ) вѣрояшно еще древнѣе. Сомнѣваюсь, чтобъ съ шакою шочноспію можно было опредѣлишь время письма; но что они сочинены (предполагая, что всѣ они сочинены въ одно время, поелику въ нихъ одинъ языкъ древній Чехскій) позже сего времени, въ шомъ

нѣтъ сомнѣнія, и вопъ доказательство: въ повѣсти Ярославъ дѣйствіе происходитъ въ Моравіи, близъ Ольмюца, или по Славенски Оломуца; недалеко отъ онаго возвышается гора Госпя Инова, славная чудесами, кои шворишь Божія Матерь. У подошвы сей знаменишой горы невѣдомой ни древнимъ, ни новымъ Географамъ, сражающа воишва цѣлой Европы и Азіи, и шамъ же совершается великій подвигъ избавленія всего Хрисціаншва отъ ига невѣрныхъ Ташаръ или Моголовъ; причина же войны слѣдующая: дочь великаго Хана Кублая, четвертаго преемника Чингисъ-Ханова и самаго могущешвеннаго (онъ царшвовалъ около 1275. г.) изъ нихъ, вздумала пушешешвовашъ по западнымъ шранамъ для познанія нравовъ жишелей Европы; Нѣмцы, прельсшась ея дивными сокровищами, убили ее на дорогѣ. Доселѣ мы не знали, что дочь Кублая, сія шпорая Елена по красотѣ своей, но шолько гораздо ея цѣломудреннѣйшая, была невинною причиною разоренія Россіи, Венгріи, Богеміи и Польши.

Ешшли Авторъ безъ намѣренія (какъ и вѣроятно) превратилъ Ишорію въ басню, шо онъ долженъ жишъ вѣкъ или два спуща послѣ сего великаго шисшесшвія, ш. е. въ половинѣ XIV или XV вѣка, поелику ближе сего времени шамъ о нашесшвіи Моголовъ не могла до шакон

спешени испребишься. Впрочемъ Авшоръ, съ намѣреніемъ ли, безъ намѣренія ли, позволилъ себѣ вымыслъ въ сей шолько повѣспи; во всѣхъ прочихъ очевидно держался онъ спрогой истины, и каршины свои писалъ съ напуры. Въ повѣспи: Забой, Славой и Людекъ, по дѣйствію принадлежащей ко временамъ язычешва (Христіанешво въ Богемію введено безсмершнымъ изобрѣшашелемъ Славенской азбуки, Кирилломъ, кошорый въ 864-мъ году крешилъ шамощняго Герцога Бури-воя), чшашель находишь себя пренесеннымъ въ спрану дикую, гдѣ бушующъ лѣса дремучіе, шумящъ рѣки бысприя, живушь люди желѣзные, кошорые смершь предпочишающъ неволѣ, кошорые привязаны къ своей ужасной Дѣдинѣ, къ своему варварскому языку, къ своимъ грубымъ обычаямъ, и къ своимъ нелѣпымъ богамъ; за нихъ сражающъ, и освобождающъ спрану свою ошъ владыкъ-пришельцовъ. Но чшо придаешъ болѣе блеска сему великодушному предпріашію, чшо Начальникъ онаго ешъ пѣсношворецъ, склоняющій къ оному своею сердце-двигающею пѣснію. Еще, чшо доспойно замѣчанія, Авшоръ; Краледв. Рукописи, подобно Авшору слова о Полку Игоря, упоминаешъ о древнѣйшемъ его Славенскомъ пѣсношворцѣ Люмірѣ, кошорой, какъ вшорой Орфей, къ пѣнію своему склонялъ Вышеградъ и всѣ окрешности (слѣдешвенно Славяне имѣли въ древности

не одною Бояна, кошораго пѣсни пропали; но нашъ Боянъ моложе Люміра). Въ повѣсняхъ Ольдрихъ и Выгондубъ, и Бенесь Германовъ Авшоръ воспѣваешъ едва ли не современные ему произшесшвія; ученые Чехскіе легко бы могли рѣшишь эшу задачу, и такимъ образомъ съ почностію опредѣлишь вѣкъ, въ кошоромъ онъ жилъ.

~~~~~

Дабы чипашели имѣли понятіе объ языкѣ Краледворской Рукописи, одна изъ повѣстей, (Ольдрихъ и Выгондубъ) прилагаешся въ подлинникѣ.

..... раю лѣсъ

Тамо, камъ съ владыки снѣку,
Седмь сихъ владыкъ съ удашными сборы;
Выгондубъ шамо съ ѣмъ снагу хваша
Се всю хасу свою шемнѣ *) почнемъ.
Съ Хаса му бѣше на спо хлаповъ,
Всѣхъ спо имѣше въ ножнахъ бршѣшне мецѣ;
Къ мецѣ всѣхъ спо имѣше моцна пазе,
Къ выгоню въ ушробахъ спашну вѣру.
Доспуниху миша спршѣдѣ лѣса,
Подаху си колемъ правъ руцѣ,
Тихими словеси говоршили.
Нось съ пршевалише пршесь полноци,
Покроцише къ юшру сѣдосѣру;

---

*) Знакъ л означаетъ сокращеніе Творишельнаго и Дашельнаго падежей.

Ан ша веце выгонъ Кнѣзу Ольдрѣ:
“Гой, послышь ты, Велеславны Кнѣже!
Богъ ши ди буяросшь у всѣ уди,
Богъ ши ди вѣгласи въ буйну главу;
Ты ны веди прши злымъ поланомъ.
По шьемъ словѣ пойдемъ впрво, влѣво;
Будь впршедъ, будь взадъ, у всѣ пошны луше
Взъ гору взмуспе храбросшь буйныхъ сердець!”
Ан ша Кнѣзю взѣ прпоръ въ моцну руку;
“За мну, за мну храбро на полани,
На полани врги нашихъ земли!”
Грнушесъ за нымъ осмъ владыкъ,
Съ владыками пршѣсша полсша воиновъ,
Воиновъ пршеудашныхъ шама, кдѣ бѣ
Мносшьѣ поланъ розвалено ве снѣ
На врсѣ, кдѣ спаху по край лѣса.
Ан вся пра млцѣ въ юпршиѣмъ спани,
Влшава съ курше въ раней паршѣ;
За пргу съ прмодрую врсси;
За врхи взходъ сѣды пръяснюѣ.
Съ горы доловъ шихо, всѣ шихунко
Въ шихѣй прзѣ хипро покрыхусъ,
Оружѣ всѣ крзни зигалиху,
Иде паспуха по сѣремъ юпршиѣ,
Гласи брану опворшиши взъ гору;
Слише спрже воланъ паспусино,
Опворши лгу брну пршесъ влшаву.
Взниде пасширшь на моспъ, гласно шруби;

Взкоци Книзь на моспъ, седмь владыкъ занѣмь.

Пркны цвала се всѣмъ, се сви любѣ;

Удериху рана бубна громне,

Выразиху звуки шрубы глучне;

Хоругви шу сборы на моспъ вразя,

Весь моспъ опршашасѣ подъ ихъ давѣ.

Спрхъ уברי у всѣ, у помане.

Ан полене оружъ хватаю;

Ан владыкы сѣчне раны сѣку.

Полене шу скачю сѣмо, шамо,

Давемъ шрцю ну бране пршекони,

Дале, дале, пршедь удашну сѣцю.

Ан вицесшвѣ ѣспи Богомъ дано;

Вспане ѣдно слунце по всѣмъ неби,

Вспане яръ миръ надъ всю земю опяшь.

Разносисѣ радоспъ по всѣй прзѣ,

Разносисѣ радоспъ колколь прги,

Розлешнусѣ радоспъ по всѣй земли,

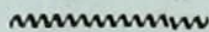
По всей земли опъ радоспней прги.

О Л Ъ Д Р И Х Ъ И В Ы Г О Н Д У Б Ъ

(или о побѣдѣ Поляковъ).

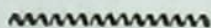

Сбиралися владыки, ровно семь владыкъ,
Сбиралися съ удалыми въ шопъ черный лѣсъ; (110)
Тудажъ и Выгондубъ спѣшишь въ ночь шемную,
Съ дружиною спѣшишь; дружины спо мужей;
У всѣхъ у нихъ мечи въ ножнахъ изоспрены,
И всѣ они владѣшь мечами свѣдомы,
Къ любимому вождю горяшь усердіемъ.
Пришли они въ шопъ черной лѣсъ, въ глушь самую,
И подали другъ другу руки правыя,
Заводяшь разговоръ словами шихими.

Ужь за полночь и близко утро сѣрое;
И молвишь Выгондубъ шушь Князю Ольдриху:
“Послушай шы меня, о Велеславный Князь,
Богъ даль шебѣ и умъ и храбросшь рьяную;
Веди шы насъ, веди прошивъ Поляковъ злыхъ,
На брань пойдемъ, на люшую, въ огонь пойдемъ.
Впередъ, друзья! мужайшеса, Богъ помощь намъ!”
Тушь прапоръ Князь схвашилъ въ десницу мочную,
Схвашилъ, вскричалъ: “за мной, друзья, Поляковъ бишь!
Карашъ враговъ любезнаго опечесшва!”
Тушь осмь владыкъ за Княземъ въ слѣдъ, за Ольдрихомъ,
Всѣ ринулись обьяшыхъ сномъ Поляковъ бишь,
Взошли они на верьхъ горы, гдѣ лѣса край:
Спишь Прага вся, спишь упреннимъ, глубокимъ сномъ;
Подернуша шуманами Волшава вся. (111)
За Прагою вершины горъ синьюшеса,
За оспрыми вершинами воспокъ горишь.
Спускаюшеса съ горы долой шихохонько,
Оружье же подъ плашье прячушь Вишязи.
Идешъ паспухъ, съ рожкомъ идешъ бересшянымъ,
Впустишь себя во градъ у спража просишеса;
Впускаешъ спражъ, враша градски опворены.
Идешъ паспухъ, чрезъ мосшь идешъ, въ рожокъ шрубя;
За нимъ и Князь, и осмь владыкъ съ дружинами,
Всѣ ринулись, въ шрубы шрубашъ, и въ бубны бьюшь,
На мосшь спяги посшавили; подъ шяжесшью
Погнулся мосшь. Поляковъ сонныхъ спрахъ обьялъ,
Хвашаюшеса не помня за оружье;

Ихъ рубишь Князь и осмь владыкъ съ дружинами;
Пощады нѣтъ, нѣтъ хищникамъ опечесшва,
Къ врашамъ бѣгушь, чрезъ валъ бѣгушь, и гибнушь всѣ.
Такъ Богъ единъ, шакъ Чешскій Богъ побѣду далъ;
Весь неба сводъ свѣшило дня заапишь опяшь,
И крошкій миръ восшалъ опяшь по всей землѣ;
Вѣсь радосшна разносится по Прагъ всей,
Изъ Праги же по всей землѣ, по Чешской всей. —

БЕНЕСЪ ГЕРМАНОВЪ

(или о побѣдѣ Саксонцевъ).

Ахъ, солнце, ахъ, какъ же ты жалосливо,
Что свѣшишь на насъ, ты на бѣдныхъ людей!
Гдѣ Князь, гдѣ опецъ нашъ? гдѣ бранный нашъ людъ?
Уѣхалъ къ Опону (112) далеко опъ насъ.
Опечесиво сирое кто же спасешъ?
Тянулись длинны Саксонцевъ ряды,
Опъ древнихъ Згоръльскихъ (113) пшнулись горъ;
“Что ешь все опдайше, все, все, бѣдняки,
И скопъ, и пожипки, мѣдъ, злапо, серебро,
Или воспылаешъ мгновенно вашъ край!”
Все выжгли Саксонцы, все выжгли враги,
Одни пепелица курящія вездѣ;
Все побрали злапо, угнали весь скопъ,
И далѣе сами ко Троскамъ пошли.

*

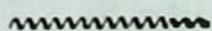
Ты сельской людъ, бѣдной, не плачь, не шужи!
Ужъ правка младая роспешъ для шебя,
Такъ поппална долго копышомъ чужимъ.
Вы дѣвушки красны, плешине вѣнки,
Изъ юныхъ плешине цѣшкковъ полевыхъ
Тому, опъ плѣненья кно Чешскій спасъ край!
Смопреше: ужъ озимъ спала зеленѣшь;
Какъ все премѣнилось, и скоро какъ все!
Людъ Бенесъ Германовъ сзываетъ на брань;
Онъ мужесшвомъ, силой оспришь ихъ сердца.
Собрался Людъ сельской въ лѣсу подъ горой;
Цѣпы, что молошашъ, оружье все ихъ.
А Бенесъ, а Бенесъ? Онъ ѣдешъ впередъ
За нимъ весь Людъ бранный, весь вопишь. “ Опмсшимъ!
Опмсшимъ мы Саксонцамъ, злодѣямъ, врагамъ!”
Тушь спороны объ вспылали войной,
Тушь буря воспала въ ушробахъ мужей,
Мужей, распаленныхъ взаимной враждой,
И взорами злобно сверкнули они.
Какъ въ шемномъ опъ бури идешь прескъ въ лѣсу,
Такъ копы в широкоемъ раздолы прещашъ;
Какъ молнія небо освѣшишь когда,
Такъ оспрые въ полъ сверкаюшь мечи.
Крикъ бранный глушишь всю окресшну спрану;
Всѣ звѣри лѣсные опъ спраха бѣгушь,
Всѣ пицы небесны опъ спраха лешашъ,
До прешьяго верьха лешашъ они горъ.
Пошоль по горамъ шѣмъ опъ сѣчи шой гуль,

Какъ шумъ опть паденья дебелихъ деревъ ;
Такъ спороны обѣ упорно дрались,
Какъ вкопаны въ землю спояли онѣ,
Врагу не давали ни шагу впередъ.
Тушъ Бенесъ къ горѣ усшремился крушой,
На коей каменя ломали давно ;
Махнешъ онѣ на право , махнешъ онѣ мечемъ,
Туда же и сила вся ринешся вдругъ ;
Махнешъ онѣ на лѣво , махнешъ онѣ мечемъ,
Туда же и сила , какъ буря валишь ;
На Нѣмцовъ каменя всѣ рухнули въ доль ,
И Нѣмцы шѣмъ доломъ въ смященьи бѣгушь ;
За ними вся сила съ горы , какъ пошокъ ;
Тушъ сколько ихъ было , побили ихъ всѣхъ. —

Я Р О С Л А В Ъ .

(или о великихъ бояхъ Хрисціанъ съ
Ташарами.)

Воспѣваю , брашья , повѣспь велеславу
О великихъ бояхъ , о сраженьяхъ люпыхъ ;
Преклонише , брашья , къ шой повѣспи слухъ вашъ !
Въ спранѣ , гдѣ зланыя кресы Божьихъ храмовъ
Къ облакамъ возносишь Оломуць преславный ,
Есть гора Госпинска , гора невысока ;
Тамъ Божія Машерь дѣла шворишь чудны ;
Миръ долго блаженный цвѣль въ обласпи нашей
Цвѣли съ нимъ искусва , шорги , изобилбе ;
Но гроза военна ошь восшока вспала ,
Вешала за прекрасну дочь Кублая Хана ,
Кою Хрисціане безъ вины убили ,

Камнями драгими, жемчугомъ прельсшаяся ;
Прекрасна , какъ мѣсяць , полный , восходящій
Изъ за горъ высокихъ , изъ за шемна лѣса ,
Прекрасна , разумна дочь была Кублая ;
Слышавъ , что въ справѣ шой , гдѣ садится солнце ,
Много ешь народовъ , чуждыхъ , не знакомыхъ ,
Вѣдашь , знашь хопъла ихъ Царевна нравы ,
Сѣла въ колесницу , убранну богато ;
Съ ней шудаже сѣли двѣ дѣвицы красны ;
Десяшь бодрыхъ юношъ , храброспью опличныхъ ,
Здравье , чеспъ Царевны берегли , хранили .
Запаслись чѣмъ надо въ пушь , дорогу дальну ,
Ѣхали шуда все , гдѣ садится солнце .
Какъ заря по упру , какъ заря румяна ,
По воспочну небу , синему алѣенъ ,
Тако дщеръ Кублая , хопъ была Ташарка ,
Тѣла красопою чудною сѣла ;
На главѣ покровъ былъ златомъ испещренный
Нѣжна , обнаженна выа вся въ мониспахъ ,
Поясъ и запяспья съ камнями драгими .
Удивлялись Нѣмцы красопѣ Царевны ,
Но жемчугу , злашу , камнямъ самоцвѣпнымъ
Удивлялись больше ; ешерегли въ дорогъ ,
И въ лѣсу подъ вечеръ всѣхъ и съ ней убили :
Ахъ , вы , Нѣмцы , Нѣмцы , вамъ и погибашъ бы
Ваше дѣло поршишь , пакоспи пворишь всѣмъ .
Ханъ Кублай , услышавъ , Ханъ Ташарской , сильной ,
Что съ его драгою дочерію спалось ,

Собирашь спалъ войско съ цѣлаго воспока;
Съ нимъ пошелъ шуда онъ, гдѣ сядишя солнце.
То Цари, услышавъ запада просшранна
Собрали и сами войско превелико,
Высшупили въ поле, и на мѣснѣ ровномъ,
Ровномъ, преширокомъ, спанъ расположили;
Тущь они рѣшились Хана дождашься.

Ханъ Кублай весь созвалъ шшабъ свой Черно книжной,
Были въ ешомъ шшабъ знахари шакіе,
Кои, какъ по книгѣ на небѣ чипали,
Чшо въ грядуще время на землѣ случишся.
(Нынѣ, слава Богу, колдуны шакіе,
Къ общему блаженству, всѣ перевелися;
Есть однѣ калдуны съ глазками лихими,
Съ личкомъ умильнымъ, бѣдѣ шворяшь довольно).
Ворожишь вельѣль имъ, чья возьмешь, побьешъ кшо.
Вешалъ въ кружокъ широкой шшабъ весь Черно книжной.
Черну положили шросшь въ средину круга,
Разкололи на двѣ шросшь шу половины;
Первой дали имя самого Кублая,
А другой Царей шѣхъ, съ нимъ чшо воевали,
Вешхими словами надъ шросшьми воспѣли.
Почали шущь шросши съ полу воеваши,
Тросшь Кублая Хана скоро побѣдила;
Радосшь превелика, на коней сядишя,
Сшрояшся поспѣшно въ боевой порядокъ.
Чшо же Христіане? чшо же людъ крещеной?

Ничего не знаюшь о своей напасши ;
Точно, какъ безумны, кинулись полпами.
Тушь и былъ бой первой, люшой бой жестокой ;
Тушь сгуспились спрѣлы, какъ вечерни мраки,
Трескъ идешъ копейный, шочно рокошь грома,
Блескъ мечей, какъ молній частое сверканье.
Храбро бились обѣ спороны прошивны ;
Уже Хрисіане гнали злочеспивыхъ,
Уже къ нимъ побѣда взоръ свой обращала,
Какъ съ просшями прибылъ, въ помощь злочеспивымъ,
Демонской, прокляшой шпабъ шощъ, Чернокнижной ;
Все перемѣнилось, все въ одну минушу,
Хрисіанъ погнали, шочно робкихъ зайцовъ.
Тушь не бой былъ, бойня бѣдвымъ Хрисіанамъ ;
Тамо въ спременахъ конь шацишъ воеводу,
Здѣсь изщепанъ шлемъ весь, мечъ въ куски изломанъ.
На полы разсѣченъ щипъ, и вопъ громада
Копій, спрѣлъ, желѣзковъ, всякаго оружья.
Не было пощады, всѣхъ рубили, сѣкли ;
Тако одолѣли Хрисіанъ поганы,
Возложили шяжку дань, и покорили
Кіевъ спаробышный, Новгородъ проспранный.
Скоро по землѣ всей разнеслась молва ша ;
Въ войны бранъ спали всѣхъ здоровъ кшо, крѣпокъ ;
Собрали чешыре войска съ половиной ;
Началась бранъ паки, бранъ люшѣе прежней.
Между шѣмъ Ташара въ право уклонились ;
Какъ побипъ грозишъ хлѣбъ шуча градоносна,

Мракъ покрылъ всю землю, въ ужасъ природа,
Такъ Ташаръ впаденья ждало Христианство,
Но не знали, съ коею стороны шо будешь.
Всѣ бѣды, напасши ошъ шого родилсь;
Войска неуспѣли вмѣстѣ съединишься,
Воеводы въ войскахъ власшь имѣли равну,
Были не согласны, шакъ и пропустили.
Разразилась шуча надъ главою Угровъ;
Тщешна храбросшь Угровъ, шщешно прошивленье:
Врѣзались въ ряды ихъ злобные Ташара,
Одолѣли, рубяшь, колюшь безъ пощады,
Испребили войско, поплѣнили землю.

Тушь надежда въ сердцѣ Христианъ пропала
Одолѣшь Ташаръ шѣхъ, одолѣшь поганыхъ;
Тушь насшало горе, пуще прежня горя;
Съ плачемъ, со слезами взмолилися къ Богу:
“Восшани, восшани, Господь, въ своемъ гнѣвѣ!
Спаси ошъ враговъ насъ, спаси ошъ презлобныхъ,
И душу, и шѣло пожраши хопящихъ.
Какъ гладные волки овецъ беззащитныхъ,
Такъ насъ обшупили Ташара презлобны;
Единъ Ты Надежда, Спасеніе наше!“
Два жаркіе боя, проиграны нами;
Ташара ужъ въ Польшѣ, шамъ спали на время;
Все жгущъ, пустошанъ все, идущъ къ Оломуцу.
Восшала бѣда шущъ, какой не бывало,
Ни что не могло шущъ спасишь ошъ поганыхъ;
День бились, два бились; и день, и ночь бились;

Бой равный; побѣда ни ихъ и не наша.
На прешій день сила валишь къ шѣмъ Ташарамъ;
Какъ мраки осенни подъ вечеръ гуснѣюшь,
Такъ спало Ташаръ шумъ. Какъ чолнъ въ преволненъи,
То бездной грошаемъ, по вынырнешъ паки,
Такъ силлись наши продрахся ко холму,
На коемъ Машъ Божья дѣла шворишь чудны.
“На гору! На гору!” Воззвалъ Вѣнцеславъ шумъ,
Въ щипъ сребренъ ударилъ мечемъ, и высоко
Возвѣялъ Хорутвью, шумъ всѣ ободрились,
Всѣ ринулись паки спѣной на поганныхъ.
Какъ пламень изъ нѣдра земли, шакъ испорглись
Они изъ среды ихъ, шекушь къ горѣ паки;
По склону горы шой широко раздались,
Но къ самой подошвѣ угломъ оенрымъ спали,
И вправо, и влѣво накрылись щипами,
На плеча могучи закинули копя.
Тумъ съ самой вершины горы шой, нль холма,
Спрѣлами пошелъ дождь, пошелъ на поганныхъ;
Тумъ мракомъ покрыла ночь шемна всю землю;
И заперла зраки двухъ воиншвъ враждебныхъ:
Въ шой шѣмъ Христіане себя оградили
Рвомъ, валомъ высокимъ, всю ночь прокопали.

На ушро, лишь спала заря занимаешь,
Весь шаборъ въ движенъи, вкругъ всей онъ горы былъ
И въ даль необъяшну кругомъ просширался.
На пламенныхъ коняхъ несущя Ташара;
Главы Христіански шорчашъ на ихъ копяхъ,

Сомкнулись, и съ крикомъ ужаснымъ спремьяшя;
Но валъ, какъ цвѣтами зелено раздолье,
Спрѣлками усыпанъ; имъ рьяную храброспъ
Въ шу самую минушу дала Машерь Божья.
Спрѣлъ шучу пуспили, спрѣлъ оспрѣхъ каменныхъ.
Тушъ дрогнули злобны Ташара; но вскорѣ
Сильнѣй приспунили, вспымалъ Ханъ ихъ гнѣвомъ,
Весь люшый, Ташарскій народъ разсердился,
Съ прехъ спранъ приспунающъ; ужъ вала доспигли,
Какъ былъ ни высокъ онъ, раскапывашъ спали.
Тушъ сколько дровъ было горы на вершинѣ,
Срубилы, и съ валу пуспили въ поганныхъ,
Какъ прахъ, или груду червей размешали.
Бой долго былъ жаркой уже на равнинѣ;
Но мракъ спель на землю, и шумъ зашпихъ бранный.

О люшое горе! съ високаго валу,
Смоприше, низверженъ спрѣлой Вьнцеславъ шушъ;
Всѣхъ крѣпкою шугой сердца разрывались,
Палящая жажда шомила ушробы,
Иссохшимъ языкомъ лизали росины.
Мракъ шонкій, вечерній сгуснился въ ночь шемну;
Ужъ ясное ушпро; но шихо все было,
Два войска прошивны какъ бы умирились.
День спалъ разгарашъся, палишъ спало въ полдень;
Ошверзли осмягши ушпа Хриспиане,
Усердны моленья шлюшъ къ Машери Божьей,
Къ ней взоры и руки свои проспирающъ,
Возносяшъ на небо, на знойное небо,

Какъ бы ожидая опшолъ спасенья.

“Нѣтъ силъ перпѣшь боль палящія жажды!”

Ропшали другіе; иныеже явно

Вѣщали, что надо Тапарамъ сдаваться.

“За мной, кто пакъ мыслишь, воскликнулъ Веспонъ шумъ,

Смершь лучше, чѣмъ жажда; сдадимся Тапарамъ!

Пить воду досыща у нихъ, други, спашемъ!”

Какъ шуръ разъяренный, вскочилъ Врашиславъ шумъ,

За плеча могучи схватилъ онъ Веспона;

Измѣнникъ, предашель, воскликнулъ онъ грозно,

Безчестье, срамъ вѣчный всего Хриспіанства!

Въ певолю къ Тапарамъ шы хочешь насъ ввергнушь;

Ошь нихъ ли пощады какой ожидашь намъ?

Ждашь милоспи будемъ ошь Бога Едина,

Друзья! не свершите погибели сами;

Богъ въ зной далъ намъ силы, онъ даспъ и не въ зной намъ;

Онъ помощь пошлешъ намъ, пошлешъ ее свыше.

О мужи? Сшыдинесь вы слушапъ Веспона,

Когда бышь мужами прямыми хошите.

На сей ли погибнемъ горъ мы? Ошь Бога

Намъ смершь приключишся; даръ Божій смершь еша.

Тапарамъ ли въ руки себя предадимъ мы?

Свершимъ надъ собою погибель мы сами.

Какъ! Мужу рабомъ бышь, свободному мужу!

Души не спасемъ мы, а шѣло погубимъ!

За мною, за мною, въ храмъ Машери Божьей,

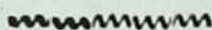
Падемъ шамъ на землю, прольемъ рѣки слезны!”

Тупь все устремились въ храмъ Машери Божьей;
“Воспани, воспани, Господь, въ Своемъ гнѣвѣ!
Возвысь насъ смиренныхъ, возвысь надъ врагами,
Услышь вопіющихъ рабовъ Твоихъ вѣрныхъ.
Избавь опъ Ташаръ насъ, кругомъ обшупившихъ,
Пошли облегченье ушробамъ Ты нашимъ,
Хвалу велегласну Тебѣ воздадимъ мы,
Ташаръ, низложи шы, ихъ самое имя,
Да въ вѣкъ не воскреснутъ враги Христіанства!”

Зри! знойное небо одѣлося мракомъ,
Зри! черныя шучи находяшь съ воспока,
Бушуешь въшрь буйный, рокочешь громъ ярый,
Ударъ за ударомъ, въ шапры бьешь Ташарски,
Дождь ливмя льешь, рѣки шекушь по раздолью.
Казалось природа ждала разрушенья;
Но буря минула, прошли черны шучи;
Усердные вои въ спрой ризулись сами.
Ошвсюду Хоругви возвѣяли вѣрныхъ,
Ошвсюду дружины шекушь къ Оломуцу,
Висяшь изоспренны мечи при бедрѣ ихъ,
Спрѣлъ полные шулы шрясушея за плечми,
Какъ зѣрево, шлемы горяшь ихъ опъ солнца,
Какъ вихри, крушяшея, ихъ борзые кони.
Въ рога зашрубили, ударили въ бубны;
Насшаль бой мгновенно, бой жаркой, кровавой,
Взвилась пыль гусшяя, поднялся крикъ спрашный,
Раздался мечей звукъ, шрескъ копій булашныхъ,
Свисшь въ воздухъ слышенъ, спрѣлъ часшыхъ, каленыхъ,

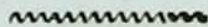
Всѣхъ рубящъ, всѣхъ колющъ, съкушъ безъ пощады;
Здѣсь смерти сшenanье, шамъ радости клки.
Какъ быспры, дождовы бѣгушъ въ долъ пошюки,
Ручьи шакъ кровавы шекли подъ ногами,
Тѣлами усѣянъ широкой долъ смерти.
Топъ палъ съ разсѣченной на полы главою.
Копьемъ сей сраженный, кровь почишъ изъ груди;
Здѣсь всадникъ поверженъ коня подъ копышы,
Во прахъ беспрашный пѣшець разпроспершъ шамъ.
Какъ ломишъ лѣсъ буря, шакъ яросшно, злобно
Иной низвергаешъ въ мракъ гроба прошивныхъ,
Какихъ не услышишъ сшenanій и воплей.
Уже Христiane изъ силъ выбивались,
Ташара спремилсь; приспѣлъ Ярославъ шущъ,
Какъ сизой, кохшишой Орель на добычу.
На персяхъ могучихъ броня; и подъ нею
Решивое сердце; подъ шлемомъ взоръ быспрый.
Гнѣвъ, яросшъ сверкающъ во пламенномъ взорѣ;
Приспѣлъ и погналъ онъ; какъ левъ, зря шекущу
Изъ раны кровь шеплу, шечешъ за ловцами,
Тѣснишъ Ярославъ шакъ Ташаръ изумленныхъ;
Съ нимъ вѣрные Чехи, дружина беспрашныхъ,
Грудъ каждого Чеха щипомъ Ярославу
На сына Кублая спремишъ онъ удары,
Бранъ люша межъ ними; какъ слабы шпроспи,
Они сокрушили булашныя копы.
Всей силой ударилъ мечемъ Ярославъ шущъ,
Разсѣкъ онъ на полы Кубаева сына,

Сей палъ, и въ паденьи надъ нимъ загремѣль шуль.
Побѣгли Ташара; спрахъ, ужасъ объялъ ихъ,
Побѣгли въ спрану шу, гдѣ солнце восходишь,
Такъ вся земля паки свободною спала.

ЧЕСТЬМІРЬ И ВЛАСЛАВЪ.

(или о побѣдѣ надъ Влаславомъ).

Войной повелѣлъ Некланъ

На Князя Власлава вспахъ;
Хвалился Влаславъ надъ нимъ,
Хвалился побѣдою,
Пусшилъ онъ огонь и мечъ
Во земли Неклановы,
Изрекъ о Некланѣ онъ
Слова поношительны.
“Веди мой воинства
Съ Влаславомъ на брань, Чесъмірѣ,
Веди; онъ ругаяся

На брань вызываешъ насъ!“
Воспалъ Чесъмїръ весело
Съ спѣны снялъ свой черный щипъ,
Шеломъ и двузубый млахъ;
Подъ всѣми священными
Древами Спасителямъ
Богамъ принесъ жершвы онъ,
И грозно рекъ воинамъ.
До солнца пошли они,
Весь день шли, и къ вечеру
Увидѣли — дымъ валишъ,
Услышали — ревъ идешъ.
„Кпо веси сожегъ? Влаславъ;
Кпо слезы испоргъ? Влаславъ,
Злодѣйство послѣднее
Свершилъ онъ; я съ воинствомъ
Иду на него Чесъмїръ.“
Чесъмїру опвѣшшвующъ:
„Крувой наши веси сжегъ,
Крувой опогналъ спада,
Воймира плѣнилъ Крувой.“
Вскипѣлъ Чесъмїръ яростью,
Вскипѣлъ на Крувой онъ;
Огонь брани люшья
Изъ груди широкія
По членамъ пошекъ его.
„Сегодня опдохнемъ мы,
А завпра врага карашъ

Съ лучами дия первыми!“
Цѣль всюду высокихъ горъ,
Съ шѣхъ горъ смошришь солнышко,
По шѣмъ горамъ войны
Идушь, въ сердцѣ брань неся,
Ко граду идушь шому
(А градъ на горѣ споншь),
Гдѣ держишь Крувой въ плѣну
Войміра и съ дочерью,
Прелесшною, милою,
А держишь во узахъ онъ.
Тамъ клялся Неклану онъ,
Тамъ клялся онъ въ вѣрности,
И шамъ измѣнилъ ему,
И шюю измѣною
Людей ввергнулъ въ пагубу.
“ На гору, вскричалъ Чесшмиръ
На гору! предъ вами градъ.“
И войны на гору
Взлешѣли, и ринулись
На градъ, вѣроломный градъ;
Пошла съча люшая
Мечами булашными.
Крувой, какъ свирѣпый волъ,
Ревешъ на градской спѣнѣ,
Ревешъ на мужей своихъ,
Оспришь ихъ на брань сердца,
А Пражанъ мечемъ съчешъ.

Какъ древо великое
Капяся съ горы крупой ,
Валишь дубовъ множество,
Такъ вои Неклановы
Ко граду спремилися.
Съ прошивной спраны на градъ
Ударишь вельѣзь Чесъмиръ ,
Чрезъ валъ прескочишь вельѣзь;
Усердные Пражане
Взметѣли пошчасъ на валъ ,
Ошколь шель спрѣлами дождь ,
Ошколь мечи оспрые
Сверкали , какъ молнѣя ,
Ошколь великѣя
Древа въ нихъ капилися ,
Взметѣли , и швердый градъ
У нихъ подь пяшою спалъ.
‘Изыди изъ мрачныхъ спѣнь ,
Изыди на свѣшь , Воймиръ ,
И съ милдою дочерью ,
Приди на скалу узрѣшь
Текущу Крувоя кровь
Подь оспрой съкирою!’
Иходишь изъ мрачныхъ спѣнь ,
Иходишь на свѣшь Воймиръ
И съ милою дочерью ,
И зришь своего врага ,
Крувоя пекущу кровь

Подъ оспрой сѣкирою.
Корыспь, чья была она,
Къ мужамъ шѣмъ послалъ Чеспѣмѣрь,
Съ корыспью и дѣва въ домъ,
Во свой возврашилася.
И хочешъ принесешъ Воймѣрь,
Богамъ принесешъ жершву шущь.
“Нѣшъ, нѣшъ, Воймѣрь, ему рекъ Чеспѣмѣрь,
Помедлимъ мы жершвою;
Намъ должно спѣшишъ шеперь.
Зане намъ безмершныи,
Власлава предашъ хопяшъ;
Мы въ полдни же будемъ шамъ.
Сшупай же, Воймѣрь, возми
Врага шы оружіе!”
Радъ, весель Воймѣрь вельми;
Воскликнулъ онъ въ радости,
Воскликнулъ къ безмершнымъ онъ
Изъ груди могучія,
Чшо горы съ расшущими
Древами высокими
Его повшорили гласъ:
“Не гнѣвайшесь, Боги, вы,
Чшо дымъ жершвы шущныя
“Въ сей день не вскуришся къ вамъ!”
“Оспанемся должны мы
Спасишелямъ, рекъ Чеспѣмѣрь,
Намъ нужно къ врагамъ послѣшъ,

На коней, на борзыхъ съешь.

Еленьими скоками

Чрезъ лѣсъ прескочи, Войміръ,

Въ дубраву Священную,

Скала въ шой дубравѣ ешь,

Богами любимая

Скалы шой на маковкѣ

Ты жершву вскури Богамъ,

Обильную, шучную

За прежню, дарованну,

Побѣду великую,

И шу, что насъ ждешъ шеперь.

Ты, прежде, чѣмъ солнышко,

Взойдешъ, будь на мѣспѣ шомъ,

И прежде, чѣмъ при шага (114)

Надъ мрачной вершиною

Того лѣса шемнаго

Оно спушишь красное,

Я буду и съ войскомъ шамъ,

Гдѣ жершва, Войміръ, шволя

Вскуришся подѣ облаки,

И гдѣ, мимо идучи,

Всѣ войска поклоняшя!“

На борзаго съль коня

Войміръ, прескочилъ чрезъ лѣсъ,

Еленьими скоками,

Въ дубраву Священную,

Въ дубраву, гдѣ ешь скала;

Богами любимая.

Скалы шой на маковкѣ

Онъ жершву вскурилъ богамъ,

Обильную шучную,

Заклалъ краву ялову,

Червленую шерспию

(Паслася въ лугу она

Поемноъ, въ гуспой справъ),

А далъ за нее Войміръ,

Коня, и съ уздою далъ.

Пылаешъ огонь жершвенный

Дымъ всходишъ подь облаки

Идушъ мимо войны,

Идушъ по единому

Безмершнымъ глася хвалы.

Ихъ гласы хвалебные

Скала вפורишъ, шемный лѣсъ;

Когда же послѣдніе

Шли вон, возсѣлъ Войміръ,

На борза возсѣлъ коня,

Киспень же и палицу

Велѣлъ за собой везши.

Такъ шли до полдень они;

Тушъ силу Влаславоу,

Въ пяшь крашъ ихъ сильнѣйшую,

Увидѣли Пражане.

Какъ шуча чернѣлася

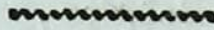
Она между двухъ лѣсовъ,

Въ равнинѣ чернѣлася;
Изъ шучи сей слышатъ былъ
Вой псовъ, страшно лаянъе.
„Врага одолѣшь, Чесъмѣръ,
Ни какъ не возможемъ мы!
Когда прешибаетъ кѣй
Дебелую палицу?“
„На все надо мудру бышь,
Въ огласку не все пускашь;
На чпо намъ челомъ, Воймѣръ,
Противу скалы перешь?
Туръ силенъ; но хипрая
Проводишь лиса его.
Число нашихъ видно войскъ
Влаславу на сей горъ;
Съ горы сей скорѣе въ долъ,
Чшобъ пѣ, кои шли впередъ,
Позадъ проходили бы.“
Такъ войска и сдѣмали;
Кругомъ обошли горы
Пяшь крапъ, пѣмъ умножили
Число предъ врагомъ свое,
По низкимъ разсыпались
Куспамъ, чшобъ оружіе
Горѣло въ равнинѣ ихъ.
Изшелъ шупъ Чесъмѣръ на брань,
Изшелъ же съ полками онъ
Чешырема, счепными;

Съ нимъ прясъ (115) съ своей свишою,
Со спрахами блѣдными,
Изъ шѣней кущовъ изшелъ,
Изшелъ осаждаши онъ
Влаславово воиншво.
Изъ долу исходъ врагу
Съ полкомъ заспунилъ Войміръ,
Спалъ съ боку Влаславу онъ.
Какимъ же шупъ крикомъ долъ
И лѣсъ огласился весь;
Какъ горы съ горами бы
Сспунились съ распущими
Лѣсами дремучими;
Такъ войска спремилися,
Спремилися два вождя.
Власлава сразилъ Чеспьміръ;
Не можешъ Влаславъ восщашъ,
Морена (116) глаза его
Могильнымъ смыкаешъ сномъ.
Кипишъ кровь горячая,
Багришъ она землю всю;
Душа изъ спенящихъ ушъ
Изшла, и лешала вокругъ,
Доколь не сожженъ былъ шрупъ. (117)
Разсыпалось воиншво
Власлава во весь спраны
Гдѣ шолько могло оно
Спасшися онъ оспраго

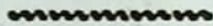

Меча побѣдителей.
Къ Неклану предсаль Чесъмїрь,
Съ корысшью врага предсаль;
Блеснулъ шухъ Неклана взоръ,
Блеснулъ свѣшлой радосшью.

Л Ю Д И Ш А И Л Ю Б О Р Ъ .

(или о славномъ съданьи.) (118)

Спары, млады! всѣ внимайше
О биввахъ единоборешвахъ:
Жилъ когда-шо Князь Залабскій, (119)
Славный Князь, богашый, добрый,
И имѣлъ онъ шщерь едину.
Кшо ни взглянешъ, всякъ полюбишь,
Такова краса-дѣвица:
Высока, спройна, спанъ шонкій,
Бѣлолица, очи ясны,
И горяшь, какъ въ небѣ звѣзды,
Розы цвѣшь ланишы нѣжны,
А по бѣлой выѣ выюпся
Волосовъ колечки русы.
Князь послалъ гонцовъ къ Боярамъ

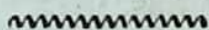
Съ приказаньемъ, чшобъ съѣзжались
Въ шеремъ всѣ на пиръ веселый.
И когда былъ день назначенъ,
Всѣ съѣзжались Бояре,
Всѣ изъ самыхъ дальнихъ краевъ,
Пировашь и веселишья.
Слышенъ гласъ липавръ, гласъ прубный
Входяшъ всѣ Бояре къ Князю,
Всѣ шворяпъ поклонъ пренизкой
Напередъ ему, Княгинѣ,
И его прельпой дщери;
За сполы саяшся длинны
Всякъ по чину, по природѣ.
Разносили яспвы дивны
Медовы напшкы крѣпки;
И былъ пиръ веселый, славный,
Сполованье, споль почешный.
Разспунилась сила въ членахъ,
Разспунилась бодрость въ мысляхъ;
И промовишъ Князь Боярамъ:
„Вы послушайте, Бояре,
Я за чѣмъ сюда васъ созвалъ!
Я хочу, хочу извѣдашь:
Чья рука въ бою сильнѣе;
Посреди спокойшва, мира
Должно бышь гошову къ бою;
Намъ вездѣ сосѣди Нѣмцы.“
Князь умолкъ; Бояре вспали,

Опшъ споловъ дубовыхъ, длинныхъ,
Поклонилися всѣ Князю,
Поклонилися Княгинѣ,
И его прелѣпой дщери.
Слышенъ гласъ лишавръ, гласъ шрубный;
Всякъ гошовъ къ единоборству,
Всякъ огнемъ пылаешъ бравнымъ.
На дворѣ, дворѣ шеремномъ,
На крыльцѣ широкомъ, красномъ
Князь сидѣлъ, и съ нимъ Бояре,
А съ Боярыни Княгиня,
А съ дѣвицами Людиса.
И промолвишъ Князь Боярамъ:
„Первый рашовашъ кшо будешъ;
Дѣлу я шому усшавщикъ.“
Тупшъ онъ кажешъ на Сшрибора,
И Сшриборъ, гошовый къ бою,
Вызываетъ Людислава.
На коней возсѣли оба,
А въ десницы взяли копы,
На концѣ съ желѣзкомъ оспрымъ;
Другъ на друга успремилисъ,
Долго билисъ, напоследокъ
Оба копы преломили,
Оба выбилисъ изъ силы,
Уклонилисъ оба съ боя.
Слышенъ гласъ лишавръ, гласъ шрубный;
И промолвишъ Князь Боярамъ:

„Кпо вторый сражашь будешъ,
То Княгиня успановишь.“
И Княгиня въ шужь минушу
Указала на Серпоша;
И Серпошь, гошовый къ бою,
Вызываетъ Спишибора,
На коней возсъли оба,
А въ десницы взяли копыи
На концъ съ желъзкомъ оспрымъ;
Серпошь гонишь Спишибора,
Изъ сѣдла, изъ крѣпка вышибъ,
Самъ съ коня скочилъ, и оба
На мечи кладушь надежду,
И мечи скользящъ по шлемамъ,
Искры сыплюшся изъ шлемовъ.
Спишиборъ Серпоша рубишь,
Сей падешъ на хладну землю;
Оба выбились изъ силы,
Уклонились оба съ боя.
Слышенъ гласъ лишавръ, гласъ шрубный;
И промолвишь Князь Болрамъ:
„Трешій рашовашъ кпо будешъ,
Успановишь по Людиша.“
И Людиша въ шужь мунушу
Указала на Любора;
И Люборъ гошовый къ бою,
Вызываетъ Болемира.
На коней возсъли оба;

А въ десницы взяли копы
На конць съ желѣзкомъ оспрымъ;
По двору шеремну скачущъ,
Мешяшъ копыми въ другъ - друга.
Болемиръ падеть сраженный,
Щипъ его лешишъ далеко;
Оглушеннаго ударомъ
Понесли его шупъ съ бою.
Слышенъ гласъ лишавръ, гласъ шрубный;
Вызывалъ Люборъ Рубуша,
Сей на конь пошчасъ садися,
Наскакаль, разишъ Любора;
Но Люборъ мечемъ по древку,
Древка нѣшъ. Люборъ Рубуша
Оглушилъ ударомъ новымъ;
Сей падеть на хладну землю,
Понесли его шупъ съ боя.
Слышенъ гласъ лишавръ, гласъ шрубный;
Вызывалъ Люборъ Бояръ шупъ:
„Выходи кшо хочешъ бишься,
Чесъ пріашъ единоборшва.“
И былъ говоръ межъ Бояры;
Ждешъ Люборъ, и вопъ со длиннымъ
Копіемъ въ десницъ мочной
(На копъ глава Турина)
Выспуналъ Здѣславъ, и гордо
Рекъ: „опецъ побилъ мой Нѣмцовъ,
Дѣдъ убилъ свирѣпа Тура

Испышай мою пы храбросшь.“
На коня съль яробуйна,
Другъ на друга усшремилсь,
И сперлись глава съ главою,
И съ коней упали оба.
Ужь мечи сверкають оспры,
Сильныхъ мышць звучащъ удары;
Подскочилъ Люборъ къ Здѣславу,
Рубишь шлемъ, и шлемъ распался;
Вышибъ мечъ ударомъ сильнымъ,
Залешълъ мечъ за ограду,
Паль Здѣславъ на хладну землю.
Слышенъ гласъ липавръ, гласъ шрубный,
Вкругъ любора всѣ Бояре
Повели его предъ Князя,
Предъ Княгиню, предъ Людишу;
И Людиша возложила,
Изъ своихъ прелѣпныхъ ручекъ,
На него вѣнокъ дубовый. —

ЗАБОЙ, СЛОВОЙ И ЛЮДЕКЪ.

(или о великомъ кровопролитіи.)

Изъ лѣсу, изъ чернаго,
Гора челомъ выдалась;
На шой горѣ младъ Забой,
Сидишь, думу думаешь,
Сидишь, озираешся
На всѣ кругомъ спороны;
Впослѣдокъ взмушился онъ,
Всѣмъ сердцемъ взмушился онъ,
Вспоналъ голубочкомъ онъ,
Пусшился оленемъ онъ,
Со шой горы въ черной лѣсѣ,
Спѣшилъ по всей обласпи,
Ошъ сильнаго къ сильному,
Всѣмъ рекъ слова крашкія;

Часть I.

Пошомъ поклонился онъ
Богамъ свося земли.

День минулъ, два минуло,
На шрешій, когда свѣшилъ
Свѣшилъ мѣсяць на небѣ,
Сошлись мужи въ черной лѣсѣ,
И съ ними Забой младой;
Повелъ онъ ихъ лѣса въ глубь,
Въ глубь лѣса, въ глубокой доль,
А самъ внизъ спустился онъ
Еще въ глубочайшій доль,
Взялъ гусли звончашыя
„О мужіе, брашіе!
(Запѣлъ заунывно онъ,
А въщими перстами
Подъ ладъ спалъ подбигривашъ
На гусляхъ звончашыхъ шѣхъ),
Изъ сердца пою вамъ пѣснь,
Изъ сердца, разшерзанна,
Кохшями унынія.
Опець ко опцамъ опшелъ,
Оспавилъ онъ дѣшочекъ,
Оспавилъ онъ Любушку,
Не рекъ никому шо онъ:
„Ты, браше, промолви имъ
Словами опецкими!“
А въ опчину, въ дѣдину
Пришли незнакомые,

Пришли съ власпью, силою;
Чужимъ заповѣдали
Языкомъ намъ дѣлаши
По ихъ все обычаемъ
(А мы не привыкли къ нимъ):
Едину жену имѣшь; (120)
Изъ роцей повыгнали
Всѣхъ врановъ мы коихъ чшимъ.
Велѣли намъ кланяшся
Богамъ своей земли;
А нашей богамъ земли
Челомъ запрешили бишь,
Давашъ ѣшь имъ въ сумерки.
Куда на моленіе
Опець и дѣдъ хаживалъ,
Посѣкли дубравы шѣ,
Разрушили всѣхъ боговъ.“

„Ты сердцу поешь, Забой,
Поешь среди горя шы;
Такъ пѣлъ Люмиръ нѣкогда,
И къ цѣнью всѣ обласпи,
И градъ Вышеградъ склонялъ.
Такъ шы днесъ склоняешь насъ;
Пѣвца боги милуюшъ
Ошъ нихъ шебѣ пѣшь дано.
Пой гибель, Забой врагамъ!
Воззрѣлъ на Славоевы
Забой зраки гнѣвные,

И пѣніемъ далѣ
Ловилъ его сердце такъ:
„Два сына, копорые
Расли, спановилися
Мужами, ходили въ лѣсъ,
И въ немъ укрывалися.
Тамъ млапомъ, мечемъ, копьемъ
Училися дѣйствовать,
И весело, радостно
Домой возвращалися;
Когдажъ укрѣпилися
Умы ихъ и силы ихъ,
И братья повѣросли,
То всѣ на враговъ они,
Всѣ въ полѣ, и былъ ихъ гнѣвъ,
Какъ буря небесная;
И въ опчинѣ, въ дѣдинѣ
Блаженство по прежнему.“

Тутъ всѣ соскочили въ долъ,
Къ Забою и начали
Его прижимають къ груди,
И класють руки сильныя
Съ одной на другую грудь,
Даваютъ слово вѣрное.
Смѣнялася упрямъ ночь;
Тутъ всѣ разошлись они,
Во всѣ разошлись спраны
Того лѣса чернаго.

День минулъ, два минуло,
На шрешій, когда по всей
Земль зашемнѣлась ночь,
Пошолъ Забой съ войскомъ въ лѣсъ,
Пошолъ Славой съ войскомъ въ лѣсъ.
Всякъ вѣру къ вождю имѣлъ,
И сердце прошивное
Тому Краю чуждому,
И оспро оружіе
Въ рукахъ на него всякъ несъ.

„Гей, брата, Славою, гей!

Туда къ верху синему,
Ошколь вся видна спрапа,
Туда правипь будемъ слѣдъ.
Опъ шой горы шемной лѣсъ
Идешъ къ солнцу раннему,
Тамъ руки дадимъ себѣ;
Теперь шы лисой спупай,
Я шакже туда пойду.“

„Гей, брата, Забою, гей!

За чѣмъ намъ съ горы сперва
Оружіе въ доль неспи?
Ошсюда ударимъ мы.“

„Коль хочешъ, Славою, шы,
Коль хочешъ змію убишь,
Ты бей по главѣ ея,
А шамо глава ея.“

Пошло войско лѣсомъ шѣмъ;

По слову Забоеву
Пошло въ праву спорону;
По слову Славоеву
Пошло въ лѣву спорону,
Къ шому верьху синему.
Когда жь солнце пѣшое (121)
Взошло надъ главами ихъ,
Себъ руки подали,
И лисьими зраками
Смошрѣли на Людека.

„Онъ высшавишь Людекъ намъ
Всю рашь подь единъ ударь.
Рабъ, Людекъ! шы власшвуешь
Себъ надъ подобными;
Скажи повелишело,
Скажи своему: чшо дымъ
Его повелѣнье намъ.“

Вскнипѣлъ Людекъ яросшью,
Кричишь зычнымъ голосомъ,
Кричишь своимъ воинамъ;
Горѣло, какъ зарѣво,
Ошъ солнца оружье ихъ.
Гошповы всѣ ногу въ шагъ,
Гошповы всѣ руку въ бой
По манию Людека.

„Гей, братае, Славою, гей!
Туда шы спѣши лисой,
А я въ чело самое

Ударю на Людека.“

Какъ шуча, какъ градная,

Забой впередъ бросился;

Какъ шуча, какъ градная,

Славой въ бокъ имъ бросился.

„Здѣсь, брашіе, мужіе,

Здѣсь боги поруганы,

Дубравы посѣчены,

И враны распуганы!

Намъ боги помощники;

Побѣду дадутъ они.“

И яростно съ Людекомъ

Къ Забою спремился врагъ,

Нѣшь смѣшы, числа ему;

Какъ молнія, грозными

Очами сверкаючи,

Съ дружиной Забой своей

Несется на Людека.

Двумя они дубами

Высокими кажутся,

Сспунишься хопящими;

Такъ грозень, шакъ ярощень

Забой прошивъ Людека.

Мечемъ Людекъ кожи при

Въ щипъ разрубилъ его:

Забой поднялъ шяжкой млашь,

Скокъ Людекъ, проворно скокъ;

Во древо млашь грянулся,

На воиновъ древо шо
Упало, и придесяшь
Собой задавило ихъ.
Вскипѣль Людекъ яростью:
„Гой ты, подколотый змѣй,
Ты люшая гадина,
Побейся мечемъ со мной!“
Ударилъ мечемъ Забой,
И край опрубилъ щипа;
Скользнулъ по Забоеву
Щипу лишь мечъ Людека.
Кипяпѣ оба яростью,
Часпяшь спрошивника
Ударами сильныхъ мышцъ,
Кругомъ ихъ межъ воями,
Идешъ съча люшая,
Течешъ кровь горячая,
Ручьями печешъ она.
Ужъ день въ половину дня.
Забой бѣшся съ Людекомъ;
Ужъ солнце на закашъ,
Забой бѣшся съ Людекомъ.
„Ахъ, враже, знашь бѣсь въ тебѣ!
Зачѣмъ ты кровь нашу пьешъ?“
Схвашилъ опяшь млашъ Забой,
Скокъ Людекъ, проворно скокъ;
Забой поднялъ къ верху млашъ,
Пусшилъ млашомъ въ Людека,

Попалъ въ сердце самое.
Душа вонь изъ Людека,
Млащъ несъ ее пяшь шаговъ (122);
Все воинство Людека
Воскликнуло въ ужасъ,
Все войско Забоево
Воскликнуло въ радости,
Посыпалась искрами
Она изъ очей у всѣхъ.

„Ай, браше, мужіе,
Хвалу воздадимъ богамъ;
Они даровали намъ
Побѣду великую!
Всѣ наши дружины врознь,
Во всѣ разбрелись спраны;
Сводише коней сюда;
Чу, слышите, ржущъ они,
Ржущъ, по лѣсу бѣгающъ,
Забой! ты удалой левъ,
Враговъ доконаешъ ты!“

Забой шущъ бросаетъ щипъ,
Съ мечемъ онъ въ одной рукѣ,
Въ другой съ шажкимъ молотомъ
Себѣ прочищаетъ пушь,
Враговъ гонишь яростно,
Враги вопящъ жалобно,
Бѣгущъ въ страхъ, въ ужасъ.
Ржущъ кони, ржущъ по лѣсу.

„А всядемъ мы на кони,
А всядемъ на борзые;
На нихъ за врагами мы
Лешимъ по всѣмъ обласнямъ.
Несише насъ, кони, вы,
Несише насъ, борзые,
По скорымъ врага пшамъ!“

И войны на кони,
Лешяшъ за врагомъ они,
Лешяшъ чрезъ овраги, рвы;
Лешяшъ врагъ и самъ ошъ нихъ,
Чрезъ горы, лса лешяшъ.
Шумяшъ рѣка быспрая,
Кипяшъ за волной волна;
Все въ волны брасаешъ;
Глошаюшъ враговъ ошъ,
Глошаюшъ ихъ множешво.
Преносишъ на берегъ,
На пошъ берегъ въспочка:
„Разбишъ и разсянъ врагъ!“
Разносишъ далѣ.
Не яспребъ, разширивши
Крилъ свои долги,
Надъ пшицами плаваешъ,
Забоевы войны,
Разсыпавшись, заняли
Пространшво великое,
Бюшъ, гоняшъ вездъ врага:

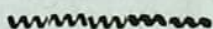
Въ день месць освѣщаетъ ихъ
Злашое свѣпило дня,
Въ ночь кругъ луны серебряный.
Шумишь рѣка быспрая,
Кипишь за волной волна;
Все въ волны бросаешся,
Глошаюшь враговъ они,
Глошаюшь ихъ множешво.
Приносишся на берегъ,
На шощъ берегъ въспочка:
„Разбишь и разсыяшь врагъ!“

„Туда понесемъ мы месць,
Туда къ шѣмъ сѣдымъ горамъ;
Зри, браще, Забою, зри
Тѣ горы близехонько!
Число враговъ малое,
И шѣ просяшь милосши.
Назадъ, въ разны спороны;
Все стубимъ кралевское!“

Не въщры, не буйные,
Бушуюшь въ шемныхъ лѣсахъ,
Забоевы войны
Свою расширяюшь власшь
Во клякахъ шоржешшвенныхъ.

„Ай, браще, мужіе,
Вошь ша гора самая,
Гдѣ боги, спасишели,
Побѣдой вѣнчали насъ,

Гдѣ пало за дѣдину
Немало удалыхъ главъ;
Пойдемъ, воздадимъ имъ долгъ,
Послѣдній, печальный долгъ,
И скажемъ сырой землѣ:
„Покой, машь, сыра земля,
Защипниковъ дѣдины!“
Накормимъ боговъ своихъ,
Къ нимъ гласы молишвенны,
Къ нимъ души возшлемъ свои,
И имъ же оружіе
Побишыхъ въ сей день враговъ!“

З Б И Г О Н Ъ.

(ошсюда начинались пѣсни).

Лешаль сизой голубь со древа на дерево
Лешаль онъ воркуя; онъ шемному лѣсу
Расказывалъ горе, свое люшо горе:
„Лѣсь шемной, дремучій, лешаль по шебѣ я
Съ голубкой, подругой, со милой, премилой;
Ошколь возмись коршунъ, ошколь возмись хищной,
Схвашилъ онъ голубку, схвашилъ въ оспры когши,
Ошколь возмись Збигонъ, ошколь возмись злобной,
Схвашилъ красну дѣвку, схвашилъ, заперъ въ шеремъ.

И молодець ходишь, и бѣдной горюешь,
Вкругъ шерема бродишь, по милой горюешь,
И сълъ онъ на камень, на бѣль, горючь камень,

Вздыхалъ съ вѣперками, молчалъ съ темнымъ лѣсомъ,
Ошколь возмись голубь, ошколь возмись сизой,
И спалъ ворковашь онъ шакъ жалобно, горько,
Чшо молодець бѣдной взглянулъ и промолвилъ:
„ Чшо сизой голубчикъ шакъ жалобно спонешь?
Знашь сизу голубку, знашь милу подружку
Унесъ хищный коршунъ? знашь спонешь по ней пы,
Горюешь по милой? шопъ коршунъ, шопъ хищной,
Сидишь на шой кровль, высокой, шеремной;
Онъ, онъ схвашилъ въ когши драгу, предрагу,
Ошнесъ ее въ шеремъ, въ свой шеремъ высокой.
Кабы пы, голубчикъ, могъ съ коршуномъ сладить,
Кабы въ шебъ билось сердечко решиво,
У коршуна бъ вырвалъ свою пы драгу!
Кабы оспры когши и клювъ плошоядной
У голубя были, у сизаго были,
Ты бъ коршуну хищну ошшибъ крылья сѣры.
Ну, чшожь пы горюешь? Ну, чшожь пы шоскуешь?
Ты молодець доброй, дѣшина проворной;
Есть сердце решиво, оно въ шебъ бѣшся;
Есть молотъ желѣзной, есть сильныя руки;
Спунай же къ злодью, разбей ему черепъ!“

И молодець доброй, дѣшина проворной,
Во весь духъ пушилъ бѣжашь темнымъ лѣсомъ,
Взялъ молотъ желѣзной, взялъ въ сильныя руки;
Повѣсилъ на рамо, на правое рамо,
Спышилъ темнымъ лѣсомъ къ жилищу злодѣя,
Пришелъ темной ночью къ жилищу злодѣя.

Спучишься въ вороша, спучишься въ песовы

Толкаешь песпомъ въ нихъ, полкаешь желѣзнымъ;

„Кшо шамъ? кшо спучишься?“ его окликають;

„Охошникъ, и ночью въ лѣсу заблудился.“

Скрыпаяшъ, ошворились вороша песовы,

Толкаешь песпомъ онъ, полкаешь желѣзнымъ,

Въ другу половину, и насшижь другая.

„Гдѣ дому хозяйнъ?“ „шамъ въ сѣняхъ, въ чуланъ.“

Злодѣй шамъ не помнишь себя опъ веселья,

А дѣвица плачешъ, а красная льешся.

„Скорѣй, ошворяй же охошнику двери!

Но дверь на заперѣ; онъ молопомъ въ двери,

И двери слешьля съ желѣзныхъ пробоевъ,

Заперъ ошлешьля прочъ, и молодець доброй

Убилъ пушъ злодѣя, разбилъ ему черепъ,

Весь шеремъ избѣгалъ, прибилъ всѣхъ до смерпи,

И съ красной дѣвицей, съ своей голубицей,

До солнышка пробыль. Взошло красно солнце,

Взошло, освѣшило лѣсъ шемной, дремучій,

У молодца радосшь: цѣлуешъ, милуешъ

Онъ красну дѣвицу, свою голубицу,

Изъ рукъ не пускаешъ, изъ сильныхъ рукъ мочныхъ.

„Чья эша голубка? чья эша подружка?“

Схвашилъ ее Збигонъ, схвашилъ, заперъ въ шеремъ,

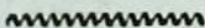
Какъ заперъ меня онъ, меня, бѣдну дѣвку.“

„Лешъ въ лѣсъ, голубка, лешъ въ лѣсъ подружка!“

И сиза голубка, и мила подружка,

Въ топъ лѣсъ помешьля, въ лѣсъ шемной, дремучій,

Лешала, лешала ео древа на древо,
Съ своимъ голубочкомъ; на вѣшкѣ единой
Спала, почивала съ своимъ дружкоймъ милымъ.

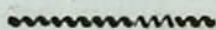

ПУЧОКЪ ЦВѢТОВЪ.

Въспѣшь пихонькой
Въперокъ съ горы,
Бѣжишь милая
Воду черпаша;
Она черпала
Въ ведры кованы.
По водѣ плывешь
Къ красной дѣвицѣ,
Пучокъ розъ плывешь,
Розъ душистыхъ розъ;
Спала дѣвица
Топъ ловишь пучокъ,

Поскользнулась
Ножкой бѣленькой,
И упала, ахъ,
Въ прошечну воду!
„Кабы знала кто,
Розы, васъ сажалъ,
Опдала бѣ шому
Я золóшь першень!
Кабы вѣдала
Кшо, пучокъ, шебя,
Сшебельки швои,
Вязалъ ленпочкой,
Опдала бѣ шому,
Я булавочку
Изъ волосъ своихъ!
Кабы вѣдала
По водѣ пусшилъ
Кшо, пучокъ, шебя,
Опдала бѣ шому
Съ головы вѣнокъ!“

Я Г О Д Ы.

Пошла милая брашь ягоды,
Во зеленой боръ пошла она,
Занозила ножку бѣленьку,
Занозила оспрымъ шерніемъ,
Ахъ, иглой, иглой колючею!
Не спупаешъ она ноженкой,
Не спупаешъ она бѣленькой;
Ахъ, шы остро, остро шерніс!
Ты, игла, игла колючая!
Занозило ножку шы за чѣмъ,
Занозило за чѣмъ бѣленьку?
Я за шо шебя, я вымешу

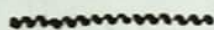
*

Изъ пого бора зеленаго.

„Ты пожди меня, любезная;
Въ холодку пожди подь сосенкой,
Подь высокой, подь кудрявою;
За конемъ я пошчасъ сбѣгаю;
На лужку, на правкѣ шолковой,
Мой пасетъ доброй, бѣлой конь!“

Дожидаешься спала милая
Въ холодку, подь мрачной сосенкой,
Подь высокой, подь кудрявою
Дожидалась долго милая;
Пошихоньку спала плакаши;
„Ахъ! что скажешь, скажешь мапушка?
Ахъ, я дѣвка, дѣвка горькая!
Мнѣ всегда швердила мапушка:
„Берегися добрыхъ молодцовъ!“
Мнѣ чего, чего беречься ихъ;
Они люди, люди добрые!“
Я прѣхалъ на конь своемъ,
Соскочилъ съ коня скорехонько,
Привязалъ его къ шой сосенкѣ
За уздичку, за серебряну.
Обнялъ, обнялъ красну дѣвицу,
Прижималъ ее къ сердечушку,
Цѣловалъ въ уста малиновы.
И забыла красна дѣвица,
Что болишь у нее ноженька;
Закашась спало солнышко,

Закашашься спало красное,
А мы съ нею цѣловалися,
А мы съ нею миловалися.
„Ахъ, пора, пора намъ милой другъ!
Намъ пора, пора, душа моя!
Посмотри: гдѣ красно солнышко?“
На коня вскочилъ скорехонько,
Посадилъ къ себѣ я милую,
Взялъ, ошвезъ ее домой скорѣй.

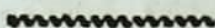
О Л Е Н Ъ.

Бѣгалъ олень по горамъ,
Бѣгалъ олень по крушымъ,
Скакивалъ онъ по доламъ,
Скакивалъ онъ по прямымъ.
Красные роги носилъ,
Тѣми рогами олень
Часу часу продирамъ;
Рѣзвыя ноги имѣлъ,
Тѣми ногами онъ псовъ
Въ лѣсъ онъ гусшой уходилъ,
А и по шѣмъ, по горамъ,

А и по шѣмъ , по доламъ ,
Хаживаль юноша въ бой ,
Мечь при себѣ онъ носилъ ,
Тѣмъ харалужнымъ мечемъ
Дерзкихъ враговъ онъ разилъ .
Вдругъ подскочилъ къ нему врагъ ,
Злобно очами сверкнувъ ,
Молодца молодцомъ въ грудь
(Жалобно лѣсъ зашумѣлъ ,
Юныхъ , кудрявыхъ березъ
Мрачны , зелены верьхи
Долу печально склонилъ) ,
Вышибъ изъ молодца духъ ,
Льется горячая кровь ,
Алою льется струей ,
Кровь , шу сыра земля пьшетъ .
Замерло сердце у дѣвъ ;
Юный любимецъ ихъ спишетъ ,
Въ хладной могилѣ лежшетъ ;
Дубъ зеленѣетъ на ней ,
Вышви млады расширилъ .
Часно приходишь олень ,
Травку , муравку щипашъ ,
Лисья со дубчика рвашъ .
Часно на шопъ , на дубокъ ,
Врановъ садяшся спада ,
Каркаюшъ , ужасъ родяшъ ;

Тонуть дѣвицы въ слезахъ,
Юный любимецъ ихъ спишь,
Въ холодной могилѣ лежишь.

Р О З А. (123)

Ахъ, пы, роза, роза,
Къ чему распустилась
Такъ рано, раненько?
Распусясь позябла,
Позябши увяла,
Увявши опала,
Вечоръ я сидѣла
Такъ долго долгонько,
Пѣшухи пропѣли,
Всю сожгла лучину,
Не могла дождашься
Сердцу дорогаго,

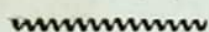

СИРОТИНКА.

Ахъ, вы, лѣса, лѣса шемные,
Темны лѣса, Милешинскіе!
Чшо всегда вы зеленѣете
И весной, и мрачной осенью?
Рада бѣ, рада я не плакаши,
Сами плачущь очи ясныя;
Но скажише, люди добрыя,
Кшо бы, кшо бы не поплакаль здѣсь?
Здѣсь опець мой спинь въ сырой землѣ,
Здѣсь въ могилѣ добра машушка,
И цвѣшы, цвѣшы распушъ на ней;
И цвѣшы, цвѣшы лазоревы!

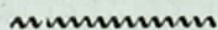
Нѣтъ ни брата, ни сестрицы нѣтъ;
Былъ одинъ, одинъ сердечной другъ,
И того ужъ нѣтъ у дѣвицы!
Нѣтъ у бѣдной сиротиночки!

К У К У Ш К А.

Среди поля дубокъ спонштъ,
И на шомъ дубку куку сидишь,
И кукуешь горемышная:
„Не всегда за чѣмъ весна въ году!“
Поспѣвалъ бы какъ же хлѣбушко,
Кабы цѣлой годъ весна была?
Какъ бы зрѣло въ саду яблочко,
Кабы лѣшо было цѣлой годъ?
Какъ бы сжашой хлѣбъ въ скирдахъ споялъ,
Кабы осень цѣлой годъ была?
Какъ бы шяжко было дѣвиць
Цѣлой вѣкъ сидѣшь во дѣвицахъ!

Душенькѣ милаго.
Мнѣ во снѣ приснилось
Будшо на мизинцѣ
Правомъ распаялся
На пальцѣ мизинцѣ
Золошь, золошь перешень,
Будшо укашлся
Камень самоцвѣшной.
Не нашла я камня,
Камня самоцвѣшна,
Не дождалась друга,
Друга дорогаго.

Ж А В О Р О Н О К Ъ .

Полола дѣвица,
Полола конопли,
Въ зеленомъ садочкѣ,
Въ зеленомъ, боярскомъ.
„ Чшо шакъ приуныма? “
Спросилъ жаворонокъ.
„ Ахъ, милъ жаворонокъ!
Ахъ, вольная пшичка!
Какъ бышь мнѣ веселой?
У бѣдной дѣвицы
Не стало, ахъ, друга,
Сердечнаго друга!

Схвашили, и въ городъ,
Его, ахъ, умчали
Ахъ, ешьлибъ чернила,
Перо и бумага
У дѣвицы были,
У бѣдныя были,
Я бѣ къ милому вѣспку
Съ шобой написала, (124)
И шы, жаворонокъ,
Слешалъ бы шуда съ ней!
Но нѣшь у дѣвицы,
У бѣдной пера нѣшь,
Ей грамошку не чѣмъ
Съ шобой написаши.
Поздравъ же хошь пѣнемъ
Ты милаго друга,
Скажи, что горюю,
Что сердце изныло
По миломъ, по другѣ.

The first part of the paper
 is devoted to a general
 discussion of the
 various methods
 which have been
 employed for the
 determination of
 the constants
 of the system.
 The second part
 is devoted to a
 detailed description
 of the apparatus
 used in the
 experiments.
 The third part
 contains the
 results of the
 experiments and
 a comparison
 with the
 theoretical
 predictions.
 The fourth part
 contains the
 conclusions of
 the work.

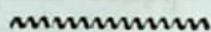
СУДЪ ЛЮБУШИ.

02 P. 1. 10. 11. 12.

Д М И Т Р І Ю П А В Л О В И Ч У

Т А Т И Щ Е В У.

Пусть Муза испорит,
Правдивая, спрогая,
Опишешь со временемъ,
Ташищевъ, дѣла швои,
Какъ вѣрой и правдой шы
Царю служилъ Бѣлому
(То знала Европа вся,
То знало опечесшво,)
На полѣ гдѣ рашуюшь
Перомъ, а не саблею,
Берушь грады швердые,
Твердышь ихъ не рушивши,
Берушь не оружіемъ,
А мудрой полишикой,

*

Наукою дивною,
Не многимъ поняшною,
Нынь Муза поези́н,
Моя Муза сельская
Вѣнчаетъ, о доблїй мужъ,
Въ шебъ благодѣтеля!
Ты былъ Меценатъ ея,
Къ невзвучному пѣнію
Склонилъ ны Царицы слухъ;
Прими же, о доблїй мужъ,
Дань сердца признашеля!
Прими, не умреть она,
Жишь будешь усердіемъ.

С У Д Ъ Л Ю Б У Ш И .

(О Ш Р Ы В О К Ъ).

.....

Всякъ воеводой въ дому своемъ буди;
Мужи орише, съ пашней управляйшесь,
Жены рубахи мужьямъ своимъ шейше.
Дому ль владыка умрешъ именишый
Вмѣспѣ владѣюшъ имѣньемъ всѣ дѣши,
Сспавяшъ владыку новаго изъ рода,
Кой для ихъ пользы въ сеймы славны ходишъ,
Съ Ляшскими ходишъ кмеши и владыки,
Кмеши, владыки Ляшскіе воспали,
Правду всхваляли боговъ по закону.

Сребрены воды чшо мупишь Волшава?
Люша воспала буря за побою,
Черныя шучи небо все покрыли,
Горь надъ вершиной пролились зеленой,
Дно возмушили, дно злапопесчано.

„Какъ мнѣ Волшавѣ, какъ мнѣ не мупиши
Спруй сребропѣнныхъ? два родные брата
Ссорашся крушо о наслѣди опнемъ;
Ссоришся люшый Хрудосъ на Олавѣ,
Злапо влекущей въ непрямомъ шеченьи;
Ссоришся храбрый Спаглавъ на Раддужѣ,
Хладныя воды въ лѣпа зной капящей;
Оба же брата, оба Кленовича,
Спараго рода, въшви Попеловы,
Кой пришедъ въ край сей съ Чешскими полками,
Всюду просперъ въ немъ власшь свою и силу.“

Опъ злапоносной, непрямой Олавы,
Ласпочка дружна прилешѣла, съла,
Съла на красно, съ рѣшошккой оконце
Терема опня, Любушина опня,
Въ градъ престольномъ, въ градъ Вышеградъ,
Съла горюя, плача неушѣшно.

Плачь неушѣшной сестра ея слышавъ,
Въ перемъ опнемъ, въ Любушиномъ слышавъ,
Спала Княжну шу просишь неопшпунно

Въ градъ ея спольный славный сеймъ созваши,
Брашьевъ обоихъ предъ сеймъ шошь призваши,
Ихъ разсудити боговъ по закону.

Тупъ по приказу Любуши послали
По Знашослава опъ Любицы бѣлой.
Гдѣ сушь дубравы шѣнишы, прохладны;
По Люшобора съ холма Доброславека,
Орлицу Лаба гдѣ пьешъ и не выпьешъ;
По Рашибора опъ горъ Креконошихъ,
Труша злощасна сгубилъ гдѣ Санъ люшый;
По Радована опъ каменна моспа;
По Ярожира опъ бродовъ глубокихъ;
По Спрежибора опъ пышной Сазавы;
По Саморода со Мжи среброносной;
И по всѣ кмепи, Ляхи и владыки;
И по Спаглава, по Хрудоса, брашьевъ,
Ссорящя кои объ опнемъ наслѣды.

Ляхи, владыки когда же сошлись всѣ,
Въ зланопреспольный сошлись Вышеградъ всѣ,
Каждый по роду свое занялъ мѣсто,
Съла Княжна шупъ въ бѣлѣйшей одеждѣ,
Съла на опній пресполь въ елавномъ сеймѣ.

Двѣ обучены вѣщанію дѣвы:
Доски у дѣвы одной правдодашны,
Мечь у другія, карающій кривду;

Прошивъ ихъ пламень горитъ правдовѣщій,
А передъ ними вода свяшосудна.

Съ огня, злапаго престола Любуша
Тако просперла къ сейму славному рѣчи:
„Вы, мои Кмещи, Ляхи и владыки!
Се сотворише правый судъ двумъ брашьямъ,
Кои объ ошнемъ ссоряшея наслѣдья,
А сотворише боговъ по закону,
Вѣчныхъ, безсмертныхъ, милующихъ правду:
Вмѣстѣ ль владѣюще имѣнемъ два браша,
Или по часни раздѣляше, по равной.
Вы, мои Кмещи, Ляхи и владыки,
Вы ушвердише мой судъ, приговоръ сей;
Нравенъ ли будешъ онъ вамъ, иль не нравенъ,
Новый успавыше для двухъ законъ брашьевъ,
Кой примирилъ бы вражду несогласныхъ.“

Кланялись Кмещи, Ляхи и владыки,
Почали шихо вѣчашъ межъ собою,
Почали мудры хвалишь Княжны рѣчи.

Тутъ Люпоборъ вспалъ съ холма Доброславска,
Язвумя шако слово говориши:
„Злашопреспольна Княжна, пресловуша!
Рѣчь швою мудру мы уразумѣли;
Гласы народа повели собраши.“

Собрали гласы въ ковчежець священный,
Собрали дѣвы судны, непорочны,
Дали шѣ гласы Ляхамъ возгласиши.

Вспалъ Радованъ шупъ опъ каменна мосна
Язнулся гласовъ число преглядѣши.
Судъ, приговоръ шопъ въ народъ возгласиши.

Оба родные браня Кленовича,
Спараго рода, вѣшви Попеловы,
Кой, пришедъ въ край сей съ Чешскими полками,
Всюду просперъ въ немъ власпъ свою и силу,
Такъ межъ собою, пакъ да примиряшя:
Ошнимъ наслѣдемъ да владѣюшъ вкупъ!

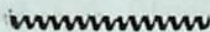
Тупъ воспалъ люпый Хрудосъ опъ Олавы
Злаповлекущей въ непрямомъ шечепи,
Злоба сверкала въ очахъ его гнѣвныхъ,
Всѣ шрепешали опъ люпосши члены,
Туромъ свирѣпымъ взревѣлъ онъ къ народу:
„Горе шпенцамъ шѣмъ, змѣя въ порѣ конхъ!
Горе мужамъ шѣмъ, жена чшо владѣшъ!
Мужу мужами владѣшъ подобашъ;
Дашн наслѣдѣ первенцу ешъ правда!“

Вспала Любуша съ опня, злаша шпола,
Вспала вѣчая: „Ляхи и владыки!
Слышали здѣсь вы мое поруганье;

Сами судите правду по закону.
Больше не буду судить ваших распрей,
Равна себѣ вы мужа изберише,
Кой бы въ десницѣ съ мечемъ вами правилъ;
Дѣвы безсильна рука вами править.“

Вспалъ Рашиборъ шумъ ошъ горъ Креконошихъ,
Язнулся шако слово говориши:
„Правду искаши не хвально намъ въ Нѣмцахъ;
Есть у насъ правда боговъ по закону,
Кою въ край здѣшній принесли съ собою
Прадѣды наши . . . . .“

П Р И М Ъ Ч А Н І Я .

И П Р О С Т Р А Н С Л И Т

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

1. Сія спрофа излилась ошѣ полношы чувспво-
ваній по возспановленіи всеобщаго спокойствія въ
Европѣ, когда возмушишель онаго сосланѣ былѣ на
оспровъ Эльбу. Есльи, когда-либо законная и
справедливая причина кѣ войнѣ была, по эшо въ
1812 году. Цѣлому свѣшу извѣсшны шогдашнія ми-
ролюбивыя расположенія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА,
и какѣ желалѣ онѣ избѣгнушь кровопролишя, по-
попившаго равнины Бородинскія, при Красномѣ и
Березинѣ. Не на него, а на кровожаднаго его про-
шивника должны были пасшь сіи справедливыя уко-
ризы: шы виною будешь, есльи машь воспла-
чешь о сынѣ своемѣ, убіенномѣ на полѣ рашномѣ,
и жена, о мужѣ своемѣ; ибо опасносшь плѣна, едва
оправдашь можешь убійштво, войною называемое.
Ты виною будешь, есльи запусшбешь нива, есль-
ли пшенцы земледѣлашеля лишашся жизни у шо-
щаго безѣ здравыя пици сосца машери.

2. Подѣ Днѣпромѣ, шекущимѣ Малороссією, ра-
зумѣешся родина Климовскаго, копорой былѣ Ма-
лороссійской козакѣ и жилѣ около 1724 года; въ ИМ-
ПЕРАТОРСКОЙ библиошекѣ хранишся его рукопис-
ное сочиненіе о великодушii и правдѣ въ стихахѣ.

3. Франклинь вѣ Филадельфіи и Ломоносовѣ вѣ Пешербургѣ вѣ одно время изслѣдовали причину элекпрической силы вѣ воздухѣ, и попали на одну и шуже. Чшобѣ слава изобрѣшенія не была приписана одному Франклину, Ломоносовѣ, по убѣжденію своихѣ поварищей, ПрофессоровѣСанкшпешербургской Академіи наукѣ, самымѣ скромнымѣ образомѣ прошесповалѣ прошивѣ сего вѣ словѣ своемѣ о явленіяхѣ воздушныхѣ опѣ элекпрической силы происходящихѣ, предложенномѣ 1753 года Ноября 26.

4. Азѣ бо есмѣ Господѣ Богѣ швой, Богѣ ревнишель, опдаяй грѣхи опецѣ на чада до шрешіяго и чешвершаго рода ненавидящимѣ мене, и шворяй милоспѣ вѣ пысящахѣ любящимѣ мя, и хранящимѣ повелѣнія моя. Исх. XX, 5, 6.

5. Сія бо еспѣ кровь моя, Новаго Завѣша, яже за многія изливаема во оспавленіе грѣховѣ. Машѣ. XXVI, 28.

6. Ядый мою плосѣ, и піяй мою кровь, имашѣ живоспѣ вѣчный, и азѣ воскрешу его вѣ послѣдній день. Иоан. VI, 54.

7. Опче оппусти имѣ: не вѣдятѣ бо, чшо шворяшѣ. Лук. XXIII, 34. Примѣрѣ сильнѣе всего дѣйствуешѣ; Исусѣ запечашлѣлѣ кровію свое ученіе: любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро шворите ненавидящимѣ васѣ, и молишеса за шворящихѣ вамѣ напасѣ, Машѣ. V. 44. Прощашѣ врагамѣ не шолько обиды, самую смерпѣ —

есть поржество одного Христианства. Мы видѣли недавно примѣръ сему въ царственномъ мученикѣ, павшемъ отъ руки злодѣя Лувеля; одинъ Христианинъ можетъ возвыситься до такихъ великодушныхъ чувствованій, копорыя превыше чловѣчества.

8. Той же язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша, и пр. Исаи, LIII, 5.

9. Яко самъ Господь въ повелѣніи, во гласѣ Архангеловъ, и въ трубѣ Божіи снидешъ съ небесе, и мершви о Христѣ воскреснутъ первѣе. 1 къ Солун. IV, 16.

10. Егда же придеши Сынъ чловѣческой, въ славу своей, и вси свяшіи Ангели съ нимъ: тогда сядешъ на пресполѣ славы своей и соберушся предъ нимъ вси языцы, и пр. Матѣ. XXV, 31, 32.

11. Пс. CI, 27, Исаи, XXXIV, 4, Апокал. VI, 14.

12. Небо и земля преидешъ: словеса же моя не преидушъ. Марк. XIII, 31, Матѣ. XXIV, 35, Лук. XXI, 33.

13. Баснословной Греческой чудотворецъ, копорой проспалъ въ пещерѣ 57 лѣтъ, и проснувшись во сполько же дней состарѣлся; иные же баснословашъ, что онъ никогда не бѣлъ, и нѣсколько разъ воскресалъ изъ мершвыхъ.

14. Произшествіе, взяное изъ временъ междуцарствія (1610—1613 г.); вошъ собственныя слова современнаго лѣшописца (Никон. лѣш. VIII, 167):

съ нимъ же (Ляпуновымъ) убиша Ивана Ржевскаго; Иванъ же ему былъ недругъ велій, а шупъ видя его правду; за него спа, и умре; и крапко, и сильно; ни прибавляшь, ни убавляшь нечего. Левекъ опдаешъ шакже всю должную справедливосшь великому поступку Ржевскаго: лучъ добродѣтели (шакъ пишешъ онъ въ своей Hist de Russie, III, 394) сверкаешъ среди сихъ мрачныхъ злодѣяній: одинъ Русской дворянинъ, по прозванію Ржевской, о которомъ исторія говоритъ шолько для шого, чшобъ мы удивились его концу, давно оказывалъ себя смертельнымъ врагомъ Ляпунову; но шупъ палъ, защищая его. Чшо жъ бы онъ сдѣлалъ для друга? шо же бы, больше пожертвованія бышь не можешъ. Почерпашъ свѣдѣнія о геройскихъ поступкахъ соотечественниковъ изъ иностраныхъ бышописателей конечно пріятно; но еще пріятнѣе изъ собственныхъ, и Русскіе наконецъ скоро будущъ имѣшь исторію, писанную отечественнымъ перомъ, памятникъ славы и добродѣтелей ихъ мужественныхъ предковъ, шполь долго сооружаемой, и шполь неперпѣливо ожидаемой всѣми отечественшлюбшцими. (Эшо было писано въ исходѣ 1817 года, авторъ былъ здѣсь вѣрнымъ опголоскомъ публики.)

15. Святѣйшій Папріархъ всея Россіи, мужъ неустрашимѣйшій (а), отечественшлюбецъ, какого

(а) Когда измѣнникъ Михайло Салшыковъ усшремился на Гермогена съ ножемъ, и хошѣлъ его зарѣзашъ, шо сей схвативши кресшъ, и осѣняя онымъ предалъ Салшыкова прокляшю. Никон. лѣш. VIII, 153. Въ другой разъ когда сей злодѣй

больше не бывало и бышь не можешъ (б), сполнѣ
вѣры непоколебимый (в) Русскіе! онѣ почиваетъ
въ Успенскомъ соборѣ, приходише, съ шеплою лю-
бовію къ опечесшву, покланяшся праху добродѣ-

грозилъ уморить его голодною смершію, ешъли онѣ не ве-
лишь Русскимъ опшупишь опъ Москвы, шо Гермогенъ оп-
вѣчалъ, что онѣ не смерши боишся, а Бога, и не шолько сего
не сдѣлаешъ, но еще благословляешъ храбрыхъ защишниковъ
опечесшва померешъ за православную вѣру (Никон. лѣш. VIII,
161), опвѣшъ, досшойный древняго Римлянина и пасшыря пер-
выхъ вѣковъ Хришціаншва. Неподражаемый Озеровъ не умыш-
ленно вложилъ опвѣшъ монаха въ ушса Героя:

Иди пославшему и возвѣши ему,
Что Богу Русской Князь покоренъ одному.

(б) Изъ языческой исторіи шолько подвигъ Регула можешъ
сравнишь съ подвигомъ Гермогена (Леонидъ по крайней мѣрѣ
имѣлъ ушѣшеніе пасшъ при Фермопилахъ свободный и съ ору-
жіемъ въ рукахъ; Регулъ же и Гермогенъ вкусили смершь уе-
диненную: одинъ въ бочкѣ, набишой гвоздями, другой въ кельѣ
Чудова монашшыря), оба безчешнымъ посшупкомъ могли спа-
спи жизнь свою, и оба предпочли самую мучительную смершь.
Одинъ не хошѣлъ уговорить Римлянъ заключить посшыдвый
миръ съ Кароагенянами, другой приказашъ Русскимъ опшупи-
нить опъ Москвы, обладаемой Поляками, и оба будучи въ плѣ-
ну у злѣйшихъ своихъ непріашелей. Священная память швоя
опчешшволюбець — Хришціанинъ да не оскорбишся, что я сра-
внилъ шебя съ опчешшволюбець—язычникомъ; по великодуш-
ному вашему подвигу вы оба равно велики предъ глазами бла-
гоговѣющаго предъ вами пошомшва, свяшая любовь къ опе-
чешшву, насажденная въ сердце нашемъ самимъ Творцемъ, ру-
ководшшвовала обоими вами. Вѣчный миръ праху вашему вѣр-
ные сыны Рима и Москвы!

(в) Когда другой предашель опчешшва Михайло Молчановъ
подошель въ Успенскомъ Соборѣ къ Свяшшшельскому его благо-
словенію, шо Гермогенъ, пылая Свяшою ревностію, какъ новый
Илія Фесвишянинъ, воскликнулъ: окаянный ерешиче! не подо-
баешъ шебѣ быши въ Соборной и Апосшольской церкви, и ве-
лѣлъ его съ безчешіемъ выгнашъ (Никон. лѣш. VIII, 142).

пельнаго, и онъ будетъ вдыхать въ васъ ни чѣмъ не побѣдимую любовь къ опечесшву. О Москва, священная колыбель славы и добродѣтелей опечесшвенныхъ! Развѣ тогда останешься ты во власти непріятельской, когда имя Россіи изгладится изъ списка царствъ, когда камень на камень не останется опъ великолѣпныхъ твоихъ чертоговъ и храмовъ, когда любопытный странникъ будетъ искашь и не находитъ твоего мѣста. . . . Но скажемъ въ утѣшеніе чипашелей и свое собственное, скажемъ съ авторомъ Марѣы: ты содрогаясь о народъ великодушный! . . . да идешь мимо сей печальный жребій.

16 Одинъ Русской мужикъ, у котораго Французы заклемили руку въ знакъ того, что онъ уже въ ихъ службѣ, и который самъ себя опубликовалъ оную (см. примѣчательныя произшествія, случившіяся въ опечесшвенную войну съ Французами, стр. 31). Вѣчная тебѣ слава храбрый Россіянинъ! говоришь издашель помянушой книжки, малой по величинѣ, большой по содержанию, ты сравнялся съ величайшими героями; простое твое воспитаніе прибавляетъ еще бѣльшую цѣну твоему дѣянію. Имя и мѣсто рожденія сего Русскаго Сцеволы не извѣстно. Скульптура увѣковѣчила его безсмертный подвигъ, такъ изящныя искусства должны служить къ прославленію добродѣтели (а не порока); ихъ долгъ вѣнчать на землѣ небесную звѣзднымъ вѣнцемъ славы.

17. Опспавной Подполковникъ, и Смоленской помѣщикъ, котораго новые Вандалы при впор-

женіи своемъ въ Россію, разспрѣляли за любовь къ опечесшву.

18. Князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгоруковъ, котораго П е т р ъ В е л и к і й, распаленный гнѣвомъ за его справедливыя прошиворѣчія, хотѣлъ заколошь коршикомъ; но сей неустрашимый мужъ, схващивъ его за руку, сказалъ: лучше вели палачу сняшь съ меня голову, ежели находишь виновнымъ, а своихъ Царскихъ рукъ не безчести! и П е т р ъ въ шужъ минушу не шолько укрошилъ гнѣвъ свой, но еще просилъ прощенія у Долгорукова (см. дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и Министровъ, служившихъ въ царствование П е т р а В е л и к а г о, 11, 21). Не знаешь кому удивляешь болѣе: Государю или подданному, или лучше: Государь достоинъ былъ имѣть такихъ добродѣтельныхъ подданныхъ, а подданные такого великодушнаго Монарха.

19. Александръ Великій, которому Клишъ, сынъ его кормилицы, спасъ жизнь на сраженіи при Граникѣ, и котораго Александръ, распаленный виномъ и гнѣвомъ, убилъ изъ своихъ рукъ по окончаніи пиршества.

20. Лудовикъ XVI, названный такъ по предку своему Гугу Капешу, родоначальнику Бурбоновъ.

21. Извѣстный Англинскій человеклюбецъ; онъ умеръ въ Херсонѣ (1790 г. Января 20) отъ прилипчивой болѣзни, которою заразился при осмотрѣ одной при смерти больной женщины. Умирая завѣщалъ

онъ, чшобъ надъ могилой его (она находится въ 4 верспахъ отъ Херсона) посшавлены были солнечные часы; самъ безъ сомнѣнiя хошблъ онъ напомнишь о скорошечности драгоцѣннаго времени, даннаго намъ единспвенно для приобрѣшенiя вѣчности. Мысль прекрасная и нравоучишельная.

22. Извѣспный Французской полководецъ, прославившiйся походами, когда Францiя была Республикою, и на котораго Наполеонъ выдумалъ мнимой заговоръ, бывшiй причиною изгнанiя его въ Сѣверную Америку. По восшанiи Европы прошивъ всеобщаго врага, Моро преплылъ было обрашно Атлантическiя волны, чшобъ примирить раздраженную Европу съ несчастною Францiею; но провидѣнiе опредѣлило иначе, и раненный смершельно Моро окончилъ дни свои отъ операцiи, въ которой опняли у него обѣ ноги.

23. Англинскiй Капитанъ, измѣннически взяшый въ плѣнъ, и котораго палачъ Фуше, по приказанiю главнаго палача Францiи, Наполеона, запыталъ до смерти самыми адскими муками за то, что сей вѣрный сынъ опечесшва не хошблъ опкрышь ввѣренныхъ ему отъ своего правишельства шайнъ.

24. Ангиенскiй Герцогъ, юная опрасль Бурбоновъ, предашельски схваченный злодѣемъ Коленкуротъ, и въ Винценскомъ лѣсу расшрѣлянный по приказанiю Наполеона.

25. Благосшь швоя именемъ и побѣдами Александръ и милосердiемъ Тишь, да не оскорбишь,

что я дерзнулъ по подвигамъ добродѣтели, поспа-
вишь себя на ряду съ послѣднимъ изъ своихъ
подданныхъ.

26. Убійца Генриха Великаго, Короля Француз-
скаго.

27. *Si fractus illabatur orbis ,
Impravidum ferient ruinae.* (Horat.)

28. Генераль-Фельдмаршалъ Князь Михаилъ Ла-
ріоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій скон-
чался 1813 года Апрѣля 16 дня, въ городѣ Бунцлау,
что въ Силезіи, на походѣ противъ Французовъ.
Тѣло его оштуда привезено въ С. Петербургъ и
погребено въ Казанскомъ Соборѣ.

29. Дѣйствительной Тайной Совѣтникъ Гаври-
илъ Романовичъ Державинъ скончался въ половинѣ
2-го часа, въ ночи съ 8-го на 9-е число Іюля 1816
года, въ усадьбѣ своей Званкѣ на самомъ берегу
знаменищаго Волхова.

30. Багримъ, Ташарскій Мурза, или Князь, пре-
докъ Державина, о коемъ онъ не въ одномъ мѣстѣ
упоминаетъ :

Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима....

Что былъ прапращуръ мой Багримъ....

31. Гела, Богиня смерти; она владычествовала
въ Нифлгеймѣ, или адѣ Готскихъ народовъ, со-
стоявшемъ изъ девяти міровъ, обитаемыхъ ду-
шами умершихъ отъ болѣзни, спароси или дру-
гой какой причины, а не на войнѣ убитыхъ. Гела
изображается въ Эддѣ имѣющею ужасной видъ, и
шло шлесно-багроваго цвѣта.

32. Подъ Камскими лѣсами разумѣется родина Державина, копорый родился въ самой Казани 1743 года, Юля 3-го дня; великая же и многоводная рѣка Кама впала въ Волгу Казанской губерніи въ Лаишевскомъ уѣздѣ, и берега ея по большой части лѣсисты и болошны.

33. Въ самомъ верховьѣ Кама протекаетъ черезъ безчисленное множество болошъ, не много выше коихъ находящяся и главные ея истоки: одинъ при деревнѣ Полонской, другой близъ Вошской деревни Борисады, и только въ 7-ми верстахъ разстояніемъ отъ перваго; оба же Вяшской губерніи въ (бывшемъ) Кайгородскомъ уѣздѣ. Географ. Слов. Рос. Гос. Щекашова, III, 174.

34. Валкалла, чертогъ Оденовъ или рай храбрыхъ, обипаемый душами падшихъ въ сраженіи, копорыхъ переселяли шуда Валкирии (valkuriu), или избирашельницы убишыхъ; поелику онѣ избирали шѣхъ, коимъ опредѣлено было пастъ въ сраженіи, среди копораго они будто разбѣзжали на коняхъ, имѣя въ рукахъ обнаженные мечи; въ Валкаллѣ же служили онѣ при пирахъ героевъ, поднося имъ роги крѣпкаго меду или пива.

35. Хушынской Варлаамовъ Спасо - Преображенской монашпырь, въ копоромъ погребено шѣло Державина; монашпырь сей, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи (онѣ основанъ въ 1192 г.), стойшѣ на правомъ берегу Волхова, на мѣстѣ высокомъ и чрезвычайно красивомъ, въ 10-ши верстахъ отъ великаго Новагорода по большой Московской дорогѣ.

36. Къ спр. 54. Произшествіе, слышанное мною не опъ одного челоуѣка, и описанное почти безъ всякихъ прикрасъ; даже меня увѣряли, что опъ, съ кѣмъ это случилось, въ первомъ движеніи ужаса, имѣлъ неосторожность случившееся съ нимъ рассказать въ обществѣ. Будучи вовсе не суевѣренъ, я вѣрю, что произшествіе это могло бытъ; да и что претяпствуемъ вѣришь, когда мы увѣрены въ бытіи существа духовнаго, какова есть наша душа, увѣрены въ казни за гробомъ, копорой начало есть и здѣсь. Но не говоря о слышанномъ опъ прослолюдиновъ, повѣримъ по крайней мѣрѣ свидѣтельству исторіи. Каракала, одинъ изъ нѣхъ державныхъ мучителей Рима, копорыхъ имена преданы вѣчному безславію, въ часы пытки, этой душевной пытки, опъ копорой не могли спасти его ни дѣшельность, ни сладострасшіе, ни леть, признавался, что распроенному его воображенію, казались на яву раздраженные призраки его опца и брата, грозившіе ему за брапоубійство казнію. Убійца добродѣтельнаго и ученаго Боеція и невиннаго Симмаха, Теодорикъ, копорому однажды за ужиномъ, подали рыбью голову, вскричалъ, что онъ видитъ грозное лице Симмаха, его глаза, сверкающіе яростію и мщеніемъ, и его уста, вооруженныя длинными и оспрыми зубами, гошовыми сожрашь его. Призракъ царспвеннаго діакона Теодосія день и ночь преслѣдовалъ убійцу своего Констанса II, поднося ему чашу крови съ сими словами: пей братъ, пей! the hist. of the decl. and fall of the rom. emp. I, 177; VII, 42; VIII, 322.

37. „Я не положу оружія, доколѣ ни единого непріятельскаго воина не оспанешся въ царствѣ моемъ“ (Высочайшій рескриптъ опѣ 13-го Іюня къ Графу Н. И. Салтыкову), слова достопамятныя, оправданныя событіемъ; слѣдственно доказывающія мужество духа, копорымъ ознаменованы были поступки Государя Императора во все продолженіе войны 1812 года. См. также Высочайшій Рескриптъ опѣ 9-го Октябрия къ Князю М. Л. Кушурову въ опѣтѣ на донесеніе его о свиданіи съ Лориспономъ.

38. Типуль, даваемый Россійскимъ Государямъ опѣ воспочныхъ народовъ со временъ Царя Іоанна Васильевича (собр. Госуд. Грам. 11, 52, 63, 128, 129, 130); значитѣ: живущій на бѣлой землѣ, не плащій дани или оброку. Державинъ, кажется, первой упошибилъ сіе Азіатское названіе нашихъ Государей, принятое и Русскими, по крайней мѣрѣ, въ проспорѣчии:

И бѣлаго Царя уронъ
Зари вечерней предѣ границей
Ошмшилъ побѣдами спорицей.

39. Сей совѣтъ Наполеона съ своими чинами не естъ совершенная выдумка; въ немъ изображены характеры нѣкопорыхъ Миниспровъ и Генераловъ Наполеона, и его самага, и изложены разные слухи, иные, можетѣ бытъ, пустые, другіе дѣльные, (сіи послѣдніе чинашель самъ опличилъ); но спихошворцу позволено пользоваться и ложью; онъ не обязанъ слѣдовать спрогой исторической истинѣ.

40. Мѣстечко Маренго въ Пиемонтѣ, верстахъ въ 3-хъ отъ Александрии; здѣсь Бонапарше въ 1800 году разбилъ Австрійцовъ, послѣ чего вся Италія покорилась Французамъ. Главный виновникъ побѣды былъ Дезе; но онъ убитъ, а Бонапаршу вся слава и честь. Такъ своевольное счастье лелѣяло до времени своего любимца.

41. Рѣка Граникъ, текущая въ мраморное море въ малой Азіи, при переправѣ черезъ копорую Александръ Великій имѣлъ первое сраженіе съ Даріемъ и побѣдилъ его, называется у Тевеноса Суціорліонъ, у Спона Сусигирли, у Турнефора Суіонгирли, у д'Анвиля Усволи, наконецъ у Шапобріана Суссьерле; вошъ какъ различно одни и тѣже звуки изъ незнакомаго языка опзываются въ ушахъ и ученыхъ людей.

42. Названіе Кишайскихъ Государей на Монгольскомъ языкѣ, на копоромъ Богдо-Ханъ значилъ Святейшій Царь, сами же Кишайцы называютъ своихъ Государей Хуанъ-ди, то есть премудрой Царь (Сѣвер. Арх. VI, 67). Странно, что ученые Европейцы Кишайскаго Хуанъ-діа величаютъ Императоромъ, шипломъ, принадлежащимъ въ древности полководцамъ Римской Республики, а нынѣ нѣкопорымъ Европейскимъ Государямъ.

43. Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ Маія 4-го, въ Фрейбергъ встрѣшилъ его самъ Король Саксонскій; шуда же вскорѣ прибыли и прочіе Государя.

44. „Въ Тильзитѣ Россія клялась имѣть вѣчный союзъ съ Франціею и войну съ Англіею; и нынѣ

нарушаетъ она клятвы свои“ (приказъ Наполеона) по арміи опѣ 10-го Іюня; мирной договорѣ съ Англіею подписанѣ (6-го Іюля, въ городѣ Еребро въ Швеціи) черезъ 23 дни по вступленіи Французовъ въ предѣлы Россіи; гдѣ жѣ нарушение клятвъ? а имѣшь вѣчную войну съ кѣмъ бы по ни было еспѣ такое безуміе, за копорое ссылаютьъ на островъ Эльбу или св. Елены для излѣченія.

45. Въ приказѣ опѣ 10-го Іюня Наполеонѣ между прочимъ объявилъ, своимъ войскамъ, что онѣ воюють съ Россіею для того, чшобъ положить конецъ сему кичливому вліянію, копорое она въ продолженіе 50-ти лѣтъ производитъ на дѣла Европы. Этому вліянію онѣ положилъ конецъ еще Тильзишскимъ миромъ, о копоромъ Г. Бушурлинѣ справедливо говоритъ, что онѣ объялъ ужасомъ всю Европу. Ипакъ даже и эшобъ предлогъ былъ лживой; нѣшь, онѣ хотѣлъ спереть Россію съ лица земли.

46. „Вторая Польская война, почно какъ и первая, прославишь оружіе Французское“ (приказъ Наполеона по арміи опѣ 10-го Іюня). Надмѣнный счастиемъ и побѣдами Французской Императорѣ, въ подражаніе Римлянамъ, у копорыхъ съ Картагенами было при войны, называемыя Пуническими, называетъ первую Польскою войною войну 1807 года, кончившуюся Тильзишскимъ миромъ, вторую Польскою войну 1812 года; слѣдственно шрешя Польская война гнѣздилась уже у него въ головѣ. Вотъ какъ прочны были мирные договоры, заключаемыя съ нимъ. „Россія увлекается рокомъ;

судьба ея должна исполниться!“ Чего яснѣе сихъ лжепророческихъ словъ?

47. Въ началѣ Іюля въ Москвѣ ходила по рукамъ бумага шакого между прочимъ содержанія, что Наполеонъ обѣщается черезъ шесть мѣсяцовъ бытъ въ обѣихъ столицахъ; въ извѣщеніи о семъ Графа Распопчина (Моск. Вѣдом. на 1812 годѣ, стр. 1410), бывшаго въ то время Главнокомандующимъ въ Москвѣ, сказано, что сочинитель оной бумаги естъ Верещагинъ, сынъ Московскаго 2-й гильдіи купца; впрочемъ говорящъ, что онъ только перевелъ ее изъ какихъ-то иностранныхъ газетъ. Естли это правда, спрашивается, гдѣ онъ взялъ ихъ и дѣйствительно ли былъ Агентъ Наполеона?

48. Макдональдъ съ 31.000 человекъ перешелъ Неманъ въ Тильзитъ (12-го Іюня), Наполеонъ съ 258.000 чел. при Пиланахъ (18 и 19 Іюня), Король Вестфальскій съ 82.000 чел. въ Гродно (18 Іюня). 1-го Декабря главная Французская армія уже подъ предводительствомъ Короля Неаполитанскаго, числомъ около 20.000 человекъ, перешла обратно Неманъ, голодная, полунагая и почти безоружная.

49. А. И. Данилевскій въ разборѣ своемъ сочиненій, касающихся до войны 1812 года, между прочимъ пишетъ: „судя, что мы, въ 1812 году, имѣли дѣло съ непріателемъ искуснѣйшимъ въ военномъ ремеслѣ, не слѣдовало бы предполагать въ немъ (въ Наполеонѣ) неосновательной мысли идти въ Пешербургъ; мысль сія несообразна съ правилами военной науки; корпуса непріятельскія, располо-

женныя по Двинѣ, могли оставаться покуда для прикрытія линіи сообщеній главной ихъ арміи (Отеч. Зап. IV, 53). Такъ Наполеонъ былъ мастеръ своего дѣла, но развѣ онъ не дѣлалъ ошибокъ, и какихъ же? Прочитайше исторію нашествія Наполеона на Россію; Авторъ ея почитаетъ Наполеона также однимъ изъ великихъ полководцевъ (такимъ почиталъ его и нашъ великій Суворовъ; Рус. Анекд. С. Глинки, 1, 207.); но сколько же онъ находилъ въ немъ и ошибокъ? Наступательное движеніе Маршала Удино къ селу Клясницамъ ясно показываетъ намѣреніе его идти къ Пепербургу; но оно уничтожено его разбитіемъ. Г. Бушурлинъ именно говоритъ, что Маршалу Удино предписано было опѣ Наполеона достигнуть Пепербурга, а онъ самъ между тѣмъ будетъ въ Москвѣ (Истор. нашеств. Напол. 1, 335).

Наполеонъ безъ сомнѣнія хотѣлъ занять обѣ столицы вдругъ, дабы Русскихъ поразишь совершеннымъ ужасомъ.

50. Лишь только Русскіе выступили изъ Вильны (16 Іюня), какъ Поляки оправили Депушатовъ къ Наполеону для поднесенія городскихъ ключей; всѣ они тогда швердили народную пословицу: чуешь пшашка весну; матери посылали дѣшей а невѣсны жениховъ драшься съ Русскими и за кожь они дрались? за разбойника, кошорой съ сошнями вооруженныхъ пысячь переходя изъ одной страны въ другую, грабилъ Европу. Еще въ бытность его въ Вильнѣ болѣе 30.000 разсѣявшихся по

окружнымъ деревнямъ солдатъ производили грабежи и неистовства всякаго рода. (Истор. наш. Напол. 1, 206); между шѣмъ Варшавскіе ихъ земляки, вообразя, что съ паденіемъ Вильны пало и могущество Россіи, объявили возстановленіе Польскаго Королевства, и прислали къ Наполеону Депутовъ съ извѣщеніемъ о семъ великомъ происшествіи. Наполеонъ довольно сухо принялъ шоржешвенную денунацію вольнаго народа; даже не хотѣлъ ихъ обманывать. Не смотря на то учрежденное въ Вильнѣ временное Липовское правленіе присупило къ сей конфедерации и обнародовало актъ ошъ 2-го Іюля (Ист. наш. Напол. 1, 153).

51. Сказывающъ, что Наполеонъ, какъ второй Навуходоносоръ, въ припадкѣ сапанинской гордопси велѣлъ выбить медаль съ безумною надписью: *Le ciel est à Dieu, la terre à moi*, небеса Божія, а земля моя.

52. Высочайшій Манифестъ ошъ 6-го Іюля 1812 года о соспавленіи ополченій по всѣмъ губерніямъ.

53. Титулъ, данный Наполеону за его злочестіе, которое всегда было опличительною черпою его характера; даже въ Кремлѣ, гдѣ онъ самъ имѣлъ пребываніе, въ Соборахъ не пощажены были ни престолы, ни образа, ни раки съ мощами Св. угодниковъ Божіихъ (только уцѣлѣла одна съ мощами Св. Іоны Мишрополиша, обипая чеканнымъ серебромъ и вызолоченная, Вѣспн. Евр. LXVII, 151); однимъ словомъ при взятіи Москвы въ 1812 году произошли совершенно шѣ же самыя явленія, что

и при взятіи Конспаншинополя въ 1204 году. Для любопытства читателей выписываю сіи явленія изъ Гиббона: „ободравъ жемчугъ и драгоценные камни, копорыми осыпаны были пошеры, они (западные Христиане обрашили ихъ въ кубки; Образа служили имъ вмѣсто столовъ, на копорыхъ они играли и пили, и они попирали ногами самыя святыя вещи, чшимаыя Христианами. Огромной церковной занавѣсѣ въ Софійскомъ соборѣ разодранъ былъ на двое для золотой бахрамы, копорою обшитъ былъ; престолъ, копораго работа и материалъ равно драгоценны были, разбилъ въ куски и раздѣленъ между святошапцами. Лошади и лошаки, навьюченные содраннымъ съ царскихъ дверей и каедръ серебромъ и золотомъ, и падавшіе подъ тяжестью онаго, понуждаемы были идти ударами кинжаловъ, и нечислою кровію своею обагрятъ церковной помостъ. Непопробная дѣвка возсѣдала на Папріаршемъ престолѣ, и сія дочь Веліалова, какъ она названа, пля и плясала, подражая служенію восточныхъ Христианъ. Самое спокойствіе мертвыхъ нарушено было; въ церкви Св. Апостолъ ограблены были Царскія гробницы, и сказываютъ, что шѣло Юспиніана по прошествіи шести сошъ лѣтъ найдено было совершенно цѣло и неплѣнно (the history of the decl. and fall of the rom. emp. XI, 58).“

54. Приказъ Государя Императора по арміямъ отъ 27 Іюня изъ лагеря при Дриссѣ (Моск. Вѣдом. на 1812 годъ, стр. 1441).

55. Къ тому времени, какъ непріятель выступилъ изъ Москвы, (11 Октября), прибыли къ арміи, находившейся въ укрѣпленномъ лагерѣ при селѣ Тарушинѣ, 45 казачьихъ полковъ съ Дону (Журн. Воен. дѣйс. опѣ 7-го Октября); извѣстно, что они вызваны были Графомъ Плашовымъ; но здѣсь предполагается, что воззваніе сіе учинено самимъ Государемъ Императоромъ.

56. Рѣчка Нища, на берегахъ копорой происходило сраженіе подъ Клясицами (село на большой Полоцкой дорогѣ, ведущей черезъ Опочку и Оспровъ во Псковъ, а опшуда въ Пешербургъ) впадаетъ въ рѣчку Дриссу, а сія при городѣ Дриссѣ, въ западную Двину; рѣчка Нища

Въ числѣ Россійскихъ рѣкъ безвѣсна и мала;
Но боемъ съ Удино кровавымъ прослыла.

57. 18, 19 и 20-го Іюля; въ первой день сраженіе происходило при селѣ Якубовѣ, во второй при селѣ Клясицахъ, въ третій при д. Боярщинѣ и д. Головчицахъ, непріятель былъ сбивъ съ двухъ позицій, и авангардомъ подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Кульнева преслѣдованъ за рѣчку Дриссу, копорую переходить ему не вѣлно было, покуда не будетъ подкрѣпленъ главными силами корпуса. Слѣдствіемъ сего было совершенное пораженіе авангарда, при чемъ самъ Кульневъ убитъ пушечнымъ ядромъ (а), и 9 пушекъ остались въ ру-

---

(а) Послѣднія его слова были: „Друзья! спасите опеченство, не уступайте ни шагу земли; побѣда васъ ожидаетъ.“ Ослабѣвая опъ ужасныхъ мученій, онъ сказалъ, отдавая свои ордена: „возмите, спрячьте сіи знаки; пускай враги не пора-

кахъ у непріателя. Но что удивительнѣе: Французской Генералъ Вердье, преслѣдовавшій Русской авангардъ, повпорилъ ту же самую ошибку, и прешерпѣлъ столь же совершенное поражение опъ Графа Вишгенштейна, какъ Кульневъ опъ Маршала Удино. Со стороны непріателя уронъ во всѣ дни простирался до 10.000, выбывшихъ изъ строя (въ томъ числѣ 3.000 плѣнныхъ), съ нашей до 4.300; Сверхъ того непріатель на опспуленіи своемъ потерялъ почти весь обозъ. Сраженіемъ подъ Клясицами испровергнушы были злодѣйскіе замыслы Наполеона на Петербургъ, и дѣйствія корпусовъ Маршаловъ Удино и Гувіона-Сенъ-Сира были уже оборонительныя.

58. Здѣсь предполагается, что Графъ Вишгенштейнъ въ одно сраженіе совершенно уничтожилъ корпусъ Маршала Удино; описаніе порознь каждого

дуюшся, увидя въ охладѣвшемъ шрупѣ моемъ не Генерала Русскаго, но проспаго война, положившаго живопъ за опечесшво:“ Кульневъ былъ одинъ изъ опличнѣйшихъ Генераловъ войны 1812 года; но что еще болѣе возвышало его, что онъ бѣдностъ почишалъ украшеніемъ храбраго, и запросно носилъ, одну изодранную шинель. За подвиги подъ Шумлею дали ему на 12 лѣтъ аренду по 1000 рублей на годъ; онъ не коснулся сихъ денегъ, и опдалъ ихъ на приданое малолѣшной своей племянницѣ. Храбростъ есть довольно обыкновенное качесшво; но шакія чувшва, шакое великодушіе не весьма обыкновенны. Нѣкошорыя изрѣченія, опшавленные имъ письменно, должны бышъ на языкѣ и на сердцѣ у всякаго военнаго, напр. честная смершъ лучше безчестной жизни. . . . Герой, служащій опечесшву никогда не умираешъ и въ попомшвѣ воскресешъ. . . . Гораздо лучше бышъ менѣе награжденнымъ по заслугамъ, чѣмъ много безъ всякихъ заслугъ. . . . Одинъ мундиръ не опспавляешъ способностей и доспоинствъ Генеральскихъ и пр. (Опечесшв. Зап. IV, сшр. 62 и слѣд.)

сраженія было бы газетное извѣстіе. Естли во всѣ вѣки сраженія представляли единообразную картину убійствъ, то особливо со времени изобрѣшенія огнеспрѣльнаго оружія. Самъ Гомеръ съ неиспощимымъ своимъ воображеніемъ, едва ли бы могъ написать разнообразную и богашую подробностями картину сраженія.

59. Французы вступили въ Москву 2-го Сентября въ часъ по полудни. Начальствующій аріергардомъ, Генералъ Милорадовичъ заключилъ съ непріятелемъ на словахъ условіе, чшобъ не только не превожитъ выхода Россійской арміи изъ Москвы, но до 7-ми часовъ вечера позволилъ оной всѣмъ военнымъ людямъ и съ ихъ собстввенностію; однакожъ многіе и изъ Московскихъ жипелей воспользовались симъ условіемъ. Но если маршъ Русской арміи черезъ городъ походилъ больше на погребальной церемоніаль, нежели на походъ войска, то и Французовъ вшествіе шакже невесело было. Москва была пуста, во всѣхъ домахъ спавни у оконъ были зашворены; Наполеонъ, шщешно ожидавшій у Дорогомиловской заспавы нѣсколько часовъ городскихъ ключей, вѣхалъ наконецъ въ столицу безъ всякихъ радостныхъ криковъ, кромѣ шѣхъ, копорыми обыкновенно встрѣчали собстввенныя его войска. Среди побѣды Французы испышали одни шокмо печальныя ощущенія, и пожиная плоды усилій, при Бородинѣ ими произведенныхъ, являлись болѣе жершвами, невидимою рукою ведомыми на закланіе, нежели поржешествующими побѣдишелями (Исп. нашесп. Нпол. I, спр. 310 и слѣд.).

60. См. прим. 53.

61. Царево-Займище, село на большой дорогѣ изъ Смоленска въ Москву, распояніемъ отъ послѣдней во 170 верстахъ; здѣсь Барклай-де-Толли хотѣлъ дать генеральное сраженіе, но Князь Кутузовъ, прибывшій къ арміи 17 Августа вечеромъ, нашелъ, что позиція была слишкомъ открыта.

62. Превращенный въ развалины Смоленскъ занятъ непріятелемъ 6 Августа; 4 и 5 Августа подъ стѣнами его происходили сраженія, спойвшія Наполеону до 20.000 выбывшихъ изъ строя, въ томъ числѣ убитъ Генералъ Грабовскій, и ранены Генералы: Грандо, Дальшонъ и Зайончекъ. Съ нашей стороны уронъ былъ также значительнъ, особливо 5 Августа, въ которой день мы потеряли около 6.000 выбывшихъ изъ строя, да двухъ Генераловъ Скалона и Баллу, которые убиты. Въ соединенной подъ Смоленскомъ Французской арміи было 184.000, да въ слѣдованіи къ сему городу 60.000 человекъ, въ Русскихъ же арміяхъ 1 и 2 западной, также соединенныхъ подъ Смоленскомъ, въ обѣихъ находилось только 116.900 человекъ.

63. Село Бородино на большой Московской дорогѣ, верстахъ въ 12 отъ Можайска, при впаденіи ручья Войны (имя доспойное замѣчанія) въ рѣчку Колочу; въ началѣ сраженія оно занято было Русскими, но въ продолженіи онаго непріятелемъ. Главная квартира непріятельская была въ селѣ Валуевомъ (на большой дорогѣ), наша въ селѣ Ташариновъ (не много въ сторону отъ большой

дороги). Иванчинъ-Писаревъ написалъ прекрасные списки къ селу Бородину, достойные на высотахъ онаго сіяшь на гранишѣ :

Россійскій Марафонъ, село Бородино,
Ты славою Славянъ въ попомснѣ заблншаешъ ;
Твоимъ Святымъ холмамъ ошнынѣ суждено
Вѣщашь : „прохожій! сшой, героевъ попираешъ.

64. Въ $5\frac{1}{2}$ часовъ (26 Августа) солнце вышло изъ густаго шумана, поднявшагося на разсвѣшѣ, а въ 6 часовъ Генералъ Сорбье, находившійся на большой башарѣ праваго непріятельскаго крыла, подалъ знакъ къ сраженію, открылъ огонь изъ 120 орудій, большею частію гаубицъ.

65. Россійская армія подѣ Бородинымъ прости- ралась до 132.000 (по журналу Генералъ - Кваршир- мейстера Толя только до 120.800, въ томъ числѣ 10.000 вооруженнаго пиками ополченія), артилле- рійскихъ орудій 640; во Французской арміи счисля- лось около 190.000 (по журн. Ген. Кварширмейсп. 185.000), артиллеріи болѣе 1000 орудій: слѣдствен- но послѣдняя превосходила первую слишкомъ цѣлою шрешью и войска и артиллеріи; превосходство не- маловажное.

66. Самъ Наполеонъ, устрашенный ужаснымъ урономъ, прешерпѣннымъ его войсками, приказалъ удержаться отъ всякаго нападенія (Истор. наш. Нап. 1. 294). Но только это было не въ началѣ, а подѣ конецъ сраженія или въ при часа по полудни; въ шесть часовъ пушечной огонь уже прекратился.

67. Битва продолжалась уже близъ шести часовъ. Непрiяшель сдѣлалъ уже великія пожертвованія, и при всемъ помѣ не успѣлъ еще выиграть ни одного шага земли отъ насъ стоящей позиціи Россійской арміи; Наполеонъ, приведенный въ неперпѣніе, повелѣлъ употребить новыя усилія. Огонь непріятельскій, ослабѣвшій около полудня, снова загорѣлся сильнѣе прежняго. (Исп. наш. Нап. 1, 286).

68. Я видалъ, какъ пишетъ одинъ самовидецъ Бородинскаго сраженія (Сынъ Опеч. 1, 134 и слѣд.), довольно сраженія, но никогда не видалъ подобнаго ему въ дерзости и ярости. Цѣлыя отряды кавалеріи не зная, что съ ними будетъ, прорывали впопыха наши линіи, и всѣ падали мертвы. Наши войска хладнокровно выжидали усилія ихъ слѣпаго бѣшенства до того времени, какъ они не смотря на смертоносной огонь нашихъ каршечей, приближались къ самимъ бапареямъ. Тогда храбрая наша пѣхота, кошую въ самомъ дѣлѣ можно назвать безпримѣрною, принимала ихъ въ шпыки, и уничтожала всѣ покушенія дерзкаго врага. Тщешно попоряли они жаркія свои нападенія; ихъ безпрестанно обращали въ бѣгство.

69. Многія бапареи до десяти разъ переходили изъ рукъ въ руки (Письм. Рус. Офиц. IV. 68).

70. Я слышалъ отъ многихъ военныхъ, что Бонапарте ставилъ пушки позади колоннъ, идущихъ атаковать непріятеля, дабы стрѣлять по нимъ, если бы попяшились. Причиною испуленной дерзости Французовъ, что они цѣлыми колоннами

бросающа на башарей, шакже и шо: ихъ поятъ до пьяна. Какая разница между бѣшеною храбросцію Французовъ и хладнокровнымъ мужеспвомъ Рускихъ.

71. 700 огнедышущихъ жерлъ на пространствѣ не болѣе одной квадрашной версты собранныхъ, обспрѣливали во всѣхъ направленіяхъ небольшую равнину, находящуюся впереди Семеновской (деревни) и изрыгали смерть въ громады обороняющихся и нападающихъ. Въ сей страшный часъ многочисленныя колонны непріятельской пѣхоты и кавалеріи съ швердосцію двинулись на сію роковую равнину, на копорую, казалось адъ изрыгалъ всѣ ужасы свои. Тщешно надѣялись Россіяне оспановишь нападающихъ, обративъ на нихъ жесточайшій огонь. Непрѣятельскія колонны, жестоко поражаемыя каршечью, спѣсняли ряды свои, убавляющіеся отъ испребленія, производимаго въ нихъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ Россіянъ, и продолжали насшупать съ удивительнымъ посшояншвомъ. Увеличеніе опасности шолько что усугубляло жаръ и храбрость Французскихъ солдатъ, копорые съ бѣшеншвомъ бросались на флешы, цопирая ногами шрупы шоварищей своихъ, предшеспвовавшихъ имъ на пуши славы (а). Князь Баграшюнъ, видя, что непрѣшель выигрываетъ мѣшо, приказалъ войскамъ своимъ высшупишь къ нему на

(а) Не славы, а убійшва;

Leur gloire, féconde en ruines,

Sans le meurtre et sans les rapines

Ne sauroit-elle subsister?

встрѣчу. Вся линія колоннъ лѣваго крыла Россіянъ, двинувшись впередъ скорымъ шагомъ, ударила въ шпыки на линію непріятельскую. Напискъ былъ ужасенъ; ни одна изъ прошивныхъ споронъ не хотѣла уступить побѣды, копорая, казалось, зависѣла отъ сей минуты; отъ того воспослѣдовала ужасная сѣча, въ коей и съ шой, и съ другой спороны испощены были чудеса почти сверхъестественной храбрости. Пѣшіе, конные и артиллеристы обѣихъ споронъ, вмѣстѣ перемѣшавшись, представляли ужасное зрѣлище неправильной громады воиновъ, препирающихся одинъ на одинъ съ бѣшенствомъ отчаянія (Исп. наш. Напол. 1, 287, и слѣд.).

72. Съ наступленіемъ ночи Французскіе корпусы возвратились въ позицію, копорую занимали въ началѣ сраженія. (Исп. наш. Напол. 1, 296).

73. Сей совѣтъ происходилъ 1-го Сентября въ главной квартирѣ, деревнѣ Филяхъ, въ двухъ верстахъ отъ Москвы; шупъ были собраны Генералы: Барклай-де-Толли, Беннигсенъ, Дохтуровъ; Генералъ-Лейтенанты: Графъ Осперманъ-Толстой, Коновницынъ; начальникъ Главнаго Шшаба Генералъ-Маіоръ Ермоловъ, и Генералъ Квартирмейстеръ Полковникъ Толь. Всѣ они, съ нѣкопорою только разницей, согласны были въ томъ, чшобъ дать еще сраженіе. (Исп. наш. Напол. 1, 306).

74. Убиты на мѣстѣ сраженія: Генералъ-Маіоры Графъ Кушайсовъ и Тучковъ 4-й; ранены: Генералъ Князь Баграціонъ; Генералъ-Лейтенанты: Туч-

ковъ 1-й (сіи также вскорѣ умерли), Князь Голицынъ, Князь Горчаковъ; Генералъ - Маіоры: Принцъ Карлъ Мекленбургскій, Графъ Воронцовъ, Графъ Сеншъ-При, Графъ Ивеличь, Крешовъ, Бахмешевъ 2-й, Ермоловъ и Лихачевъ, (послѣдній захваченъ въ плѣнъ). У непріятели убишы Генералы: Графъ Коленкуръ, Графъ Лепель, Монбрионъ, Плезонъ, Гюаръ, Комперъ, Маріонъ, Ланаберъ и Ромефъ; ранено 30 Генераловъ, въ томъ числѣ Груши, Нансупи, Лашуръ-Мобургъ, Рапнъ, Компанъ, Моранъ, Дезе, Лагуссе и Бонами (послѣдній попался въ плѣнъ).

75. Настоящая позиція, кошую сохранила армія и послѣ сраженія, была позади овраговъ Семеновскаго и Горицкаго, большой ліонешъ впереди центра оной и флеша при деревнѣ Семеновской, кошорыми завладѣлъ непріятель, были только внѣшнія укрѣпленія позиціи, да и шѣ съ насупленіемъ ночи оставлены имъ.

76. Сочинишель исторіи нашествія Наполеона на Россію, Полковникъ Бушурлинъ, полагаешъ уронъ съ Россійской стороны почти въ 50.000, выбывшихъ изъ строя, въ томъ числѣ 15.000 убитыхъ, болѣе 30.000 раненыхъ и около 2.000 плѣнныхъ; съ Французской болѣе 60.000, выбывшихъ изъ строя, въ томъ числѣ до 20.000 убитыхъ и 1.000 плѣнныхъ. Мы отбили 10 пушекъ, а у насъ опняли 13 орудій.

77. Болѣе 30.000 старой и молодой гвардіи вмѣстѣ съ ихъ кавалерією; они подошли, но не были употреблены въ дѣло. Къ счастью Наполеонъ по-

жалѣль ихъ; они неминуемо рѣшили бы побѣду въ его пользу; поелику послѣдніе Русскіе резервы введены уже были въ огонь, а до вечера оставалось еще нѣсколько часовъ. Опъ одной мысли зависѣла побѣда, а можетъ быть и спасеніе царства Русскаго; кто не вложилъ ее Наполеону? безъ сомнѣнія пошъ, кто насылаешъ

На духъ боязнь, на мысль недоумѣнье
Предзнаменующи могущаго паденье.

78. Послѣ Бородинскаго сраженія непріятель шелъ къ Москвѣ прѣмя колоннами: лѣвая колонна шла на Рузу и на Звенигородъ, средняя на Можайскъ, правая на село Ѡминское, чшо на новой Калужской дорогѣ.

79. „Поелику поперя Москвы не есть еще поперя Россіи, то онъ (Князь Кутузовъ) и считаешъ первымъ долгомъ своимъ сберечь армію и сблизиться къ подкрѣпленіямъ ея ожидаемымъ, чшо уступая непріятелю столицу, чрезъ то самое онъ разсѣлавъ ему сѣшь, въ коей гибель его содѣлается неизбѣжною, и чшо, въ слѣдствіе сего, онъ намѣренъ, пройдя чрезъ Москву, ошступашъ по Рязанской дорогѣ.“ (Исп. наш. Напол. 1, 309. Слова пророческія; о Кутузовѣ! о спасителѣ отечества!

80. Получивъ опъ Генералъ Кварширмейстера Толя изуспное донесеніе о занятіи Французами Москвы, Князь Кутузовъ сказалъ: слава Богу! это послѣднее ихъ шоржештво (Исп. наш. Нап. 1, 310).

81. „Я прежде соглашусь перенести столицу мою на берега Иршыша, и ходить въ смуромъ каф-

панѣ, нежели заключу мирѣ съ раззорителемѣ ошечешва.“ Слова Государя Императора, произнесенныя по взятіи Москвы. (Пис. Рус. Оф. IV, 144).

82. Московскій Губернаторѣ, Маршалѣ Моршье; выходя изѣ Москвы (11 Октябрю вѣ 2 часа по полуночи), вѣрояшно по приказанію Наполеона, подорвалѣ Кремль; однакожѣ на воздухѣ взлетѣли только часѣ спѣнѣ и нѣкопорыя зданія. Занявшій Москву Генералѣ-Маіорѣ Иловайскій 4-й нашелѣ вѣ Кремлѣ оставленныя непріятелемѣ 42 орудія, изѣ коихѣ 18 было Русскихѣ.

83. Спасшіеся изѣ Москвы отѣ злодѣйства Французовѣ убѣряли меня, что вѣ Александровѣ, (вѣ старину славная Александровская слобода) зашпашномѣ городѣ Владимірской губерніи, разспоніемѣ отѣ Москвы во 101 верстѣ, видно было зарево отѣ Московскаго пожара.

84. Пожары начались вѣ ночи со 2 на 3-е Сентября; 4-го Сентября поушру вѣ 9 часовѣ поднялась ужасная буря, и пожарѣ начиналѣ бытѣ повсемѣспнымѣ. Спусти одинѣ часѣ пламя вѣ десяти мѣспакѣ свирѣспвовало; вся обширная, покрывшая домами равнина, за Москвою рѣкою, предспавляла огненное море, коего волны носились по воздушному проспранству. (Вѣсп. Евр. LXVII, 93). Пожарѣ совершенно прекрапился 8-го Сентября.

85. А. И. Данилевскій, участвовавшій самѣ вѣ войнѣ 1812 года, пишешѣ: едва день начиналѣ склоняшѣся кѣ вечеру, какѣ небо покрывалось необъяш-

нымъ пламенемъ, пожирившимъ Москву и ея окрестности; шесть ночей сряду ужасныя зарева видны были изъ нашего лагеря (Вѣсп. Евр. ХСVI, 130).“

86. При оставленіи Москвы арміею многіе Офицеры и солдаты съ досады и опчаянія плакали (Исп. наш. Нап. 1, 311).

87. Девять десятихъ частей города сгорѣли; оспальную непріятель предалъ грабежу. (Исп. наш. Напол. 1, 311).

88. Непріятель спалъ нуждаться въ продовольствіи съ первыхъ дней пребыванія своего въ Москвѣ (по еспь по сожженіи ея); удаленный почти за 1000 верстѣ отъ границъ владѣній своихъ союзниковъ, онъ не имѣлъ, не только съ ними, но иногда и съ Москвою свободнаго сообщенія. Такъ жучили его партизаны и озлобленные разбоями Французовъ поселяне; едва за пять верстѣ непріятельскіе фуражиры осмѣливались удаляться отъ своихъ лагерей. Мало оставалось продовольствія въ Москвѣ; но по сожженіи ея не оспалось ничего. Наполеонъ для собспвенной пользы не долженъ бы допускашь ее жечь; одна гвардія нѣсколько довольствуема была пищею; прочія войска не получали никакой дачи. Какова должна бышь дисциплина голодныхъ войскъ?

89. Свиданіе Лориспона съ Княземъ Купузовымъ происходило наединѣ (уже подъ конецъ позванъ былъ Генералъ-Адъютантъ Князь Волконскій и по на чепверть часа, Опеч. Зап. IV, 56) въ вечеру, 23-го Сеншября, въ главной кварширѣ Россій-

ской арміи, селѣ Тарушинѣ; подѣ предлогомѣ пере-говора о размѣнѣ плѣнныхъ, онѣ посланѣ былѣ пе-реговорить о мирѣ. Наполеонѣ видѣлъ уже всю опасность своего положенія, и хотѣлъ отвратить ее лукавымѣ миромѣ. Отвергнувъ предложеніе о размѣнѣ плѣнныхъ, Князь Кушуровѣ на предложеніе о мирѣ отвѣчалѣ; что не имѣетѣ никакого на-савленія по сему предмету, и что при отправленіи его къ арміи, даже и названія мира ни разу не упомянуто. Впрочемѣ всѣ слова, имѣ отѣ Лори-спона слышанныя, происходятъ ли они, какѣ соб-ственныя его разсужденія, или имѣютѣ источникѣ выше; но онѣ сего разговора, ни въ какомѣ слу-чаѣ, не желаетѣ довести до свѣдѣнія Государя; ибо таково нынѣшнее положеніе Россійскаго на-рода, что самѣ онѣ подвергнулся бы проклятію попомства (а), естли бѣ сочли его первымѣ ви-новникомѣ какого бы то ни было примиренія. Не смотря на сіе, Фельдмаршалѣ оказалѣ болѣе сто-ворчивости; вѣроятно попому, чтобы не опрять у Наполеона всю надежду на мирѣ; онѣ обѣщаль

(а) Вошь человекѣ! думаль о попомствѣ, и въ немѣ по-лагаль награду за свои подвиги; а Наполеонѣ думаль ли объ немѣ, когда бѣжалѣ изѣ Россіи, и спасаль одного себя? Г. Бу-шурлинѣ прекрасно говоритѣ, что по крайней мѣрѣ обыкновенной полководецѣ не могѣ бы сего учинить, не подвергнувъ-шись проклятію ошечества, негодованію современниковѣ и презрѣнію попомства (Исп. наш. Напол. II, 130); а Государь еще менѣ. Нашѣ Петръ Великій не бросилѣ своихѣ армій, не думаль шолько о себѣ; онѣ хотѣлъ умереть на полѣ славы. Вошь человекѣ, имѣвшій поняшье о славѣ, вошь герой, вошь ошецѣ ошечества!

испросишь соизволеніе Его Величества на предложеніе Императора Наполеона отправишь Лориспона въ Петербургъ, но сей Генераль ни коимъ образомъ не могъ склонить его на перемиріе во ожиданіи отвѣта отъ Россійскаго Императора (Исп. наш. Нап. II, 11).

90. Пораженіе Мюрапа подъ Тарупинымъ разсѣяло Наполеоновы мечшы о мирѣ; 6-го Октябрю разбишь Мюрашъ, а 7-го Октябрю Наполеонъ выступилъ изъ Москвы по старой Калужской дорогѣ, и остановился въ селѣ Троицкомъ, авангардъ же его расположенъ былъ за селомъ Вороновымъ.

91. По разбиши Мюрапа, на собственной его кухнѣ найдены были ободраныя кошки и отварѣ изъ лошадиного мяса (Исп. наш. Нап. II, 31). Когда Король лакомился сими слишкомъ не лакомыми кушаньями, чтожь просные солдаты?

92. Село Тарупино на старой Калужской дорогѣ, на которую Русская армія при селѣ Красная Пахра 7-го Сентября перешла съ Коломенской или Рязанской дороги; сраженіе происходило не при самомъ Тарупинѣ, а близь онаго, при рѣчкѣ Чернишнѣ.

93. На возвращномъ пути Французовъ изъ Москвы Мюрашъ собственными своими царскими руками въ Смоленскѣ дѣлалъ выжигу изъ священническихъ одеждъ. Каковы были цари, шворенія рукъ Бонапаршовыхъ?

94. Мюрашъ былъ такъ плохъ, что правыя Русскія колонны подошли къ самому лѣсу, лежавшему

въ полуторѣ верстѣ отъ его лагеря; однакожъ побѣда, по нѣкоторымъ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ, не соотвѣтствовала ожиданію. Непрiатель потерялъ 2.000 убитыхъ (въ томъ числѣ Генераловъ Дери и Фишера), 1.500 плѣнныхъ, 1 почтовой шпандарть, 38 пушекъ, 40 зарядныхъ ящиковъ и весь обозъ, не исключая и принадлежащій Королю Неаполитанскому. Уронъ съ нашей стороны простирался до 500 человекъ выбывшихъ изъ строя, да въ самомъ началѣ дѣйствія убитъ Генераль-Лейтенантъ Багговушъ.

95. Наполеону хотѣлось пробраться въ Калугу; но Князь Кушуровъ предупредилъ его въ маломъ Ярославцѣ, перейдя при деревнѣ Баевъ Колодезь со старой на новую Калужскую дорогу. 12 Октября въ 5 часовъ по полуночи Генераль Дохтуровъ подошелъ къ малому Ярославцу, и нашедъ въ немъ непрiателя, выгналъ его отсюда. Среди пламени, обнявшаго городскія строенія, Малоярославецъ семь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки; обѣ сражающіяся стороны нѣсколько разъ подкрѣпляемы были свѣжими войсками. Въ ночи съ 12 на 13 Октября Русская армія отступила, расположась поперекъ дороги, въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ города и лицемъ къ оному; превосходство силъ было на сторонѣ Французовъ (въ Русской арміи, прибывшей къ Малоярославцу, находилось около 80.000 человекъ подъ ружьемъ, не считая козаковъ); однакожъ Наполеонъ не осмѣлился принять сраженія. Потеря непрiателя простиралась свыше 5.000 выбывшихъ изъ строя (въ томъ числѣ 200 плѣнныхъ);

убиты Генералы: Дельзонъ и Левье, ранены Пино, Жифленга и Фоншанъ. Нашъ уронъ проспирался пакже до 5000 выбывшихъ изъ строя; Генералъ-Маіоръ Дороховъ здѣсь получилъ рану, отъ коптой послѣ умеръ.

96. Наполеонъ, ослабленный желаніемъ опмспить Россіянамъ за испроверженіе всѣхъ его предпріяшій, съ самага начала опспупленія своего опъ Малоярославца далъ повелѣніе зажигаць всѣ города и селенія, чрезъ копорыя войска его проходить будущъ. Вскорѣ Боровскъ, Верей, Городокъ, Борисовъ, Можайскъ, Гжашскъ, Вязьма и Дорогобужъ содѣлались жершвою пламени. Гвардія Наполеона, слѣдовавшая вѣ головѣ арміи, грабила, жгла и испребляла все, вспрѣчавшееся ей по дорогѣ, забывъ, что идущіе за нею корпусы имѣють необходимую надобность вѣ покровѣ для опдохновенія и защишы опъ суровости климата. Сіи послѣдніе по прибышій къ Дорогобужу, вѣ коемъ непріятель собралъ довольно большіе запасы, вѣ горячемъ винѣ сосшоящіе, нашли, что городъ былъ сожженъ гвардіею, магазейны разграблены, и вино ручьями шекло по улицамъ, между шѣмъ, какъ оспапокъ арміи умиралъ опъ недоспапка крѣпкихъ напишковъ. Такимъ образомъ самъ Наполеонъ пригошвилъ пустыню, вѣ коей не малая часпъ его арміи погибла опъ голода, изнуренія, спужи и раздраженныхъ поселянъ, вооружившихся для опмщенія непріятелю за ужасы, коихъ содѣлывались они жершвою; примѣчаніе переводчика испоріи нашествія Наполеона на Россію, Генералъ-Маіора Хашова.

97. Колоцкій монаштырь, названной такъ опъ рѣки Колочи, при кошорой онъ спойтѣ, на большой Московской дорогѣ, опъ Можайска вѣ 21 верстѣ; здѣсь на возвышеніи непріятель, преслѣдуемый Графомъ Плашовымъ, хотѣлъ было держаться; но былъ сбитъ съ позиціи (19 Октября) съ потерей 20 орудій; при чемъ истреблено у него 2 баталіона и опбишо 2 знамя.

98. Графъ Милорадовичъ, начальспвовавшій авангардомъ, слѣдовалъ по средней дорогѣ между арміями Французскою и Русскою (съ Медынской дороги своропилъ онъ у села Егорьевскаго, и перешелъ на Гжашскую при селѣ Головинѣ); между селомъ Ѳедоровскимъ и городомъ Вязмою вышелъ онъ на большую Московскую дорогу (22 Октября). Непритель, шѣснимый съ переди Графомъ Милорадовичемъ, а сзади Графомъ Плашовымъ, былъ сбитъ съ шрехъ позицій, занимаемыхъ имъ одна послѣ другой, вогнанъ вѣ городъ Вязму, и шпыками преслѣдованъ вѣ самыхъ улицахъ. Дабы обезопасить опспупленіе, онъ зажегъ городъ; одна полько ночь прекрашила сраженіе, спойвшее ему около 7.000 выбывшихъ изъ спроя (вѣ шомъ числѣ болѣе 2.000 плѣнныхъ, между коими находились: Генералъ Пелешье, начальникъ шшаба корпуса Маршала Даву, Полковникъ Мора, другіе 2 Полковника и 30 Офицеровъ здѣсь шакже взята шайная канцелярія Наполеона вмѣстѣ съ секретаремъ оной Камюзе). Нашъ уронъ соспожалъ изъ 800 убитыхъ и 1.000 раненыхъ. Унесенный вѣ кавалерійской ашакѣ лошадыю Генералъ-Маіоръ Свѣчинъ попался вѣ плѣнѣ.

Онъ вскорѣ освобожденъ былъ вмѣстѣ съ Генералъ-Адъютантомъ Барономъ Винцингероде, попавшимся отъ неосторожности въ плѣнъ въ Москвѣ, Флигель-Адъютантомъ Чернышевымъ, посланнымъ отъ Адмирала Чичагова къ Графу Вишгенштейну для открытія сообщенія съ его арміею.

99. Только въ два дни непріятель въ виду войскъ Графа Платова взорвалъ болѣе ста зарядныхъ ящиковъ (Исп. наш. Нап. II, 63).

100. Изъ опасенія, чѣмъ непріятель не прорвался въ Калугу по Медынской дорогѣ, по которой дѣйствительно слѣдовалъ корпусъ Князя Поняшовскаго (онъ уже дошелъ до села Егорьевскаго, когда авангардъ его подъ начальствомъ Генерала Тишкевича былъ разбиъ подъ Медынью Полковникомъ Иловайскимъ 9; при чемъ самъ Тишкевичъ взятъ въ плѣнъ), Князь Кутузовъ спустился къ селу Гончарову; у деревни Дешчина сворошилъ онъ съ новой Калужской дороги, и перешелъ на Медынскую при деревнѣ Полошняныя Заводы. У села кременскаго перешелъ онъ съ Медынской на Вяземскую дорогу; у деревни Быковой сблизился онъ съ своимъ авангардомъ, въ то время сражавшимся подъ Вязмою (22 Октября) и могъ бы подъ симъ городомъ, также какъ подъ Краснымъ предупредить Наполеона; но ему, вѣроятно, не хотѣлось имѣть дѣла съ цѣлою Французскою арміею, еще превосходившею его числомъ, еще не испробуемою морозами, копорые, вмѣстѣ съ снѣгомъ, начались 26 Октября. У деревни Гаврюкова армія

вышла на Ельнинскую дорогу; у села Лобкова на Рославльскую; у села Щелканова на Мспиславльскую и Краснинскую. 3, 4, 5 и 6-го Ноября происходили доспомяшныя сраженія подъ Краснымъ (въ самомъ городѣ и по дорогамъ Смоленской и Оршинской), въ которыхъ испреблена большая половина непріятельской арміи, въ коей при выходѣ изъ Смоленска было еще 70.000 чел. Въ первой день прешерпѣла поражение Наполеонова гвардія; при чемъ взяты 11 пушекъ, и до 2.000 плѣнныхъ. Во второй день разбилъ корпусъ Вице - Короля Ишліанскаго; при чемъ взяты 1 орелъ, 1 знамя, 18 пушекъ и до 2.200 плѣнныхъ (въ помѣ числѣ 1 Генералъ). Въ шрешій день разбилъ корпусъ Маршала Даву, а аріергардъ его весь испребленъ; при чемъ взяты 2 знамя, 45 пушекъ, множество обоза, часть канцеляріи Наполеона и 6.229 плѣнныхъ, въ помѣ числѣ 2 Генерала (по журналу Ген. Кварширмейстера Толя 3 знамя, 3 шшанд., 70 пушекъ, почти весь обозъ, въ коемъ найденъ и Маршальскій жезлъ Даву, и 9.230 плѣнныхъ, въ помѣ числѣ два Генерала и 58 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ. Въ чештвертый день испребленъ почти весь корпусъ Маршала Нея; при чемъ взяты: 27 пушекъ, обозъ и 12.000 плѣнныхъ. Понесенный Русскою арміею въ сіи чешыре дни уронъ проспирался не свыше 2000 выбывшихъ изъ строя, не смощря на то, что въ ней было не болѣе 50.000 чел. (слѣдственна 20.000 тысячами менѣ Французовъ), превосходство силъ, въ сраженіи было всегда на споронѣ Русскихъ; поелику Князь Кущузовъ вводилъ въ оное

войска только противъ отдѣльныхъ корпусовъ Французской арміи.

101. 5-го Ноября остатки разбитой Французской арміи собрались при Оршѣ; корпусъ Маршала Удино, вышедшій при м. Бобрѣ на большую дорогу изъ Орши въ Борисовъ, назначенъ былъ въ авангардъ, Маршалъ Викторъ, опустившій къ м. Холопчинчамъ, получилъ повелѣніе, пропуская главную армію составить арьергардъ. 10-го Сентября къ корпусу Маршала Удино присоединились (при м. Крупкѣ) остатки Польской дивизіи Генерала Домбровскаго, выдѣленной изъ города Борисова Графомъ Ламбершомъ (9-го Ноября). Всѣ сіи войска составили армію въ 80.000, поспѣвавшую къ Борисову, предъ копорымъ на бивакахъ спокойно стоялъ Адмиралъ Чичаговъ съ своею арміею, въ коей было только 32.000. 11-го Ноября авангардъ его, за копорымъ черезъ нѣсколько часовъ должна была выступить и армія, подходя къ селу Лошницѣ, открылъ непріятельскія колонны, и схвативъ нѣсколько плѣнныхъ, узналъ, что вся армія Наполеона слѣдуетъ за ними въ одномъ только переходѣ. Адмиралъ Чичаговъ, не предполагая такой близости непріятели, послалъ до 3.000 кавалеріи для фуражированія на лѣвомъ берегу Березины, копорые и были опрѣзаны вмѣстѣ съ претрѣ егерскими полками авангарда; но къ счастью одинъ мужикъ показалъ имъ бродъ при д. Бриляхъ. Наконецъ, когда не лзя уже было болѣе сомнѣваться въ приближеніи непріятели, вся армія Чичагова двинулась на мостъ черезъ Березину

длиною въ 200 сажень и успѣли перейти оный благополучно, даже разломашь. 13-го Ноября Адмиралъ Чичаговъ, оставя прошивъ Борисова одинъ авангардъ, самъ пошянулся къ м. Шабашевичамъ (верспахъ въ 20 отъ Борисова внизъ по теченію Березины), верховье же Березины наблюдашъ посланъ былъ къ деревнѣ Брилямъ (въ 12 верспахъ отъ Борисова) Генералъ-Маіоръ Чаплицъ съ приказаніемъ прошянуть цѣпь постовъ до м. Зембина. Наполеонъ въ пошъ же день велѣлъ дѣлать ложныя пригошовленія къ переправѣ прошивъ д. Брилей и при м. Ухолодѣ (не много пониже Борисова). Симъ еще болѣе ушвердившись во мнѣніи, что Наполеонъ хочешъ переправляшъся внизу Березины, Адмиралъ Чичаговъ предписалъ Генералъ-Маіору Чаплицу ворошиться къ Борисову для соединенія съ Графомъ Фонъ-деръ-Паленомъ 2-мъ. 14-го Ноября Генералъ-Маіоръ Чаплицъ, прибывшій уже къ самому Борисову, получилъ донесеніе отъ оснавленныхъ имъ въ окрестностяхъ Брилей козаковъ, что непріятель переправляешся при д. Студенѣ (пѣчи прошивъ д. Брилей, на лѣвомъ берегу Березины, котораго вышины повелѣвають прошивоположнымъ берегомъ, къ которому прилегаютъ обширныя болошистыя луга, тогда замерзшіе); онъ пошчасъ возвратился назадъ, а между тѣмъ послалъ обо всемъ извѣстить Адмирала Чичагова; но сей, также какъ и въ первой разъ, не хотѣлъ ни чему вѣршъ, и спокойно пробылъ весь день при м. Шабашевичахъ. Послѣ жестокаго боя, продолжавшагося большую половину дня, Чаплицъ,

подкрѣпленный только частью авангарда, опшѣненъ былъ за деревни Брили въ кустарникѣ. Уронъ съ каждой стороны былъ мало важенъ (онъ состоялъ только въ 200 выбывшихъ изъ строя; но для Наполеона важно было то, что онъ вышелъ на Зембинскую дорогу. Наконецъ развѣдываніе, учиненное Генералъ - Маіоромъ Графомъ Орукомъ на лѣвомъ берегу Березины, открыло глаза Чичагову, что Наполеонъ и не помышлялъ о нижней Березинѣ; 15-го Ноября возвратился онъ къ предмостному Борисовскому укрѣпленію, гдѣ и остановился, пославъ къ Чаплицу, который все еще держался въ кустарникѣ ниже д. Брилей, остатокъ авангарда. 16-го Ноября въ 9-ть часовъ по полуночи Адмиралъ Чичаговъ, усиленный отрядомъ Генералъ - Лейтенанта Ермолова (онъ прибылъ къ Борисову въ ночь съ 15 на 16-е Ноября) прибылъ къ д. Шахову, гдѣ опять остановился; отъ чего произошло, что Чаплицъ съ разсвѣта сражавшійся подъ д. Брилями, былъ опрокинутъ и преслѣдованъ къ Шахову съ такою скоростью, что около 600 разсыпанныхъ въ спрѣлки егерей попались въ плѣнъ. Чичаговъ послалъ къ Чаплицу въ подкрѣпленіе 8 пѣхотныхъ полковъ подъ начальствомъ Генералъ - Лейтенанта Сабанѣева; но уже поздно: непріятель выигралъ мѣсто, успѣлъ овладѣть выходомъ изъ Шаховскаго лѣса, въ которомъ самой убійственной ружейной огонь продолжался до 11 часовъ ночи (въ то же самое время на лѣвомъ берегу Березины при д. Спуденкѣ происходило другое сраженіе у Графа Вишгенштейна съ Маршаломъ

Викшоромъ). Пошера съ обѣихъ сторонъ была значительная (у непріятели убишо до 5.000 человекъ). Въ ночь съ 16 на 17-е Ноября непріятель съ той и другой стороны рѣки пошянулся къ м. Зембину; а Адмиралъ Чичаговъ уже на разсвѣтѣ двинулся къ Брилямъ (до которой только и дошли въ этотъ день главныя его силы), и подобралъ на дорогѣ 7 брошенныхъ пушекъ и 3.000 усталыхъ непрятельскихъ.

Между тѣмъ Графъ Вишгенштейнъ еще 14-го Ноября въ вечеру узналъ о переправѣ непріятели; сперва онъ хотѣлъ идти прямо къ Сшуденкѣ, дабы опрокинуть все, что ни найдешь на лѣвомъ берегу Березины, и отрѣзать или преслѣдовать корпусъ Маршала Викшора; но прямая дорога въ д. Сшуденку изъ м. Косприцы, гдѣ онъ тогда находился, по осмотрѣ оказалась непроходимой для артиллеріи, а потому 15-го Ноября и выступилъ онъ по дорогѣ къ шарому Борису. Маршалъ Викшоръ съ двумя дивизіями своего корпуса миновалъ сей дворъ, но 3-я дивизія еще не миновала, и хотѣла пробиться силою; она даже овладѣла шарымъ Борисовымъ; но бывъ опшуда выгнана, и на опспупленіи своемъ, къ городу Борису, окруженна Русскими войсками (Графъ Плашовъ занялъ Борисовъ въ 10 часовъ по полудни), на другой день въ 7 часовъ пополночи сдалась на договоръ (начальствующій дивизією Генералъ Паршуно, хотѣвшій обманомъ уйти, съ 400 чел. взятъ былъ въ плѣнъ еще съ вечера). 16-го Ноября въ 5 часовъ по полночи Графъ Вишгенштейнъ отъ двора Ста-

раго Борисова двинулся къ д. Спуденкѣ, гдѣ и сошелся съ главными силами Маршала Виктора. Одна ночь прекратила сраженіе; Русскіе на бивакахъ оспались на мѣстѣ онаго, а М. Викторъ воспользовавшись темнотою ночи, переправился черезъ рѣку, и въ слѣдъ за Французскою арміею пошелъ къ м. Зембину, оспая на лѣвомъ берегу Березины 12 пушекъ, 2.000 чел. успалыхъ и такое множество обоза (съ награбленными въ Москвѣ сокровищами), что пространство квадратной полуверсты онымъ загромождено было. Въ сихъ двухъ бояхъ (15 и 16-го Ноября) Маршалъ Викторъ потерялъ 2 знамя, 4 пушки, 5.000 убитыхъ и около 11.000 плѣнныхъ (въ томъ числѣ Генералы: Паршуно, Бельяръ, Камюсъ и Делешрѣ). На обѣихъ же берегахъ переправа черезъ Березину Наполеону стоила 25 пушекъ, болѣе 18.000 плѣнныхъ и до 12.000 убитыхъ, потеря тѣмъ важнѣйшая, что понесена была большою частію корпусами Маршала Виктора и Удино, похожими еще на усроенное войско. Послѣ того Французская армія пришла въ такое расстройство, что составляющія оную 50.000 чел. шли уже не колоннами, а толпами, неповинуящимися никакой дисциплинѣ. Опѣздъ Наполеона изъ города Сморгони (23-го Ноября) довершилъ сіе расстройство; примѣру его послѣдовали и прочіе начальники арміи. Власъ главной квартиры состояла только въ томъ, чтобъ назначить дорогу, по которой бѣжать, въ то время когда морозы постоянно были отъ 25 до 27 градусовъ.

102. 17-го Ноября Генералъ - Маіоръ Ланской, прибывъ къ м. Плещеницамъ, и напавъ на оное вдругъ, взялъ въ плѣнъ Генерала Каминскаго, 30 Шшабъ и Оберъ-Офицеровъ и 277 нижнихъ чиновъ, занимавшихъ кварширы для Наполеона.

103. 23-го Ноября Генералъ - Маіоръ Чаплицъ, перешедъ рѣчку Ушу верстахъ въ 3-хъ ниже м. Молодечны, опрѣзалъ часть непріятельскаго аріергарда (оспашокъ совершенно истребленъ по дорогѣ къ Сморгони) хотѣвшаго было защищаться за Ушею. Въ сей день непріятель потерялъ 24 орудія и 2.500 плѣнныхъ.

104 и 105. 2-го Декабря въ 10 часовъ по полуночи Графъ Плашовъ и Графъ Оруркъ явились передъ Ковной; Маршалъ Ней защищался въ оной до самаго вечера, наконецъ козаки, перешедъ по льду Неманъ выше и ниже Ковны, спали угрожающъ въ пылъ непріятелю. Сіе заставило его выйти изъ города; но козаки въ мигъ разсѣяли гусшыя его колонны, опбивъ 4 пушки, и взявъ около 3.000 чел. въ плѣнъ. Въ Ковнѣ найдены довольно значительныя магазины съ провіансомъ и фуражемъ, 779 ящиковъ съ артиллерійскими запасами, 17 орудій и до 60.000 совершенно новыхъ ружей.

Ужасно вообразить всю великость (пораженія, прешерпѣннаго Наполеономъ; онъ вошелъ въ Россію съ арміею, какой щещно будемъ искашь въ исторіи (полчища Ксеркса, Апшилы, Чингисъ - Хана превосходили въ числѣ; но далеко не равня-

лись въ устройствѣ, вооруженіи и храброспи; ибо должно признахся, Французы дрались опчаянно) съ 554.000 чел. (по другимъ извѣстіямъ до 575.000, см. подробной списокъ всѣхъ корпусовъ, сославлявшихъ Французскую армію. Сей списокъ выбранъ изъ подлинныхъ рапоршовъ, взяшыхъ у правителя Канцеляріи Маршала Берсье, начальника Главнаго Штаба, оставленнаго въ Москвѣ за болѣзнію); вышелъ изъ Россіи съ 79.000 (въ помѣ числѣ 25.000 Австрійцевъ, 18.000 Прусаковъ и 11.000 Саксонцевъ); слѣдствено уронъ его въ ней проспираешся до 475.000 (въ помѣ числѣ убитыхъ въ сраженіяхъ: по крайней мѣрѣ 125.000, взяшыхъ въ плѣнъ: Генераловъ 48, Офицеровъ 3.800, и болѣе 190.000 нижнихъ чиновъ; остальные погибли отъ болѣзней, голода и спужи) сверхъ того опбито 75 орловъ, знаменъ и шпандаршовъ и 929 орудій, не считая зарышыхъ въ землю или брошенныхъ въ воду. (И съ какими же силами сей исполинскій подвигъ совершила Россія? съ половинными: при началѣ войны въ 1-й западной арміи было 127.000, во 2-й западной 48.000, въ 3-й западной 43.000, въ Молдавской болѣе 5.000, но изъ того числа оставалось на Турецкой границѣ 13 башалионовъ пѣхоты, и 19 эскадроновъ кавалеріи, наконецъ въ резервахъ по крѣпостямъ 34.300 человекъ). Но какъ исчислишь всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Французами? Они неизчислимы; имъ нѣшъ примѣра въ Истории. Десница Господня очевидно шягошѣла надъ злочеспивцами; Ангелъ смерти гналъ ихъ отъ Колоцкаго монастыря до Ковно. Вся дорога усшлана была

убишыми, замерзшими, ранеными и умирающими; взяше въ плѣнъ было истинное благодареніе. Великаго благодарителя Французовъ уже нѣшъ на свѣшъ; шамъ предспалъ онъ на судъ Всевышняго (1821 года Февраля 21), обліанный всемірною кровію (слова Высочайшаго Манифеста отъ 1-го Генваря 1816 года); а здѣсь на скрижаляхъ Кліи имя его начертано кровавыми буквами съ именами: Апшилы, Чингисъ-Хана, Башыя, Тамерлана и другихъ урагановъ, копорыхъ раздраженное преступленіями смершныхъ небо, въ праведномъ своемъ гнѣвѣ, посылаетъ карашъ ихъ.

Языки! вѣдайте! Великъ Россійскій Богъ!

106. См. спр. 179, сп. 12. Нельзяли изъ сего заключить, что Боянъ пѣлъ о войнахъ Трояна въ древней Дакии, и что Авшоръ Слова о полку Игоревомъ извѣстія свои о Траянѣ взялъ изъ пѣсней Бояна?

107. См. спр. 186, сп. 8. Въ подлинникѣ: Сыпаху ми пѣщими шулы поганыхъ Тьлковинъ, но послѣднее слово едва ли не описка вмѣсто Половчинъ: 1) пошому: слова Тьлковина кромѣ сего нигдѣ не встрѣчается; 2) Половецкіе шулы здѣсь кшаши, поелику постигшее Игоря бѣдствіе произошло отъ Половцовъ; 3) прил. *логаный* — Авшоръ обыкновенно придаетъ Половцамъ.

108. См. спр. 189, сп. 8. Въ Словѣ о полку Игоревомъ встрѣчается сущ. Хинъ и прил. Хиновъ и Хиновскій: и великое буйство подаетъ Хинови... Тѣми пресну земля и многи спраны Хинови... Чему мычеши Хиновскыя спрѣлки? Почешъ это опискою вмѣсто Ханъ,

какъ почли первые издатели и Г. Пожарскій? Но слово Ханъ, какъ само по себѣ, такъ и сложенное съ чьимъ либо именемъ, въ старину писали Канъ: Тугорканъ, Шаруканъ, Тешуканъ, Менгуканъ. . . . Тапарове же начаша записи нужею къ Канови и Башыевѣ, глаголюще имъ: не подобаешъ вамъ жити на земли Башыевъ и Кановъ не поклонившеся имъ (Исп. Гос. Росс. 18, прил. 41). . . . Сей же и возвратися вспяшь, убѣдивъ смершь Канову; Канъ же бысть не ошъ роду Башыева (Никон. Лѣт. III, ч). И такъ Хинъ не естъ Ханъ; но ясно, что симъ именемъ Авпоръ называешъ Половцовъ, и сіе вѣроятно естъ имя сего народа, которымъ они самъ звались. Съ симъ довольно сходно Хунери, какъ Венгры называли Половцовъ (Таш. Исп. II, 35 ч.); Хуни, которымъ именемъ называлось одно племя Огоровъ или Угровъ (изв. Визанш. Исп. II, 85), и наконецъ Гунны и Гунгры, какъ называли Византійскіе историкѣ древнихъ, не нынѣшнихъ Венгровъ, называющихъ себя Маджарами. Можешъ бышь и здѣсь вмѣсто Хинъ должно читашъ Хунъ; по несчастію дошелъ до насъ одинъ только списокъ Слова о полку Игоревомъ, да и пошъ чрезвычайно неисправной; сличашъ не съ чѣмъ, и пошому крипической Издашель можешъ только догадывашся.

109. См. стр. 191, стр. 13. Въ подлинникъ: Великому Хрѣсови вѣлкомъ пушь прерискаше. . . Въ изданномъ мною Словѣ о полку Игоревомъ (пр. 151) полагаю я, что Хрѣсови естъ описка вмѣсто Днѣпрови; но послѣ перемѣнилъ свое мнѣніе, и думаю, что эшо описка

вмѣсто Донови; поелику прил. *великій* Авшорѣ многокрашно придаешѣ Дону, на дорогѣ же изъ Кіева Донѣ также надобно переѣзжашѣ, какѣ и Днѣпрѣ. Вѣроятно Всеславѣ, подобно Олегу Рязанскому, думалѣ укрѣпитѣся помощію Половцовѣ, и для того ѣздилѣ вѣ Тьмушороканѣ.

110. О семѣ черномѣ лѣсѣ упоминается вѣ повѣсти: Забой, Славой и Людекѣ; вѣроятно эшо собственное имя.

111. Волшава, нынѣ Молдава, рѣка, при копорой стоишѣ Прага, Столица Богеміи.

112. Кѣ Опону (кѣ копорому?), Авспрійскому Имперашору.

113. Имя горѣ вѣ Саксоніи; по Нѣмецки Герлицкія горы опѣ города Герлица.

114. Здѣсь шагѣ солнца безѣ сомнѣнія означешѣ нѣкопорое измѣреніе времени, но какое? сѣ точностію опредѣлишѣ не лѣзя.

115. Божество страха и шрепеша, копораго видно, почишали, или шолько признавали древніе Чехи.

116. Морена (вѣроятно опѣ морѣ), богиня смерти; подобная Скандинавской Гелѣ; надобно замѣшисѣ, что у Нѣмецкихѣ, Польскихѣ, Чешскихѣ, и Русскихѣ Славянѣ языческія божества были различны, вѣроятно пошому, что по дальности занимаемыхѣ ими жилищѣ, они не имѣли между собою сообщенія.

117. Мнѣ самому случилось слышать отъ нашихъ прослоюдимовъ, что душа, покуда шло не предано землѣ, спранспвуетъ около онаго; вошъ, какъ долго въ простомъ народѣ живущъ суевѣрныя мнѣнія, что цѣлое тысящелѣтіе и Христіанская Религія не въ силахъ испребишь ихъ.

118. Сѣданье, рыцарскіе игры, шурниръ, карусель, отъ сл. сѣдашь; пошому что присушествовавшіе на сихъ играхъ жштели сидѣли; впрочемъ слово сіе въ Славенскомъ языкѣ упопребишельно, но шолько не въ эшомъ смыслѣ: шы позналъ еси сѣданіе мое и восшаніе мое (Пс. СХХХVІІІ, І).

119. Лаба, по Славенски рѣка Эльба въ Германіи.

120. Въ подлинникѣ: и едшну дружу на имѣши; изъ сего можно заключишь, что сіи незнакомые были Христіане. Извѣшно, что Карлъ Великій огнемъ и мечемъ обрацалъ въ Христіанскую вѣру Саксонцовъ, а съ ними вѣрояшно и сосѣдей ихъ Чеховъ; по сему дѣйствіе въ сей повѣсти происходишь едва ли не во времена Карла Великаго.

121. Въ подлинникѣ: и кегди бѣше пѣшь слунци, такъ дикіе Американцы счишають дни. Впрочемъ вся здѣсь описанная война весьма сходспвуетъ съ образомъ войны Американцовъ, вездѣ говоришя: лисьими скоками, лисьими зраками; а извѣшно, что лиса самой лукавой звѣрь.

122. Вымыселъ довольно спранной, но изъ котораго видно, что древніе Славяне предспавляли душу вещешвенно, даже придавали ей крылья.

123. Подобная сей естъ Русская, просонародная пѣсня :

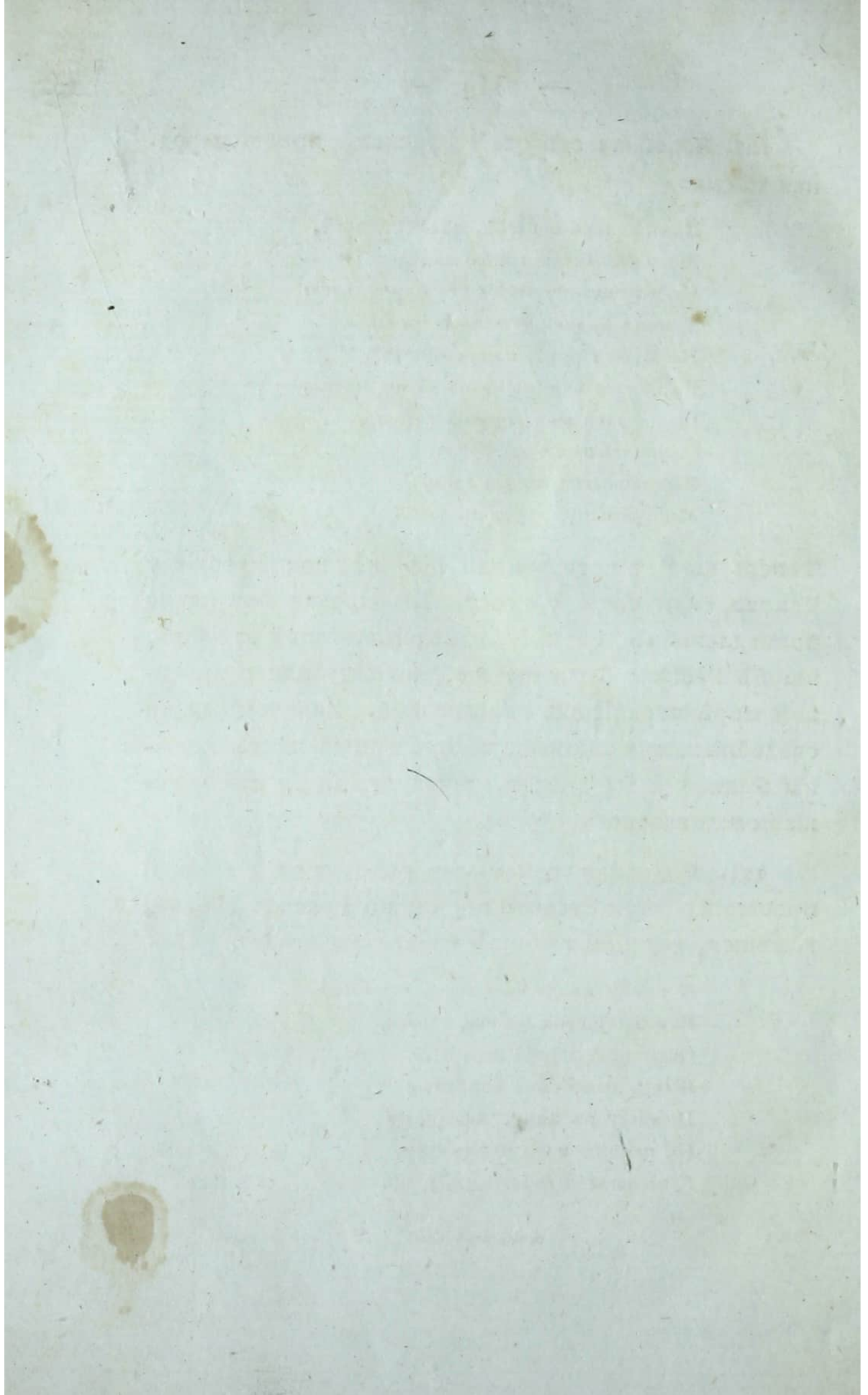
Какъ вечеръ-шо мнѣ, молодешенькѣ,
Мало сна было, много видѣлось;
Не хорошъ-шо мнѣ сонъ привидѣлся:
У меня будшо, у младешеньки,
На правой рукѣ, на мизинчикѣ,
Распаялся вдругъ золошой першень,
Выкашался мой дорогой камень,
Расплешалася коса русая,
Выплешалася ленша алая,
Подареньице друга милаго.

Теперь кто у кого занялъ сію пѣсню : Русскіе у Чеховѣ, или Чехи у Русскихъ? естъли она равно принадлежишь обоимъ народамъ, шо надобно, чтобъ Русская была шакже древняя; или по крайней мѣрѣ передѣлана изъ древней. Впрочемъ наши свадебныя, свяшешныя и хороводныя пѣсни должны бышь весьма древни, хопя языкъ вѣ нихъ, кажешся довольно новъ.

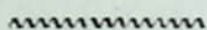
124. Подобная сей мысли находишся вѣ одной просонародной Русской пѣсни; но Русская дѣвица, кажешся, горячѣе любишь своего любезнаго:

Я пойду млада вѣ высокъ шеремъ,
И возьму свои злашы ключи,
Ошопру я ларцы кованы,
Выну, выну бѣла бархаша,
Напишу къ нему любезному
Не перомъ и не чернилами,
А слезами я горячими, и пр.

ПОГРѢШНОСТИ ВЪ I-й ЧАСТИ.

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай.</i>
135	5	солце	солнце
137	4	спанише	спанеше
144	16	Займицѣ	Займицѣ
154	8	(80)	(90)
160	22	Вишгеншпейна	Вишгеншпейна;
—	23	духъ ему,	духъ ему.
163	2	(104)	(104 и 105)
175	6	Славянь	Славянь,
186	8	Туловъ сыпали;	Туловъ сыпали; (107)
189	8	Хинскіе;	Хинскіе; (108)
191	13	великому	великому (109)
210	18	живущіе.	живущіе
220	1	не одною	не одного
225	8	Прапоръ	Прапоръ
230	8	нашей	нашей,
231	18	испещренный	испещренный,
—	25	и погибашь бы	и погибашь бы,
237	18	о мужи?	о мужи!
239	23	Ярославу	Ярославу;
—	28	Кубаева	Кублаева
242	2	весело	весело,
246	13	солнышко,	солнышко
251	5	пщерь	дщерь
258	4	свѣшилъ	свѣшель
—	12	звончашья	звончашья,
—	19	разшерзана,	разшерзана
267	7	они	онѣ
308	3	самъ	симъ
—	29	швоя именемъ	швоя, именемъ
317	3	шакъ	шакъ,
341	8	непріашельскихъ	непріашелей

